

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»
ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала»
ФГБУН «Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук»
ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук»
Фонд содействия сохранению культурного наследия Общественный фонд «Южный Урал»

**АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Сборник научных статей

Челябинск
ФССКН Общественный фонд «Южный Урал»
2018

Редакционная коллегия:

Атнагулов Ирек Равильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Этнография народов Южного Урала» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (**Главный редактор**)

Загребин Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Этнография народов Южного Урала» Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Заслуженный работник культуры РФ

Рыбалко Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета

Самигулов Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра Евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета)

Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе. Сборник научных статей. / Ред. Атнагулов И.Р., Загребин С.С., Рыбалко А.А., Самигулов Г.Х. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал». 2018. 198 с.

ISBN 978-5-6040931-0-8

В сборнике представлены научные статьи участников II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе», состоявшейся в городе Челябинске 17–18 мая 2018 года. Авторы статей поднимают широкий спектр проблем этнокультурного развития города в исторической ретроспективе и современном социокультурном контексте. В представленных статьях раскрываются онтологические и гносеологические основания феномена города; концептуальные вопросы исследования города в пространстве культурной памяти; этнические, конфессиональные проблемы истории города; сфера искусства и культуры больших и малых городов. Сборник адресует специалистам по истории городской культуры, урбанистике, всем интересующимся изучением феномена города.

Ответственность за содержание статей, корректность цитирований, достоверность приводимых фактов несут авторы публикаций

© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

История и этнография городов Урала и Западной Сибири

<i>Г.Н. Чагин (Пермь)</i> САКРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА XVI – XVII ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕРДЫНИ И СОЛИКАМСКА)	6
<i>Ф.Г. Сафин, К.О. Сиразетдинов (Уфа)</i> ОСОБЕННОСТИ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	12
<i>С.Ф. Татауров (Омск)</i> АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА ТАРЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ	18
<i>О.В. Новикова, А.А. Рыбалко (Челябинск)</i> ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: СТАБИЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В XXI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ ЧЕЛЯБИНСКА)	23
<i>К.А. Абдрахманов (Оренбург)</i> ГОРОЖАНКИ ОРЕНБУРЖЬЯ В ИСТОЧНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	30
<i>Р.И. Кантимирова (Стерлитамак)</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	36
<i>В.С. Кузеванов (Омск)</i> УСТОЙЧИВОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОРОДА: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	40
<i>Ю.О. Куренкова (Оренбург)</i> КРЕСТЬЯНЕ В ГОРОДЕ: ИСТОЧНИКИ ПО ПОВСЕДНЕВНОСТИ КРЕСТЬЯН В ОРЕНБУРГЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.	43
<i>Н.С. Мысляева (Стерлитамак)</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ	48
<i>О.С. Павлова (Стерлитамак)</i> УФИМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	53
<i>И.С. Паршикова (Самара)</i> ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)	57

<i>А.А. Пасс (Челябинск)</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОМЫСЛОВЫХ КООПЕРАТИВОВ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.	61
<i>А.М. Сафронова (Екатеринбург)</i> СТАНОВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА КАК ЦЕНТРА ОБРАЗОВАНИЯ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ (1723-1750-е гг.)	67
<i>А.Г. Фот (Оренбург)</i> СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И РОДСТВЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СРЕДЕ ОРЕНБУРГСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА (КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX ВЕКА)	73
<i>Н.П. Палецких (Челябинск)</i> МАТЕРИАЛЬНО-ВЕЩНАЯ СРЕДА ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	80
<i>Н.Л. Усольцева (Челябинск)</i> ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	87
<i>Е.П. Шульга, С.Д. Ефимов, В.В. Медведев (Сургут)</i> ИГРА «ХРАБРОГО АРДАШИРА»: ОПЫТ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА УЧАСТНИКОВ СОРЕВНОВАНИЙ ПО НАРДАМ	91
Культура, искусство и туризм в современном городе	
<i>М.А. Беляева, Е.А. Ефремова (Екатеринбург)</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТОК-ШОУ КАК МАРКЕР ОБРАЗА КРЕАТИВНОГО ГОРОДА	96
<i>А.В. Кузнецова (Омск)</i> ПУТЕВОДИТЕЛИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОГО ЛОКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	100
<i>Р.Н. Гизатуллин (Троицк)</i> ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ТРОИЦКА	106
<i>Т.А. Ладыгина (Красноуфимск)</i> ВКЛЮЧЕНИЕ АРТ-ПРАКТИК В ГОРОДСКИЕ ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ: ОПЫТ КРАСНОУФИМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	119
<i>С.С. Наумов (Омск)</i> НОВЫЕ СИМВОЛЫ В МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1990-е – 2000-е ГГ.: СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ	122
<i>А.А. Павильч (Минск)</i> ГОРОД КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ	130

<i>В.Г. Рыженко (Омск)</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ К ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И В ФОКУСЕ ПАРАДИГМЫ ПАМЯТИ	135
<i>В.А. Самкова (Екатеринбург)</i> КУЛЬТУРА – КАК ДРАЙВЕР ТЕРРИТОРИЙ	140
<i>И.В. Сибиряков (Челябинск)</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА	145
<i>О.А. Стаина (Екатеринбург)</i> ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА	150
<i>С.О. Ткаченко (Челябинск)</i> КОМПЛЕКТ ВИДОВЫХ ОТКРЫТОК КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА 1960-1980-х ГОДОВ	153
<i>Т.В. Шарманова (Челябинск)</i> «ПУШКИНСКИЕ МЕСТА» В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ КАК МАРШРУТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКСКУРСИИ	161
<i>В.В. Баркова (Челябинск)</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ АНТРОПОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЧЕЛОВЕКА	165
<i>Т.Ю. Быстрова (Екатеринбург)</i> ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ КОМИКСА, ПОМОГАЮЩЕГО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ	175
<i>К.В. Демьянов (Омск)</i> МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ В ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)	179
<i>А.В. Черноножкин (Омск)</i> «ГОРОДА-ПРИЗРАКИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ ПРИЗНАК МИРОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	184
<i>И.Я. Мурзина (Екатеринбург)</i> СУБЪЕКТЫ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	188
Проблемы экологии современного города	
<i>А.А. Рыболовлев, Д.С. Тарынин (Челябинск)</i> БЕЗОТХОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ПУТЬ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СВАЛОК В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ	196

ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ГОРОДОВ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

УДК 726+908
ББК 63.3+63.4+63.5

САКРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ УРАЛЬСКОГО ГОРОДА XVI – XVII ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕРДЫНИ И СОЛИКАМСКА)

Г.Н. Чагин
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
g-chagin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются способы сакрализации культурного пространства городов Чердыни и Соликамска. Названы культовые здания и священные участки, смысловые взаимосвязи религиозного и исторического характера, способы функционального ритуального использования сакральной среды. Материал статьи убеждает, что в городах все ассоциировалось с церковными предписаниями, историческими событиями.

Ключевые слова: Пермь Великая, Чердынь, Соликамск, сакральная топография, культ святых, крестные ходы, места сражений, исторические захоронения.

THE SACRAL IMAGE OF AN URAL TOWN IN THE 16th - 17th CENTURIES (CHERDYN AND SOLIKAMSK)

George. N. Chagin
The Perm state
National Research University
g-chagin@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the ways of cultural sacralization in Cherdyn and Solikamsk. The article represents religious buildings and sacred areas, religious and historical interactions, the ways for sacralization of towns' environments as well as demonstrates that the town life was associated with religious instructions and historical events.

Key words: Perm the Great, Cherdyn, Solikamsk, sacral topography, worship of saints, religious processions, battle sites, historical burial places.

Сакрализация окружающей среды – обязательная потребность в традиционном социуме. Она оформлялась множеством способов – архитектурой, искусством, храмами, часовнями, крестами, местами сражений, захоронениями, топонимами др. Средством воплощения среды служила организация конфессиональной жизни. Создатели сакральной среды, как правило, наделяли ее еще историческим содержанием. В таком случае сакральное пространство формировало мощные семантические объекты, которым обеспечивалось длительное существование даже в случае их физических изменений.

В полной мере это свойственно городам Чердыни и Соликамску Пермского края, сакральная топография которых отличалась двумя особенностями. Она ориентировалась на православие, которое исповедовало население городов, и на исторические события, которые в них происходили и воздействовали на духовную жизнь населения¹.

В исследовательском процессе мы идем несколькими направлениями. Первым – литургическим, которое базируется на изучении богослужения. Вторым – реликтовым,

¹ Чагин Г.Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004. С. 48-70, 172-189, 211-218.

восстанавливающим конкретную наполняемость культовых сооружений. Третьим – историко-архитектурным, опирающимся на взаимосвязь с историей храмов, приходов, городского пространства.

В первой четверти XVII в. сакральное пространство Чердыни образовывали 16 храмов – 12 приходских и 4 монастырских. В них было 20 престолов. Самое большое число престолов (12) посвящалось апостолам и святым Иоанну Богослову, Иоанну Предтече, Петру и Павлу, Прокопию Устюжскому, Варлааму Хутынскому, Николаю Чудотворцу Великорецкому, Флору и Лавру, Борису и Глебу, Стефану Пермскому, Клименту папе Римскому, Параскеве Пятнице. Господские престолы (их было 5) назывались в честь Живоначальной Троицы, Рождества Христова, Богоявления Господня, Воскресения Христова, Вознесения Господня. Три престола посвящались событиям жизни Богородицы – Благовещению, Введению, Успению.

Большая роль в сакральном пространстве Чердыни принадлежала храмам кремля (крепости), поскольку в них воплощались два важных и последовательных евангельских сюжета. Первая церковь посвящалась Благовещению Пресвятой Богородицы с приделом в честь Петра и Павла, которая после пожара была заменена новой церковью во имя Рождества Христова с приделом Афанасия Александрийского.

В XV-XVI вв. Чердынь признавалась христианской столицей Перми Великой. Епископ Иона в 1462 г. крестил в Чердыни коми-пермяков и основал первый на Урале Иоанно-Богословский монастырь. Чердыни выпала миссия создания цельной системы христианского мира на Урале взамен традиционных культов языческих божеств. Местонахождение монастыря оказалось в центре начальной историей христианизации Урала.

Особое значение в духовной жизни населения принадлежало храму, освященному в честь Прокопия Устюжского Чудотворца. Известны были заслуги Прокопия, молитвенно защитившего от градобития г. Великий Устюг и пророчески предсказавшего рождение дочерью посадского человека Марией святителя Стефана Пермского. Исстари в Чердыни установился главный праздник – Прокопьев день – с торжественным богослужением, на который приносили иконы из разных сел Чердынского края, крестным ходом, ярмаркой.

Освящение престола во имя Варлаама Хутынского исходило из стремления упорядочить жизнь прихожан образом святого, который стал признаваться заступником всей русской земли после того, как сбылось его предсказание о снеге и морозе, принесшем в Великий Новгород не уничтожение посевов, а хороший урожай ржи, ибо морозом были уничтожены червяки, источающие корни.

Помимо храмов, сакральный образ Чердыни составляют семь реальных холмов. На крайнем северном холме в 1462 г. был возведен Иоанно-Богословский монастырь, на двух других – Воскресенский собор и приходские церкви. Троицкий холм получил название по церкви, построенное здесь в XVIII в., а Вятский холм – потому, что на нем селились выходцы из Вятской земли. Остальные холмы использовались под административные и жилые постройки.

Семиричная структура Чердыни очень четко сформулировала и реализовала средневековую нумерологию, которая усиленно использовала «семерку». Это обстоятельство рождалось сначала по топографии городского пространства, а за тем переходило к устойчивому употреблению «семерки» для выражения сакрального статуса города, и еще больше – объяснялось устойчивым употреблением «семерки» в пророческих книгах Ветхого Завета и в Апокалипсисе¹.

Представление о Чердыни как о «семихолмном» городе оказалось устойчивым до настоящего времени. Семихолмность была домыслена до сакрального выражения: «Чердынь подобно Риму и Москве стоит на семи холмах».

Соликамск, рожденный у рассолов в XV в., всю жизнь не расставался с солью. По давней традиции соль в христианском сознании являлась символом духовной твердости и

¹ Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 211.

нравственной чистоты. Об этом жителям Соликамска напомнил епископ Пермский и Соликамский Иринарх в 2003 г. во время городского праздника в честь Параскевы Пятницы и особо выразил, что и сами соликамцы отличаются такими же качествами, которыми наделялась соль. На этом же примере подчеркнул, что соликамцы всегда отличались и «своей религиозностью и стоянием вере отцов за правду церковного торжества»¹.

В первой четверти XVII в. Соликамск имел два собора, две приходские и две монастырские церкви. Одна церковь находилась на территории кремля. Деревянные соборы занимали господствующее положение в посаде. Летний Свято-Троицкий собор выглядел величаво. Основной шатровый храм во имя Святой Троицы с приделом, посвященным святителю Николаю Чудотворцу, размещался на одном ярусе. Другая часть собора была двухэтажной. Верхний престол посвящался святому Иоанну Предтече, нижний – святым мученикам Борису и Глебу.

Зимний собор посвящался Стефану Пермскому – основателю Пермской (Усть-Вымской) епархии с кафедрой в городке Усть-Вымь на р. Вычегда, откуда Пермь Великая приняла православную веру. Вполне возможно, что появился храм в честь Стефана Пермского, кстати, и в Чердыни тоже, в связи с канонизацией Русской православной церковью Стефана Пермского в 1549 г.

В первой четверти XVII в. в семи соликамских храмах имелось 15 освященных престолов. Их именованья можно объединить в следующие группы. Один престол посвящался Святой Троице, три – событиям из жизни Иисуса Христа (Рождество, Вознесение, Спас Нерукотворный), один – Богородице, десять – святым (Николай Чудотворец, Иоанн Предтеча, Борис и Глеб, Стефан Пермский, Параскева Пятница, Климент папа Римский, Георгий Победоносец, пророк Илья, Архангел Михаил, Михаил Малеин).

Убедительным свидетельством полноты духовной жизни служат пример почитания в Чердыни и Соликамске мученика Климента папы Римского. Находясь на Римской кафедре с 92 по 101 г., он занимался апостольской проповедью Иисуса Христа, имел успех в крещении населения. Император Торян обвинил его за то, что он «хулил языческих богов». За это его осудили и изгнали в Крым. Но там святой Климент продолжал проповедовать веру Христову, пока не был утоплен в море. С тех пор память о святом великомученике стала чтиться на Руси. Поэтому в XVII в. в Чердыни и Соликамске ему посвящались отдельные церкви.

Почитание первых русских святых Бориса и Глеба, в безвинной гибели которых Русская православная церковь усмотрела духовный подвиг ради веры, наглядно проявилось в посвященных им престолах в Чердыни и Соликамске.

Сакральную идею храмов ярков воплощали иконы и среди них особая роль была за образом Богоматери Одигитрии, который утверждал в сознании православного населения ее главное предназначение – путеводительницы (Одигитрия – по-гречески путеводительница). Богородица получила такое имя в Константинополе – столице Византии. Её образ широко расходился по землям древней Руси, когда Русь признавалась наследницей Византии. Как видно, с образом Богоматери Одигитрии осваивались и пермские земли, как только они оказались в составе Русского государства. В первой четверти XVII в. в Чердыни и Соликамске икон с образом Богоматери Одигитрии насчитывалось более двадцати.

Особо влияли на духовную жизнь населения иконы, прославившиеся чудотворениями. В Соликамске почетом пользовались нерукотворные образы Сретения и Спасителя, которые до помещения в церкви (первый – в Спасскую церковь, второй – в Свято-Троицкий собор) пребывали, как гласило местное предание, в уцелевшей башне от крепости Соликамска. Согласно записанному преданию, в истории города был случай: пришли разграбить его сибирские татары, и для защиты от них выставили оба образа. Враги приняли их за больших настоящих воинов (лики были написаны в натуральную величину) и со страху убежали. С тех пор в народе эти образы стали называть «башенными»².

¹ Чагин Г.Н. Города Перми Великой... С. 246.

² Луканин А. Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска. Пермь, 1882. С. 69.

Почитался аналойный складной образ Святителя Николая в Свято-Троицком соборе, история которого возводилась к событиям взятия Иваном IV Казани в 1552 г. Когда царь подошел к Казани, соликамцы обратились к нему с просьбой помочь защитить их город от вражеских набегов сибирских народов. Но вместо войска царь пожаловал просителям икону Святителя Николая. Получив благословение, они привезли ее в Соликамск и поместили в Свято-Троицкий собор. У жителей Соликамска сформировалось представление о помощи иконы в защите города сначала от врагов, а затем и от любых несчастий¹.

Городские богослужения в Соликамске дополнялись крестными ходами, которые воспроизводили историю и сложившуюся православную традицию. Крестные ходы представляли собой народные шествия со священными предметами и молебнами, возглавляемые настоятелем Свято-Троицкого собора в особо почитаемые места города и его ближайшей округи. Соприкосновение с ними для паломников оказывалось апогеем духовной радости. Сложилась тесная связь крестных ходов с датами церковного календаря, с почитанием защитников города, павших в конце XV-XVI в. от набегов сибирских отрядов.

По словам летописцев, павшие воины изначально воспринимались защитниками не только города, но и «острова спасения православия» на уральской земле. Очевидно, этот обычай возник по инициативе местного духовенства после третьего сожжения Соликамска в 1581 г. сибирским отрядом во главе с пелымским (сибирским) князем Кихеком. Не зря же это разорительное нападение оставило сильную печать в местной церковной истории. Со временем обычай хождения с крестом благословили епископы Вологодские и Великопермские, под покровительством которых Соликамск, как и вся пермская земля, стал пребывать с 1585 г.

В Соликамске укоренился городской праздник «Девятая Пятниц» – в честь святой Параскевы Пятницы. Из чердынского села Ныроб несли чудотворный образ Святителя Николая, а из пригородного села Городище – явленную икону Знамения Божией Матери. Иконы влияли на чин праздничных богослужений, расширяли символическое пространство города, подчеркивали значение Соликамска как важного православного центра Северного Прикамья, что, несомненно, усиливало сходство города с другими признанными центрами православия.

В четверг, накануне «Девятой Пятницы», перед вечерней службой духовенство в сопровождении прихожан под звон колоколов выходило на окраину города совершить церемонию встречи выносных икон из сел Ныроба и Городища. Иконы приносились в Свято-Троицкий собор, и начиналось всенощное бдение – богослужение, состоящее из вечерни, утрени и первого часа. Каждый прихожанин стремился не пропустить молебны в честь Богоматери, Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы. Рано утром в пятницу в соборе и приходских церквях начинались литургические службы. По окончании служб духовенство города приходило в собор.

Крестный ход начинался с выноса икон, принесенных в Соликамск. Процессия подходила к каждой церкви города, останавливалась у алтаря для литийного (общего, усиленного) богослужения с чтением Евангелия в честь храма и после «осенения города крестом и освящения его водой» следовала к другой церкви. При его окончании обязательно исполнялась стихира Параскеве Пятнице.

Завершался крестный ход у Свято-Троицкого собора благодарственным молебном Господу Богу за спасение города от вражеских нашествий. И хотя процессия не приближалась к могилам защитников города, как это было в других шествиях, темой из истории города крестный ход заканчивался. В целом Соликамск уподоблялся единому храму, в котором происходило собиране отдельных приходов. Соборный крестный ход признавался лучшим средством от напасти. По времени проведения, массовости и по выражению благодарности Богу его можно отнести к категории празднично-благодарственных крестных ходов.

¹ Там же. С. 72. В настоящее время икона Николая Чудотворца после реставрации находится перед иконостасом Богоявленской церкви.

Праздничный день в честь святой Параскевы Пятницы завершался литургической службой в Воскресенской церкви перед ее образом, который находился здесь постоянно, в присутствии приносных сельских икон.

Почитание икон из сел Ныроба и Городища продолжалось на следующий день в приходских церквях. Были случаи, когда благочестивые прихожане уносили иконы из церквей в свои дома и устраивали почитание аналогично церковному со всеобщим бдением. Значение икон было велико и для сельских жителей.

В Соликамске регулярно справлялся поминальный крестный ход в Семик – в четверг седьмой недели по Пасхе. Под благовест жители собирались в Свято-Троицком соборе, откуда во главе с настоятелем собора посещали пять исторических могил города. Сначала процессия направлялась на кладбище, где поминали «православных воинов и всех за веру и отечество живот свой положивших». Далее участники крестного хода шли к могиле, находящейся в огороде городского жителя Рогожника (по данным А.М. Луканина, относящимся к 1882 г.), оттуда – к могилам, находящимся вблизи Богоявленской, Воскресенской и Спасской церквей. Все шествовали со свечами. На могилах или недалеко от них (некоторые места захоронений были заняты строениями) совершались литийные богослужения.

Могила с захоронениями воинов в часовне, приписанной Богоявленской церкви, стояла на берегу р. Усолки¹. В ней находился мраморный гроб с надписью: «Упокой, Господи, со Святыми здесь погребенных христоробивых воинов, положивших живот свой на защиту богоспасаемого града Соликамска во время опустошительного набега ногайских татар в 1581 году». На боку гроба была еще одна надпись: «Часовня построена в древние времена, а надмогильный памятник – в лето 1888 года при богоявленском старосте и градском голове И.П. Безукладникове»².

Возле Спасской церкви, напротив северо-восточного угла ограды, стояла каменная часовня, и в ней хранился древний деревянный крест, на котором было написано 38 имен воинов, «избиенных во время набега ногайских татар»³. От часовни Спасской церкви крестный ход направлялся еще к одной могиле, находившейся за городом, на левой стороне пермского тракта, где, по словам летописца и историков, «происходила битва соликамцев с татарами»⁴. Отсюда крестный ход возвращался к началу своего пути – в Свято-Троицкий собор.

Надо полагать, что традиция почитания воинов и всех погибших за город возникла в XVI в., когда еще продолжались набеги неприятелей из Сибири. И то, что крестный ход закрепился за Семиком, обусловлено являлось древней православной традицией – почитать в Семик воинов, погибших неестественной смертью.

В заключении можно сделать следующие выводы. В XVI-XVII вв. храмы, святыне, иконы были неотъемлемой частью жизни населения Чердыни и Соликамска. Они воплощали духовный идеал и служили актом формирования и собирания сакрального пространства городов воедино. Особенностью местной сакрализации являлась тесная связь ее с историей городов, особенно с защитой их от вражеских нападений, которая выражалась в почитании мест сражений и захоронений воинов. Вместе с тем, исследование показало, что павшие

¹ К сожалению, часовня не сохранилась, но ее местонахождение запечатлено на старых фотографиях.

² Материалы к Русскому провинциальному некрополю» Великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА) / публикация Д.Н. Шилова. Вып. I. СПб., 2003. С. 39.

³ См. имена в кн.: Материалы к Русскому провинциальному некрополю» Великого князя Николая Михайловича (по документам РГИА). С. 72.

⁴ Пермские губернские ведомости. 1900. № 199. В этой публикации сообщается, что старая часовня разрушилась. Но уездный воинский начальник полковник Л.Л. Венцлавович (кстати, поляк и католик) проявил заботу о историческом месте. В 1897 г. он «на собственные и частью на средства нижних чинов в веренной ему местной команды» и на средства, собранные солдатами, а кто «не мог внести денег – обещался вместо того поработать», соорудил «очень красивую небольшую часовню, позади которой в насоро выкопанные могилы были собраны валяющиеся кости и черепа».

воины почитались еще и защитниками православной веры. Сакрализация городов оставалась неизменной до закрытия храмов в конце 1920-х гг.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЛИЭТНИЧНОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)¹

Ф.Г. Сафин
К.О. Сиразетдинов
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
failsafin@mail.ru
xazina2007@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются этнодемографические факторы, оказывающие влияние на языковую идентичность и языковую компетенцию населения в городах в полиэтничном Башкортостане.

Ключевые слова: этноязыковые процессы, этничность, идентичность, родной язык.

PECULIARITIES OF ETHNOLINGUISTIC PROCESSES IN THE POLYETHNIC URBAN SURROUNDING (BASED ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Fail G. Safin,
Komil O. Sirazetdinov,
Institute of Ethnological Research them. R.G. Kuzeeva UFIC RAS
failsafin@mail.ru
xazina2007@gmail.com

Abstract. The article analyzes ethnodemographic factors influencing the linguistic identity and linguistic competence of the population in the cities and towns in polyethnic Bashkortostan.

Key words: ethnolinguistic process, ethnicity, identity, mother tongue.

Несмотря на многонациональный состав населения в своем большинстве города Башкортостана остаются русскими, т.е. наблюдается преобладание русского населения, или же русские составляют добрую половину, или же их численность преобладает по сравнению с другими этническими группами, занимая первое место. На столь значительный состав русских в городах республики также оказала как внутренняя, так и внешняя миграция. Преобладающее число мигрантов, переезжавших из сел в города вплоть до 1960 х гг. были русскими, поэтому основной состав городских жителей были русскими. Начиная с 1970-х годов наблюдается масштабное переселение из сел в города татар, а с 1980-х гг. – башкир.

К концу 1970- х годов абсолютное большинство русских – 78,7 %, украинцев – 74,7 %, белорусов – 75,2 %, а также татар – 54,8 % и мордвы – 52,2 % проживало в городской местности². За прошедшие 30 лет доля этих этнических групп в составе городского населения заметно выросла. В начале 1990-х гг. рост численности населения, особенно в городах, осуществлялся за счет миграции, которая превратилась в главный источник его пополнения. В эти годы, по сравнению с предыдущими десятилетиями, наблюдалось положительное миграционное сальдо. Наиболее массовый поток миграции в республику отмечался в 1994 г.,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №16-01-00303

² Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г. Уфа, 1981. С.24.

когда в республику прибыло почти на 32 тыс. чел. больше, чем выбыло за ее пределы¹. Однако следует отметить, что более двух трети всех территориальных передвижений населения осуществлялись внутри республики, т.е. люди в основном переезжали из сельских мест в города.

Таблица 1. Динамика городского и сельского населения РБ (в %)
 Таблица составлена по данным переписей населения указанных годов.

народы	1979		1989		2002		2010	
	город	село	город	село	город	село	город	село
все население	56,8	43,2	63,8	36,2	64,0	36,0	60,4	39,6
русские	78,7	21,3	83,0	17,0	82,7	17,3	76,7	23,3
башкиры	28,2	71,8	42,3	57,7	42,4	57,6	40,7	59,3
татары	54,8	45,2	57,8	42,2	67,0	33,0	61,6	38,4
чуваши	33,9	66,1	44,0	56,0	45,1	54,9	42,9	57,1
марийцы	22,1	77,9	33,2	66,8	35,0	65,0	33,7	66,3
украинцы	74,7	25,3	81,3	18,7	80,1	19,9	74,2	25,8
мордва	52,2	47,8	62,3	37,7	62,3	37,7	58,8	41,2
удмурты	17,2	82,8	26,2	73,8	27,5	72,5	27,0	73,0
белорусы	75,2	24,8	81,7	18,3	69,5	30,5		

По данным переписи населения 1979 г. русские составляли более половины населения в 11, а в 2010 г. только в 7 городах республики². В двух из них: в Туймазах и Дюртюли – более половины жителей составляли татары. В трех – Нефтекамске, Октябрьском и Янауле – татароязычное население по численности занимало первое место. Башкирское население составляло более половины в г. Баймаке и Учалинском горсовете.

Значительное влияние на этноязыковую идентичность городского населения оказывает его этнический состав, языковая компетенция и языковое поведение жителей городов. В этом смысле города Башкортостана имеют свою специфику. Одним из источников пополнения городского населения оставалось население близлежащих сельских поселений с разным этническим составом. В зависимости от того, представители какой этнической группы проживали в близлежащих деревнях, они и составили значительную часть населения того или иного города. Например, пополнение городов юго-восточного Башкортостана осуществлялось за счет башкирского населения, а северо-западных – татарского, центральной части – русского. Поэтому этноязыковая среда в регионах республики имела свои особенности.

Таблица 2. Динамика численности русских, признавших родным язык своей национальности, в городах РБ

Таблица составлена по данным переписей населения указанных годов.

Города	В 1979 г.		В 1989 г.		В 2002 г.		В 2010 г.	
	Всего русских, чел./%	Из них с родным русским, чел./%	Всего русских, чел./%	Из них с родным русским, чел./%	Всего русских, чел./%	Из них с родн. русск., чел./%	Всего русских, чел./%	Из них с родн. русск., чел./%
Белебеевск. гор-т в %	35 679 53,6	35 668 100,0	38 496 50,9	38 338 99,6	40 298 46,9	39 716 98,6	46 248 45,6	46 147 99,8
Белорецкий гор-т в %	67 832 75,8	67 826 100,0	64 045 72,5	63 958 99,9	60 926 71,5	60 528 99,3	47 104 69,6	46 990 99,9

¹ На пути к переписи. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. С.92.

² Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. / Статистический сборник в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. I. С. 29-36.

г. Бирск в %	20 616 68,1	20 613 100,0	22 143 63,7	22 133 100,0	22 802 57,0	22 543 98,9	23 164 53,6	23 131 99,9
г. Благовещенск в %	16 054 77,4	Нет сведений	19 988 72,2	Нет сведений	20 977 63,6	20 847 99,3	21 138 62,8	21 116 99,9
г. Давлеканово в %	10 281 50,6	Нет сведений	10 714 50,4	Нет сведений	11 241 47,1	11 149 99,2	11 026 47,1	10 998 99,8
г. Дюртюли в %	3 040 15,7	Нет сведений	2 932 11,6	Нет сведений	2 908 9,7	2 742 94,3	2 995 9,6	2 954 98,6
г. Ишимбай в %	35 294 61,9	35 290 100,0	39 617 56,5	39 491 99,9	36 257 51,7	35 795 98,7	33 209 51,9	33 165 99,9
Кумертауский гор-т в %	37 792 68,0	37 783 100,0	43 721 64,2	43 703 100,0	42 975 61,6	42 812 99,6	38 914 61,1	38 865 99,8
г. Мелеуз в %	23 468 61,0	23 461 100,0	29 115 54,8	29 100 100,0	31 540 49,9	31 341 99,3	28 927 47,9	28 835 99,9
г. Нефтекамск в %	29 985 42,5	Нет сведений	36 934 34,2	36 890 99,9	37 773 29,1	37 261 98,6	39 368 29,7	39 159 99,5
г. Октябрьский в %	41 740 47,3	41 724 100,0	45 595 43,6	45 572 99,9	44 382 40,8	43 768 98,6	44 379 40,9	44 241 99,7
г. Салават в %	79 958 58,0	79 939 100,0	84 185 55,8	84 148 100,0	87 266 55,0	86 572 99,2	85 229 54,9	85 086 99,8
г. Стерлитамак в %	121 492 55,1	121 457 100,0	128 849 52,0	128 570 99,8	131 479 49,7	130 150 98,9	133 115 49,5	132 850 99,9
Туймазинск. гор-т в %	24 845 35,7	24 801 99,8	27 550 31,2	27 509 99,9	27 310 27,7	26 778 98,1	Нет сведений	Нет сведений
г. Туймазы в %	14 929 34,2	Нет сведений	17 066 29,2	Нет сведений	17 239 25,9	16 945 98,3	16 669 25,2	16 551 99,7
г. Уфа в %	562 913 58,2	562 769 100,0	585 337 54,2	585 126 100,0	530 136 50,5	523 888 98,8	494 723 48,9	493 015 99,6
г. Учалы в %	10 721 38,9	–	10 612 32,8	–	10 597 28,5	–	9 942 26,6	9 914 99,7
г. Янаул в %	5 640 26,6	Нет сведений	5 221 21,4	Нет сведений	4 627 16,6	4 408 95,3	4 424 16,5	4 405 99,6

Полиэтничный состав населения не только в городах, но и в сельских местностях, в значительной степени влияет на формирование этноязыковой идентичности населения. Если дети, воспитанные в межэтническом браке, в котором один из родителей русский, то здесь ребенок, наряду с русским, может усвоить и другой национальный язык. Но когда языковая среда, особенно в городах, сплошь русская, то дети, воспитанные в однопациональной семье, где общение происходит на родном национальном языке, при общении на улице, в детском саду, в школе, в других общественных местах и мероприятиях выбирают язык большинства, т.е. русский язык, который доминирует в городах с полиэтничным составом. В сложившейся языковой ситуации индивиды, независимо от возраста, стремятся выучить язык большинства. Вместе с тем, Всесоюзная перепись 1979 г. показала, что в ряде городов, особенно с преобладающим нерусским населением, русские стали отмечать в качестве родного языка не материнского этноса, а язык преобладающего большинства, проживающего в том или ином городе. Данная тенденция впервые проявилась в населенных пунктах, входящих в Туймазинский горсовет, в котором доля русских, отметивших в качестве родного русский язык составила 99,8 %, а 0,2 % русских родным признали татарский язык¹.

Одной из причин, того, что русское население в качестве родного отметило язык не своей национальности является широкое распространение национально-русских и русско-национальных смешанных браков, в которых, как показывает практика, общение одновременно идет как на русском, так и на национальном языках. Второй причиной «потери» русскими языка материнского этноса, видимо, связано с повсеместным введением башкирского языка в качестве обязательного предмета в школах республики. Принятое

¹ Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г. Уфа, 1981. С. 177.

дополнение к закону об образовании Республики Башкортостан предусматривало изучение башкирского языка в качестве обязательного предмета во всех школах, в том числе и в русскоязычных. Поэтому, дети всех национальностей, проживающих в Башкортостане, вот уже более 15 лет изучают башкирский, как государственный язык республики.

В городах юго-восточного региона республики признание башкирами родным языка своей национальности остается очень высоким. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. лишь 64,4 % башкир в целом по республике признали в качестве родного башкирский язык, а в городах юго-восточного региона данный показатель превышал более 90 %, а в ряде из них доходил до 95,7 % (г. Сибай)¹. К 2010 г. наблюдается общее снижение доли родного языка своей национальности у всех этнических групп, проживающих как в сельской, так и в городской местностях. Например, если в г. Стерлитамак в качестве родного отметили язык своей национальности 76,7 % башкир, то в г. Баймаке до 98,3 %². Города, находящиеся на юге и юго-восточной части республики, в основном формировались за счет миграции населения из башкирских сел и деревень, видимо, поэтому, здесь высокая доля башкир с языком материнского этноса.

Таблица 3. Динамика численности башкир, в том числе признавших родным язык своей национальности, в городах юго-восточного Башкортостана
Таблица составлена по данным переписей населения указанных годов.

Города	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Всего башкир, чел./%	С родным башкирск. чел./%	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс., чел./%	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс., чел./%	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс., чел./%
г. Баймак в %	6 937 54,0		9 925 62,8		12 015 69,7	11 821 98,4	12 660 71,6	12 439 98,3
Белорецк. г-т в %	11 680 13,0	10 626 91,0	14 464 15,8	13 163 91,0	11 859 16,7		12 791 18,9	10 888 85,3
г. Ишимбай в %	10 614 18,6	9 821 92,5	16 107 22,9	14 818 92,0	14 775 17,3	11 971 81,0	18 991 29,7	16 948 89,4
г. Кумертау в %	5 771 10,4	5 241 90,8	9 136 13,4	8 335 91,2	11 426 16,4	9 414 82,3	11 496 18,0	10 053 87,6
г. Межгорье в %	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	4 165 27,5	3 716 89,3
г. Мелеуз в %	5 131 13,3	4 849 94,5	10 632 20,0	10 049 94,5	17 142 27,1	14 739 85,9	17 558 29,1	16 023 91,6
г. Салават в %	18 015 13,1	15 830 87,9	22 858 15,2	20 026 87,6	28 062 17,7	21 647 77,1	27 890 18,0	22 976 82,5
г. Сибай в %	15 443 36,8	14 782 95,7	20 245 41,0	19 207 94,9	29 315 48,7	27 546 93,9	30 307 53,0	28 189 93,1
Стерлитамак в %	21 299 9,7	18 924 88,9	27 663 11,2	23 355 84,4	41 208 15,6	33 149 80,4	42 497 15,8	32 522 76,7
г. Учалы в %	10 307 33,4	9 823 95,3	14 247 40,3	13 500 94,8	21 535 53,6	19 589 90,9	18 769 50,2	17 179 91,6

Иными словами, доля признания башкирами родным языка своей национальности в городах юго-восточного региона республики с компактным проживанием башкир остается достаточно высокой.

В городах западного и северо-западного регионов Башкортостана доля башкир, признавших родным язык своей национальности, по сравнению с юго-восточными городами

¹ Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г. Уфа, 1981. С.171.

² Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. / Статистический сборник в 2 ч. – Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. II. С.88, 96.

намного ниже. Здесь наблюдается общереспубликанская тенденция, связанная с тем, что часть татарского населения (вот уже в течение более 30 лет) в ходе переписей населения учитывается в составе башкир, которые свои родным языком отмечают татарский язык. Если по республике из общей численности башкир 75 % отметили в качестве родного башкирский язык, то данный показатель среди городских башкир западного и северо-западного регионов намного ниже, чем в среднем по Башкортостану.

Таблица 4. Динамика численности башкир, в том числе признавших родным язык своей национальности, в городах Западного Башкортостана

Таблица составлена по данным переписей населения указанных годов.

Города	1979 г.		1989 г.		2002 г.		2010 г.	
	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс. чел./%	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс. чел./%	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс. чел./%	Всего башкир, чел./%	С родным башкирс. чел./%
Белебеевский г-т в %	3 344 5,0	2 228 66,6	4 155 5,5	2 622 63,1	9 427 11,0	5 272 55,9	7 453 12,5	4 928 66,3
г. Бирск в %	2 178 7,2	1 217 55,9	2 780 8,0	1 514 54,5	4 345 10,9	1 881 43,3	6 305 14,6	3 633 57,7
г. Агидель в %	Нет сведений	Нет сведений	4 502 26,9	Нет сведений	7 806 41,7	Нет сведений	3 165 22,2	1 278 40,4
г. Давлеканово в %	2 874 14,1	Нет сведений	3 145 14,8	Нет сведений	5 255 22,0	4 587 87,3	6 076 26,0	5 225 86,0
г. Дюртюли в %	4 317 22,3	Нет сведений	6 211 24,6	Нет сведений	6 715 22,4	1862 27,7	7 267 23,2	3 271 45,0
г. Благовещенск в %	965 4,5	Нет сведений	1 719 6,2	Нет сведений	6 352 19,3	4 343 68,4	4 712 14,0	3 585 76,2
г. Нефтекамск. г-т в %	12 736	6 100 47,9	22 601 20,9	8 147 36,0	32 877 26,9	10 441 31,7	34 136 25,8	18 004 53,0
г. Октябрьский в %	7 883 8,9	4 817 61,1	9 822 9,4	4 665 47,5	14 235 13,1	5 509 38,7	14 406 13,3	7 513 52,4
Туймазинский г-т в %	10 134 14,6	3 048 30,1	12 748 14,4	3 660 28,7	24 894 25,3	10 878 43,6	Нет сведений	Нет сведений
г. Туймазы в %	5 643 12,9	Нет сведений	7 666 13,1	Нет сведений	15 315 23,0	7 179 46,9	14 500 22,0	5 805 40,2
г. Уфа в %	92 678 9,5	69 079 75,0	122 026 11,3	85 912 70,4	154 928 14,8	99 075 63,9	172 794 17,1	119 765 69,5
г. Янаул в %	7 211 34,0	Нет сведений	8 004 32,8	Нет сведений	11 990 43,0	3 357 28,0	10 574 39,4	5 602 53,1

Наиболее высоким оставалось признание родным язык своей национальности башкирами в г. Давлеканово (86,0 %), Благовещенске (76,2 %) и Белебее (66,3 %). В других городах данного региона, особенно в гг. Дюртюли (45,0 %), Нефтекамск (53,0 %), Октябрьский (52,4 %) и Янаул (53,1 %) доля башкир с родным языком своей национальности составила немногим более половины башкирского населения (см. табл.4). В городах Агидель и Туймазы лишь каждый второй из пяти башкир в качестве родного отметил башкирский язык. Но при этом 51,2 % башкир в г. Агидель и 45,7 % г. Туймазы в качестве родного отметили татарский язык¹. В остальных городах данного региона также отмечается подобная тенденция признания значительной частью башкирским населением в качестве родного татарского языка.

А что касается татарской части населения, то западные и северо-западные районы Башкортостана остаются регионом их компактного расселения. Поэтому в этих регионах доля татар, отмечающих в качестве родного язык своей национальности остается довольно высокой.

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. / Статистический сборник в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. II. С.82, 155.

Более того, в этих районах, значительная часть башкир, удмуртов, мари в качестве родного или же вторым языком, которым свободно владеет, отмечает татарский язык. Несмотря на высокий уровень признания родным язык своей национальности, у татар в городах данных регионов также наблюдается снижение доли с родным татарским языком.

Таблица 5. Динамика численности татар, признавших родным язык своей национальности, в городах РБ

Источники: Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи

Города	В 1979 г.		В 1989 г.		В 2002 г.		В 2010 г	
	Всего татар, числ./%	С родн. татарск. числ./%	Всего татарским числ./%	С родн. татарским числ./%	Всего татар, числ./%	С родн. татарск., числ./%	Всего татар, числ./%	С родн. татарск числ./%
Белебеевс. г-т	15 786 23,7	14 206 90,0	18 026 23,9	15 808 87,7	20 282 23,6	16 140 79,6	13 799 23,1	11 090 80,4
Давлеканово	4 304 21,2	Нет сведений	4 560 21,5	Нет сведений	4 786 20,1	3 977 83,1	4 175 17,9	3 369 80,8
Дюртюли	11 267 58,1	Нет сведений	15 217 60,3	Нет сведений	19 444 64,8	18 595 95,6	20 062 64,1	19 442 96,9
Нефтекамск	21 048 29,8	Нет сведений	33 955 31,4	31 253 92,0	38 113 31,2	31 908 83,7	41 701 31,5	37 359 89,8
Октябрьский	29 210 33,1	26 900 92,1	38 600 35,9	34 943 90,5	40 306 37,1	33 954 84,2	41 346 38,1	34 678 84,1
Туймазинс г-т	29 393 42,3	27 359 93,1	41 613 47,1	38 954 93,6	40 225 40,8	35 078 87,2	Нет свед.	Нет свед.
Туймазы	20 039 45,9	Нет сведений	29 315 50,2	Нет сведений	29 724 44,6	26 200 88,1	30 900 46,8	26 663 86,7
Янаул	6 163 29,1	Нет сведений	8 129 33,3	Нет сведений	7 760 27,8	6 833 88,0	8 034 29,9	7 525 93,7

За указанный период доля городского населения в Башкортостане заметно снизилась. Причина данного явления связана не с миграцией горожан в другие регионы или в сельские местности, а с переводом ряда населенных пунктов, имеющих городской статус, в разряд сельских поселений. Таким образом, на этноязыковые процессы в современном городе немаловажное влияние оказывает полиэтничный характер его состава. Несмотря на значительную долю в составе городского населения нерусских этнических групп, преобладающим языком межэтнического взаимодействия остается русский.

АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА ТАРЫ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

С.Ф. Татауров
Омский филиал
Института археологии и этнографии СО РАН
TatSF2008@rambler.ru

Аннотация. В статье рассказывается об основных направлениях исследований в одном из первых русских городов в Западной Сибири – Таре. Комплексные археолого-исторические исследования преследуют цель создания модели города для конца XVI-XVII вв. и воссоздания облика проживавшего в нем населения.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, антропология, город, история, архитектура, моделирование

ANTHROPOLOGY OF THE CITY TARA: MAIN DIRECTIONS OF RESEARCHES²

Sergei F. Tataurov
Omsk Branch
Institute of Archeology and Ethnography of the SD RAC
TatSF2008@rambler.ru

Abstract. The article describes the main directions of research in one of the first Russian cities in Western Siberia - Tara. Complex archaeological and historical researches pursue the aim of creation of model of the city for the end of the 16-17th centuries and reconstruction of shape of the population residing in it.

Key words: Russia, Siberia, anthropology, city, history, architecture, modeling

Первые русские сибирские города – Тюмень, Тобольск, Тара, Томск известны нам преимущественно по письменным источникам. В зависимости от их полноценности мы знаем время их основания, ключевые моменты и точки развития, ориентированность ремесленного производства и т.д. Но в силу того, что архитектура и планиграфия города в большинстве своем фрагментарно сохранилась в лучшем случае для конца XVIII в. - вопрос об их первоначальном облике остается открытым. Наши представления о ранней истории городов – периоде конца XVI- первой половине XVIII вв., могли бы существенно дополнить археологические исследования, но, к большому сожалению, археолого-историческое изучение русских сибирских городов, основанных в конце XVI - начале XVII веков, после небольшого подъема, который пришелся на конец XX века, в настоящее время существенно сократилось. Прекращены по разным причинам исследования в Тобольске, Томске, Верхотурье. Не получили должного развития археологические изыскания в Тюмени, Сургуте и в других городах региона. Вследствие этого фактически незавершенными остались методы археологических исследований этих городов, так как приемы, которыми пользуются ученые в других регионах Российской Федерации и всего мира не совсем подходят для изысканий в условиях Сибири. Речь в первую очередь идет о природно-географических условиях, строительных материалах, технологических и культурных традициях населения и т.д. По этой

¹Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 14-50-00036 «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии»

²The work was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 14-50-00036 "Multidisciplinary Research in Archeology and Ethnography of North and Central Asia"

причине многие материалы так и не были введены в научный оборот, а многие еще требуют обработки и изучения. При этом в настоящее время сибирские города в силу развития современной инфраструктуры, жилищного и промышленного строительства стремительно теряют свой исторический облик. Уничтожается культурный слой в их исторических центрах, сносятся исторические здания, трансформируется традиционная планировка, старожильческое население существенно уменьшается. Все меньше остается возможностей для изучения и реконструкции облика первых русских городов в Сибири.

Еще меньше уделялось вопросу воссоздания облика населения и созданных им материальных и духовных ценностей на определенном хронологическом срезе. На настоящий момент фактически единственной исторической реконструкцией для сибирского города является часть Томского кремля, выполненная на основании письменных источников и археологических раскопок М.П. Черной¹. Практически отсутствуют модели архитектурных комплексов или исследователи ограничиваются описанием найденных сооружений и коллекций, как, например, в монографиях, посвященных исследованиям уникального археологического комплекса – Мангазеи².

В 2007 году город Тары был выбран для археологических исследований именно в силу того, что его исторический центр был незначительно разрушен современными постройками, что дает возможности воссоздания его ранней архитектуры. Отсутствие подземных коммуникаций позволяет применять в условиях города для исследований методы естественнонаучных дисциплин, что в целом дает возможность построения в целом модели города. Данные методические наработки могут быть использованы в ходе изучения других сибирских городов, отдельных архитектурных комплексов. Материалы полевых исследований будут использованы для реконструкции конкретных архитектурных объектов - жилых, храмовых, фортификационных и пр., что значимо как в научном плане, так и в развитии городов как культурных и туристических центров региона. Основная цель исследований заключается в воссоздании облика города и населения в исторической динамике с момента основания города в 1594 г. и до середины XIX в. с учетом всех этнокультурных и этноконфессиональных факторов. Основными задачами являются: реконструкция планиграфической застройки города и создание модели фортификационной системы и определение ее места в общей планиграфии города, выполнение архитектурных моделей основных храмовых и административных комплексов города. Воссоздание технологии строительства фортификационных комплексов крепости и реконструкция отопительных устройств для фортификационных, храмовых и жилищных комплексов.

На настоящий момент г. Тара является наиболее изученным в археологическом плане среди первых русских городов Сибири. Изыскания проводятся ежегодно под руководством ученых Института археологии и этнографии СО РАН с участием специалистов университетов Западной Сибири – Томска, Кемерово, Омска и др. При проведении специальных исследований в городе Таре привлечены достаточно много известных ученых из научных центров Российской Федерации и зарубежных стран, что позволяет проводить их на высоком мировом уровне. В частности, в Таре много лет работает ведущий специалист по культуре населения и костюма, доктор Автономного университета штата Мехико Р. де ла Пенья Вирчес (Мексика), этнограф, зав. кафедрой этнологии Торуньского университета В. Ольшевский (Польша), ведущий специалист по реконструкции и моделированию исторической обуви, сотрудник Государственного Исторического музея доктор исторических наук Д.О. Осипов (Москва), специалист по исторической археологии почетный профессор Томского государственного университета доктор исторических наук М.П. Черная (Томск),

¹ Черная М.П. Томский кремль середины XVII-XVIII в. Томск: ТГУ, 2002. 194 с.; Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660-1760-е гг: историко-археологическая реконструкция – Томск: Издательский дом «Д'Принт», 2015. 276 с.

² Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. - Л.: Гидрометеиздат, 1980. 164 с.; Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович - Мангазея. Новые археологические исследования. - Екатеринбург: Магеллан, 2008. 296 с.

ведущий специалист по черной металлургии Сибири доктор исторических наук Н.М. Зиняков (Кемерово), дендрохронолог, доктор исторических наук В.С. Мыглан (Красноярск) и другие специалисты.

В ходе выполнения проекта проводится изучение архитектуры жилищно-усадебных комплексов, храмов и фортификационной системы города. Параллельно анализируется технология производств – деревообработки и кирпичного дела – от выбора и заготовки сырья до получения готовой продукции. При проведении исследований используются имеющиеся методики для изучения сибирского деревянного зодчества наработки и методики ученых европейской России¹, что позволяет выделять основные черты и традиции народной культуры, степени заимствования у местного населения. Итогом этих работ являются архитектурные и 3D модели исследованных комплексов. В дальнейшем планируется создание 3D-модели города с отражением динамики видоизменений планиграфии в периодичности 25 лет с момента основания по середину XIX в.

Актуален аспект значения города, как центра формирования «русского поля» на территории Сибири, так называемы «национальный» и «цивилизационный» аспекты сибирских русских городов². В развитии этого тезиса следующим шагом идет моделирование хозяйственно-бытового антуража городских сословий в жилищно-бытовом пространстве и при определенных жизнеобеспечивающих системах. Эти разработки осуществляются с учетом этнических и этноконфессиональных особенностей городского населения, формировании конфессиональных общин в г. Таре и локализации их в планиграфии города. Результатом этого направления исследований стало издание монографии «Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары» в 2014 году, в которой рассказывается о мусульманской, еврейской и православных конфессиях в Таре³.

Исходя из антропологического подхода к изучению города предполагается в дальнейшем проводить исследования в области понимания процессов, происходящих в обществе и природе, развития природоподобных технологий, человеко-машинных систем, управления климатом и экосистемами, а также исследования, связанные с этическими аспектами технологического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений

Пользуясь антропологическими терминами можно сказать, что моделирование будет проведено по основным направлениям этой научной дисциплины.

Морфологической основой модели станет архитектура города – его планиграфия и архитектура храмов, крепостных сооружений, жилых и хозяйственно-бытовых комплексов. Все построения будут производиться на основе изучения строительных материалов и способов и приемов строительства.

Планируется изучение древесины, как основного строительного материала, ее видового состава, мест заготовки, инструментария по деревообработке.

Изучение глин и кирпичного и керамического производства, так же начиная от поиска месторождений глин и песка и заканчивая производством готовой продукции.

Это позволит обрисовать общий вид города, его изменения с учетом изменения военно-политической и социально-экономической обстановки в регионе.

Физиологической основой станет воссоздание систем жизнеобеспечение города – его снабжения необходимыми припасами – продовольствием, металлом, дровами, водой и т.д. В каждом из разделов будут определены источники и размеры поступлений, способы их хранения и использование. Отдельным аспектом будет изучение функционирование

¹ Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. 140 с.; Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.

² Беляев Л. А. Археология Москвы и проблемы истории культуры позднего Средневековья // Современные проблемы археологии России. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. Т. 1. С. 3-12.

³ Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары6 монография / С.А. Алферов, О.Ю.Алферова, Е.И. Кудряшова, С.Ф. Татауров. – Омск: Издательский дом «Наука», 2014. 230 с.

фортификационной системы города и обеспечение ее всем необходимым – от ремонта до снабжения воинскими припасами.

Расоведение следует понимать как изучение этнической и религиозной наполняемости модели. Город Тара изначально основывался несколькими этническими группами – русскими, татарами, башкирами, поляками и литовцами. Это наложило свой отпечаток на формирование города – от локальных районов проживания этнических групп, до строительства храмовых комплексов – православных храмов, мусульманских мечетей, католического костела, синагоги и т.д.

Совокупность применяемых методов позволит полно изучить русский сибирский город и показать сложение сибирского общества, формирование народных традиций самоуправления и взаимохозяйствования, создания общих элементов народной культуры, т.е. все то, что отразилось на облике города и его жителей. Такой комплексный подход к истории города в Сибири будет применен впервые и наработки методики исследования могут быть применены в других городах Сибири.

В основу исследований проекта заложен принцип историзма, что позволяет нам изучать город как определенную развивающуюся систему. Это позволяет нам учитывать исторический контекст, при котором события, происходившие далеко от Сибири, оказывали существенное влияние на развитие города. Конечным результатом исследований станет определенная динамическая модель города на конкретный хронологический срез, с учетом всех происходящих изменений в планиграфии города. То есть данный конструкт будет учитывать возведение новых архитектурных комплексов, например, храмов, изменение положения крепостных стен и их форм, появление посадской части города и вынесение туда производственных комплексов и т.д.

Данное моделирование невозможно без междисциплинарного подхода, поэтому для воссоздания планиграфии города будут использованы ГИС-технологии для многослойного наложения картографических материалов на данные археологических исследований. Для моделирования конкретных архитектурных комплексов будут проводиться построения в 3D-формате с наложением на сохранившиеся части сооружений имеющихся фотоматериалов XIX века. Данная методика опробована нами при создании модели воеводской усадьбы города Тары. Будут использованы и традиционные методы архитектурного проектирования на основе графических и макетных реконструкций. Следует отметить, что столь масштабное моделирование – на уровне целого города на основе только археологических материалов для XVII в. для сибирского города будет проведено впервые. Отдельные архитектурные комплексы нами уже смоделированы по двум параллельным направлениям - компьютерном и архитектурном.

Такой же конструкт будет создан и для облика жителя Тары исследуемого времени. На основе имеющихся археологических материалов вместе с материалами коллекций сибирских музеев нами будут созданы компьютерные - объемные и плоскостные модели мужских и женских костюмов разных сословий горожан. Так же будут сделаны реплики одежды из идентичных материалов.

Отдельный блок исследований посвящен материаловедению. Научное моделирование невозможно без знания исходных материалов, поэтому пристальное внимание будет уделено в архитектуре - древесине – видовой состав, способы обработки, инструментарий и т.д. Такой же подход будет и для керамики и керамического производства, тканям и ткачеству и т.д. В этом разделе изысканий наиболее полно использованы естественно научные методы исследования, которые позволят проследить всю технологическую цепочку – от исходного сырья до конечного продукта.

Применяются методы этнографической науки, которые позволят выделить заимствования тарчанами элементов культуры аборигенного населения Прииртышья – сибирских татар, хантов и пр. Материалы по исторической памяти населения позволяют воссоздать особенности функционирования города, причины изменения его планиграфии, возведения зданий и т.д.

Сравнительно-исторический метод даст нам возможность определить «местоположение» Тары как среди других сибирских городов, так и для всего русского государства – по ее архитектурным концепциям, особенностям храмовых комплексов, фортификационной системе и др.

«Финальным» научным методом исследования станет моделирование, как конечный результат сбора и обработки информации, полученной при помощи археологических, исторических и этнографических исследований. В результате мы должны получить научный инструмент, который позволит соединять материалы различных научных дисциплин и производить конечный продукт в виде модели города, либо костюма, либо других сегментов истории населения Сибири. Результаты проекта будут выражены и в традиционной для исторических и археологических исследований форме в виде научных статей и монографического сочинения, которое должно подвести итог работе коллектива и ввести в научный оборот наиболее интересные материалы исследований.

Будут продолжены археологические раскопки на территории исторического центра города в районе Тобольской и Пятницкой башен Тарской крепости и на месте расположения церкви Бориса и Глеба, что позволит уточнить имеющиеся материалы для составления планиграфической схемы города для конца XVI и XVII веков – это станет основой для создания 3D- модели города. Полученные в ходе работ коллекции будут обработаны и переданы в областные музеи, найдут свое отражение в научных публикациях. Этнографические исследования будут проводиться в «Бухарской слободе» города, месте компактного проживания сибирских татар и выходцев из Средней Азии, которые переселились еще при существовании Сибирского ханства. Основными темами сбора материалов будет историческая память населения о формировании слободы и постройки первой в Сибири каменной мечети.

Исторические исследования сосредоточены в Тобольском филиале государственного архива Тюменской области и в Омском историческом архиве. Цель исследований – поиск и обработка ранее не известных картографических материалов по городу Таре и его окрестностей для дополнительной информации по составлению общей планиграфии города и созданию в дальнейшем 3D модели города.

В целом исследования в г. Таре могут придать определенное научное ускорение в процессе изучения русских сибирских городов и расширение возможностей для обработки и методов введения в научный оборот имеющихся материалов. Разработанные в ходе выполнения проекта методические приемы изучения сибирской русской архитектуры, технологий производств и систем жизнеобеспечения станут основания для проведения подобных исследований в других городах Сибири.

Материалы проведенных исследований станут основой для реконструкции архитектурных комплексов по программе воссоздания в Таре исторического облика и превращение его в культурно-туристический центр региона.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ
В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА:
СТАБИЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В XXI В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ ЧЕЛЯБИНСКА)**

О.В. Новикова
Государственный исторический музей Южного Урала
А.А. Рыбалко
Челябинский государственный университет
rybalko.andr@gmail.com

Аннотация. В данной работе рассматриваются тенденции развития и динамика изменений в системе формирования этнических идентичностей и этнических стереотипов в молодёжной среде современного российского города в XXI в. на основе анализа результатов анкетирования студентов Челябинского государственного университета.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнические стереотипы, полиэтническая среда, мегаполис.

**ETHNIC IDENTITY AND ETHNIC STEREOTYPES AMONG THE YOUTH OF
MODERN CITY: STABLE TENDENCIES AND THE DYNAMICS OF CHANGES IN THE
21ST CENTURY. (ON THE BASE OF STUDENT ENVIRONMENT MATERIALS)**

Olga V. Novikova
State Historical Museum of the Southern Urals
Andrei A. Rybalko
Chelyabinsk State University
rybalko.andr@gmail.com

Abstract. This article is about the development tendencies and the dynamics of changes in the system of ethnic identities and ethnic stereotypes formed in the 21st century among the youth of modern Russian city. This aspects considered on the base of the results of Chelyabinsk State University students questionnaires.

Key words: ethnic identity, ethnic stereotypes, polyethnic environment, metropolis.

Целью данной работы является выявление тенденций развития и динамики изменений в системе формирования этнических идентичностей и этнических стереотипов в молодёжной среде российского мегаполиса на протяжении последних двадцати лет. В основе статьи – материалы изучения студенческой среды Челябинска. Подобное исследование проводилось впервые более 15 лет назад. Тогда методом анкетирования, опроса и глубокого интервью информация собиралась среди студентов разных факультетов Челябинского государственного университета. Результаты были опубликованы в статье «Этническая идентичность и этнические стереотипы в современных полиэтнических сообществах» в 2002 г. Спустя 15 лет снова было проведено анкетирование по аналогичным вопросам в той же среде. Результаты анализа анкет показали, что при сохранении целого ряда основных тенденций выявились и заметные изменения, связанные с изменением социально-политической ситуации, информационной среды и этно-демографических характеристик респондентов.

Первое позитивное изменение на наш взгляд заключается том, что на этот раз большее количество респондентов дали подробные, обдуманые ответы, с развёрнутыми комментариями, из которых видно, что этническая тематика воспринимается как важная,

вызывающая больший, чем прежде, интерес и многие респонденты имеют опыт размышления и обсуждения этой проблематики.

Первая часть анкеты касалась осознаваемых мотивов формирования этнической идентичности. Как и прежде в представлениях респондентов этническая идентичность часто связана либо отождествляется с этническим происхождением. Доминирует примордиалистское понимание этничности, как объективной, исконной, врожденной характеристики индивида. По-прежнему часто встречается терминология типа «род», «кровь», «корни» и апелляция к происхождению предков как мотив формирования идентичности. Однако, наряду с этим, занял очень важное место новый фактор, не менее ярко присутствующий в анкетах – «родился и живу в России», «...я и большинство моих предков родились и жили в России».

Особенно ярко этот мотив присутствует среди респондентов с русской этнической идентичностью, среди предков которых присутствуют не только русские, но и другие этнические группы. Но этот мотив фигурирует и у респондентов, которые указывают, что все их предки, насколько им известно, русские. Можно сказать, что самой распространённой формулировкой 15 лет назад было: «...считаю себя русским потому, что все мои предки русские», а теперь – «...считаю себя русским, потому что родился и живу в России, говорю на русском языке и большинство (значительная часть) моих предков русские».

Мотив этнического происхождения предков, по-прежнему важен. Однако, родители, бабушки и дедушки респондентов, которым сейчас 18–20 лет, родились, соответственно, примерно в 1970-е (родители) и 1950-е (бабушки, дедушки), то есть в тот период, когда межэтнические браки уже были широко распространённым явлением. В результате только около 30 % респондентов имеют представление о своём происхождении как моноэтническом, и то довольно часто встречаются уточнения «насколько мне известно», «мне никто не говорил, что кровь смешивалась». Тут тоже нельзя не обратить внимания на биологический аспект терминологии этничности. Более 65% респондентов известно, что среди их предков были представители нескольких этносов, иногда трёх и более, в том числе у 30% родители имеют различную этническую идентичность. Этот факт, видимо, осознан и осмыслен обществом в последние 15 лет.

Этническое происхождение всё же не утратило своей важности – мотив наличия «русских предков, хотя и не всех» фигурирует в огромном большинстве анкет. Но, наряду с ним, теперь на первый план выходит «родился и живу в России». Видимо, для респондентов это более ёмкое понятие, чем географическое место рождения, однако, содержательная интерпретация этого мотива встречается редко. Часто сам факт рождения и жизни в России при наличии русских предков считается достаточным объяснением причин формирования «русского самосознания», зачастую единственным дополнительным мотивом является языковой – «говорю на русском языке». Интересно, что мотив территории вообще стал играть существенно более важную роль, чем раньше. Башкиры, родившиеся в Башкортостане, обязательно указывают: «родилась в башкирской семье, в Башкортостане». Студенты из Казахстана пишут: «родилась в казахской семье, в Казахстане»; русские, родившиеся в Казахстане, указывают, что они «русские, несмотря на то, что, родились в Казахстане, в семье все русские». Респондент, чьи русские предки по одной линии родства родились и жили в Китае, а в 1950-е гг. вернулись в Россию, пишет: «я родился в России, а мои предки значительную часть своей жизни прожили в России», а одна респондентка указывает, что её мама «русская башкирка», потому что «родилась и долго жила в Башкирии», хотя среди её предков и нет башкир.

В качестве сохранившейся и даже усилившейся тенденции можно отметить то, что и сами респонденты, и их родители при полиэтничном происхождении выбирают русскую этническую идентичность, хотя, как 15 лет назад, так и сейчас изредка встречаются исключения. В последнем случае сами респонденты объясняют это преимущественной средой, в которой проходило воспитание – «преобладало общение с родственниками по другой (не русской) линии» родства, при этом важно, чтобы семья отличалась значительной этнической вовлечённостью (в семье «чтились и соблюдались традиции», язык

функционировал в семейном общении). Причём, для формирования другой (нерусской) этничности у респондентов с полиэтническим происхождением, фактор культуры, традиций очень важен и присутствует всегда, когда в случае смешанного этнического происхождения формируется нерусская этническая идентичность.

Часто «культура, традиции» присутствуют как фактор того, почему этническая идентичность (нерусская) не сформировалась – «не знаю никакого из языков предков кроме русского», «не знаком с традициями и культурой татар» (башкир, мордвы, чувашей и т.п., какие бы группы не назывались среди предков). Но, как не странно, мотив культуры в случае формирования русской идентичности присутствует нечасто. Всего менее 10% респондентов указали как фактор формирования русской идентичности приверженность русской культуре и воспитание в русских традициях, в том числе несколько респондентов среди предков которых нет русских и для них дополнительные мотивы особенно важны. Хотя, вероятно, фраза «живу и родился в России» подразумевает для значительной части респондентов формирование личности в русской или, по крайней мере, в русскоязычной культурной среде.

Однако содержательный анализ формулировки «Я и мои предки родились и живут в России» требует специального детального анализа методом глубокого интервью. 10% процентов респондентов указали внешность: «европейская», «европеоидная», «славянская», «подходящая» как фактор формирования этнической идентичности. У части респондентов с полиэтническим происхождением «восточная», «специфическая» внешность указана как фактор, который делает невозможным формирование русской идентичности. Даже если эти респонденты указывали, что не знают никакого другого языка, незнакомы с другими этническими традициями и воспитывались в русской культуре, тем не менее, выбирали другую этническую идентичность (татарскую, башкирскую) на основании того, что «у меня соответствующая внешность». Вероятно, эти респонденты сталкивались с тем, что этнопсихологи называют «непреодолимые границы».

Также около 10% респондентов указывают психологические мотивы формирования идентичности: «ощущаю себя русским», «имею сознание русского», «психологически отношусь к русским». Что касается языка, то этот фактор, безусловно, стал чаще встречаться как важный для формирования русской идентичности – «говорю на русском языке». В то же время значимость его продолжает сокращаться для респондентов с другой идентичностью (татарской, башкирской, украинской и др.). Значительная их часть указывают, что не владеют языком на достаточно хорошем уровне. Часто встречаются ответы: «немного говорю», «в основном понимаю, но не говорю», «немного понимаю, знаю отдельные фразы», а часть респондентов указывают, что совсем не знают языка, в том числе и респонденты с моноэтническим происхождением.

Башкиры и татары из Башкортостана отличаются лучшим владением родным языками, причём часто пишут, что знают родной, но понимают и могут объясняться и на втором (татарском, башкирском языке). Из опыта работы с детьми начальной школы на программах Государственного исторического музея Южного Урала можно добавить, что, если 12 лет назад в начальных классах челябинских школ редко, но встречались дети, которые могли хоть немного объясняться на татарском, башкирском или казахском языках, то сейчас ситуация изменилась. Практически никто из детей, которые уверенно относят себя к башкирам, татарам или казахам, или утверждают, что один из родителей принадлежит к этим этносам, совсем не знают языка и лишь изредка знают несколько слов.

Также надо сказать, что почти утратил своё значение так называемый фактор престижной этничности. К таким 15 лет назад относились немецкая, польская, чешская, другие европейские. Если среди предков были представители этих этносов, потомки выбирали именно её. Сейчас в большинстве случаев они выбирают русскую идентичность.

Значительно снизилось количество респондентов с полиэтнической идентичностью. В основном респонденты склонны однозначно определять этническую идентичность. Те, кто затруднились это сделать или осознанно указали свою принадлежность к нескольким группам, составили 7 %. Причём, некоторые описывают свою этничность как ситуативную,

например: «...я русский, но в некоторых случаях ощущаю и свою причастность к еврейскому народу».

Как и 15–20 лет назад, несмотря на рекомендацию указать максимально точно место рождения предков, это задание крайне редко выполняется полно и подробно. Большинство респондентов не имеют такой информации или не считают её важной, т.е. связь индивида с территорией проживания (так называемой «малой Родиной») через семью и поколения предков для молодёжи большого города не имеет существенного значения и не играет значительной роли в формировании социальных идентичностей молодёжи мегаполиса. Они ментально не привязаны к территории и это может способствовать значительной мобильности.

Вторая группа вопросов были посвящены этническим аттитюдам: этническим симпатиям – антипатиям. Во-первых, предлагалось ответить на вопрос: «Влияет ли этническая принадлежность человека на ваше отношение к нему?». 58% респондентов ответили, что не влияет, «отношения определяются исключительно личными качествами человека». А 42 % ответили, что этническая идентичность влияет на отношения. Однако первый вариант ответа нельзя интерпретировать как исключительно позитивный, свидетельствующий о толерантности, а второй как исключительно негативный, свидетельствующий о её отсутствии. Среди тех, кто писал, что этничность не влияет на отношение к человеку, часть респондентов в комментариях писали что-то типа: «человек не виноват, что он родился именно в этой семье, у этого народа», таким образом, указывая, что человеку как бы просто не повезло, что он родился в семье, принадлежащей своему народу.

Отвечая на опрос о том, есть ли этносы, вызывающие антипатию, эти респонденты иногда давали целый список этносов, что очевидно противоречило ответу на предыдущий вопрос. А некоторые из тех, кто отвечали, что этническая принадлежность влияет на отношения, в комментариях писали, что в отношениях с человеком готовы учитывать его этническую принадлежность и корректировать своё поведение, «чтобы не обидеть этого человека или не истолковать неправильно его поведение» т.е., таким образом, респонденты демонстрировали готовность к взаимной аккультурации.

Что касается этнических симпатий и антипатий, то основные тенденции сохранились, хотя есть и очевидные изменения. Наибольший интерес, симпатию по-прежнему вызывают с одной стороны европейские этносы, с другой стороны «экзотические» культуры Востока. Среди восточных этносов чаще всего в анкетах встречаются японцы (более 9 % респондентов). Они по-прежнему один из лидеров по «симпатиям». Чуть реже чем прежде среди «симпатий» упоминаются китайцы (около 4 %), зато чаще теперь называют корейцев (4 %), которые прежде вообще не упоминались.

Практически исчезла Индия (менее 1 %), упоминания единичны и то в контексте стран и народов, исповедующих буддизм. Некоторая часть респондентов мотивирует интерес к этим народам именно интересом к буддизму, буддийской философии и культуре (4%). Среди вызывающих антипатию, однако, все эти страны тоже изредка встречаются: Япония (менее 1 %) и Корея (менее 1 %). Как видим, они вызывают существенно больше симпатий, чем антипатий. В этих странах привлекает сочетание интересной истории, выдающейся древней культуры, литературы, искусства, философии, приверженности старинным традициям в сочетании с высокоразвитой современной экономикой и социальной инфраструктурой.

Что касается китайцев, то они существенно меньше присутствуют в анкетах, особенно колоссальная разница в отношениях антипатий. Если 15 лет назад китайцы были среди лидеров по отрицательным аттитюдам (более 20 % респондентов) наравне с «лицами кавказской национальности» и наделялись всяческими уничижительными характеристиками, то сейчас ситуация резко изменилась. Только около 4 % респондентов называют китайцев среди этносов, вызывающих антипатию. Мотивы её формирования также сильно изменились: респонденты называют «слишком большую разницу в менталитете», или исключительно европоцентричные респонденты называют китайцев в контексте восточных народов, которые

в целом не привлекают респондентов, в том числе внешне, единицы видят в Китае опасного соседа, стремящегося захватить территории.

Среди других восточных этносов встречаются только арабы и турки, как в симпатиях, так и в антипатиях. Причем, в симпатиях исключительно у представителей этносов с близкой культурой – турки (менее 1 %) у информантов-азербайджанцев, у узбеков, казахов, татар среди «симпатий» встречаются арабы (1 %). В антипатиях они также встречаются очень редко: арабы (менее 2 %) с мотивацией «не доверяю, опасаясь, террористы, ИГИЛ». При этом удивительно, что открытая опасность, с которой Россия ведёт прямые военные действия, – «мусульманские террористы, религиозные экстремисты – исламисты» встречаются в антипатиях менее чем у 2 % респондентов. Возможно потому, что они, всё таки, не ассоциируются с определённым этносом.

Что касается европейских этносов, то они традиционно вызывают много симпатий и, в целом, большинством респондентов русская культура в комментариях интерпретируется как европейская и европейцы как более «похожие», «понятные». В мотивах есть как общее для разных европейских этносов: интересная история, культура, литература, языки, традиции, кухня, внешность, менталитет, манера поведения, так и стереотипные специфические черты каждого народа, которые в общем одинаковые у разных респондентов. Так, итальянцев (около 9 % респондентов) и испанцев (около 6 %) характеризуют как добрых, веселых, живых и открытых, знающих и ценящих свою культуру. Французов (5 %) представляют как утончённых, с хорошими манерами; англичан (более 10 %) как интеллигентных, вежливых, толерантных, уважающих себя и других людей; немцев (около 13 %) как организованных, педантичных, ответственных. Скандинавы (около 3%), датчане (около 1 %), норвежцы (около 1 %) представляются как потомки викингов с высокоразвитой современной культурой, литературой и кинематографом. Финны (более 4 %) характеризуются как вежливые, приветливые, толерантные, заботящиеся о природе; шотландцы (около 2 %) – вольнолюбивые и самобытные; ирландцы (около 2 %) – «бесстрашные кельты» с богатой историей. Греки (около 4 %) признаны создателями великой древней культуры, истории и литературы, а чехи (около 4 %) представляются приветливыми, доброжелательными, дружелюбными. Поляки (более 2 %) характеризуются как общительные, доброжелательные, отзывчивые. Правда, нужно отметить, что поляки упоминаются только респондентами, у которых поляки есть среди предков. Что касается изменений, то они довольно очевидны.

Самым популярным европейским этносом названы немцы, они, кстати, вообще лидеры по симпатиям, их слегка опередили только русские (около 14 % респондентов). Немцы очень сильно выросли в отношении симпатии и интереса к их культуре и существенно снизили антипатии (2 %). Также выросли и симпатии к англичанам, которые вообще не встречаются в антипатиях. Зато французы несколько потеряли в уровне симпатий, об антипатиях к французам указывают (1 %) респондентов. Испанцы, итальянцы, скандинавы остались на прежнем уровне. Ирландцы и шотландцы сильно повысили рейтинг.

Очень интересная ситуация в отношении американцев. Если в старой выборке явно фиксировался антиамериканизм, причём нараставший год от года. В анкетах содержались негативные уничижительные характеристики американской культуры как «примитивной, бездушной, без древних традиций» и американцев как «наглых, толстых недалеких людей». Сейчас ситуация существенно поменялась. Среди этносов, вызывающих антипатию, американцев называют всего чуть более 2 % респондентов, а среди мотивов вообще нет претензий к американской культуре. Основные мотивы довольно корректно сформулированы: «менталитет сильно отличающийся от русского», «американцы неуважительно относятся к России» и лишь один респондент пишет, что «Америка со своей гнилой демократией... угрожает миру». В то же время 5 % респондентов указывают американцев среди этносов, вызывающих симпатию. Причём, основные мотивы содержат именно симпатии к американской культуре. Респондентов привлекает «культура, литература, музыка, творчество, кинематограф». Американцы наделяются довольно позитивными характеристиками – «приветливые, готовые помочь, толерантные, независимые», а американское общество

представляется как «свободное», в котором «разные течения могут отстаивать свою точку зрения».

Что касается других народов Америки, то латиноамериканские этносы вызывают симпатию примерно 1% за позитивное мироощущение, привлекательную музыку и праздники. Африканцы, представители негроидной расы вызывают антипатию примерно у 2%, в основном по расовому признаку, но нужно отметить, что таких ответов стало меньше.

Очень любопытная ситуация складывается в отношении народов России и бывшего Советского Союза. Как мы уже писали, русские чаще всех встречаются среди этносов, вызывающих симпатию, что не удивительно, т.к. большинство респондентов русские.

Кроме того, очень заметный процент респондентов высказываются комплементарно в отношении украинцев (около 10 %) и белорусов (11 %), в том числе 8 % составляют те респонденты, у кого есть украинцы и белорусы среди предков. Основной мотив – это «братские народы», «близкие по духу, мировоззрению, религии, традициям, языку», «отзывчивые», «трудолюбивые» и «дружелюбные». У заметной части респондентов есть родственники и друзья на Украине и в Белоруссии. Среди народов, вызывающих антипатию белорусы не встречаются. Украинцы редко (менее 1 %), причем респонденты уточняют «западные украинцы». Основной мотив – «не любят русских». Видимо, наличие прочных родственных связей у значительного процента респондентов позволяют сохраниться в комплементарных отношениях, не смотря на политические проблемы, существующие в межгосударственных отношениях. Эти народы по-прежнему воспринимаются как близкие, братские, «свои».

Среди этносов, вызывающих симпатию, более 5 % респондентов называют евреев, в том числе примерно половина из них имеет еврейских предков, а часть респондентов друзей и знакомых, которых характеризуют как образованных, ответственных, предприимчивых, дружелюбных людей с хорошим чувством юмора. Чуть более 3 % респондентов называют евреев среди этносов, вызывающих антипатию. Среди мотивов указывают «высокомерие, принципы воспитания».

Достаточно часто в анкетах упоминаются татары, башкиры и казахи. Причём мотивы симпатий и антипатий почти всегда содержат апелляцию к личному опыту знакомства с представителями народов и их культурой. Татар среди этносов, вызывающих особый интерес, симпатию называют более 11 % респондентов, в том числе более 4 % из них имеют предков среди татар или башкир, более 4 % указывают, что у них есть друзья среди татар и они характеризуются как дружелюбные, доброжелательные люди, часто встречается мотив что татары «хорошо относятся к русским», что «мы давно живём вместе и вообще не очень отличаемся».

Схожие мотивы названы и для башкир, симпатии к которым имеют более 10 % респондентов, в том числе из них 5 % имеют предков среди башкир и татар, а около 4 % имеют друзей среди башкир. 5 % респондентов симпатичны казахи, из них около 2 % те, у кого татары, башкиры, казахи есть среди предков. В целом, можно сказать, что респонденты сходятся в том, что татары, башкиры и казахи «давно являются частью нашего этнического окружения, мы привыкли друг к другу и не должно возникать конфликтов и недопонимания». В целом оценку этих этносов можно охарактеризовать как «другие свои».

Однако, около 2 % называют башкир среди тех, кто вызывает антипатию, а татар, среди тех, кто вызывает антипатию указывают около 5 % респондентов, том числе около 1 % тех у кого башкиры указаны в антипатиях составляю респонденты-татары, и наоборот около 1% тех у кого татары вызывают антипатию составляют башкиры. Однако, нужно сказать, что в большинстве случаев представители этих народов вызывают друг у друга симпатию. 1 % респондентов, которым не нравятся башкиры и казахи (1 %), пишут, что им не нравится «внешность, культура, религия и язык». Антипатия к татарам кажется более выраженной.

Однако, нужно обратить внимание, что часть респондентов, испытывающие негативные эмоции к татарам, используют этот этноним в высказываниях типа «армяне, татары и другие гастарбайтеры» или «азербайджанцы, чеченцы, татары, которые работают у

нас водителями маршруток». Очевидно, что в данном случае термин татары применяется не как этноним одного из этносов Волго-Уралья, а можно сказать в одном из архаичных смыслов этого слова – нерусские люди восточного происхождения, мусульманского вероисповедания. Кстати чеченцы и азербайджанцы также не работают в Челябинске водителями маршруток.

Больше всего негативных эмоций респондентов связано с цыганами и этносами Кавказа и Средней Азии. Об антипатии к цыганам пишут более 10 % респондентов. Студенты пишут, что цыгане вызывают страх, недоверие и раздражение, причины видятся в асоциальном поведении – «не работают», «дикие, не умеют читать», «не приносят пользы», «занимаются грабежом и обманом». Личностные характеристики также крайне негативны – «наглые, жестокие, ленивые и меркантильные». В целом цыган характеризуют как «народ-мошенник», «народ-паразит», «рассадник преступности». Цыгане не встречаются среди этносов, вызывающих симпатию.

Также около 20 % респондентов крайне негативно отзываются о кавказских и среднеазиатских этносах. Очевидно из комментариев, что имеются в виду в первую очередь так называемые «новые трудовые мигранты». Из анкет очевидно, что достоверно определить их этническую принадлежность респонденты не могут и пытаются подобрать обобщающий термин типа «люди с Кавказа и Средней Азии», «ближнеазиатские этносы», иногда он определяется характером занятости – «водители маршруток», «гастарбайтеры», либо достаточно произвольно приводится перечень из известных им этнонимов этих регионов. Чаще всего в анкетах фигурируют азербайджанцы (около 13 %), таджики (11 %), армяне (10 %), чеченцы (10 %), дагестанцы (6 %), узбеки (более 3 %). Очевидно, что респонденты не различают эти народы, не знают ничего об их истории и культуре, и не понимают различий в особенностях социализации, структуры занятости групп новых мигрантов.

Отношение к этим группам в целом крайне негативное. Они представляются респондентам «агрессивными, грубыми, бесцеремонными, необразованными, бескультурными дикарями, которые живут в средневековье, привержены ценностям близким первобытности, неприменимым в современном обществе». По мнению части респондентов, они «находясь в другой стране, ведут себя вызывающе, занимают много рабочих мест, среди них очень много преступников». Респондентам не нравится внешность, раздражает язык и запах. Очевидно, что сформирован «стереотип презрения». Даже из первичного анализа анкет понятно, что и для студенческой среды актуальна проблема взаимоотношений и взаимовосприятия общества и новых трудовых мигрантов. Причём ситуация в этом отношении за последние 15 лет не улучшилась. Получившиеся результаты, на наш взгляд, довольно интересны и затронутые проблемы, безусловно, нуждаются в дальнейшем исследовании и более глубоком анализе.

ГОРОЖАНКИ ОРЕНБУРЖЬЯ В ИСТОЧНИКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.¹

К.А. Абдрахманов
Оренбургский государственный
педагогический университет
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Аннотация. В работе перечислены наиболее интересные сведения, касающиеся особенностей повседневного быта женщин-горожанок Оренбургской губернии пореформенных лет. Обзору подверглись несколько групп источников: от заметок частных лиц до юридических документов. Представленные источники кратко описывают быт представительниц всех сословных групп, проживавших в городах региона. Сферы труда, досуга, поведение и даже внешность местных жительниц обсуждались на страницах авторских очерков, в материалах статистики и региональной прессе.

Ключевые слова: городская среда, источники, горожанки, женская мода, городские жительницы, Оренбургская губерния

TOWNSWOMEN OF ORENBURG REGION AND THEIR DESCRIPTION IN DOCUMENTS OF THE SECOND HALF OF 19TH CENTURY AND THE BEGINNING OF 20TH CENTURY

Konstantin A. Abdrakhmanov
Orenburg State Pedagogical University
kostya.abdrakhmanov@mail.ru

Abstract. This work describes the most prominent features of everyday life of city women in the Orenburg Governorate during the post-reform period. This work is based on various sources, from private notes to legal documents. These sources contain brief descriptions of everyday life of women from all of the various estates that were present in the cities of the Orenburg region. Spheres of work, leisure, behavior and even the appearance of local women were discussed on the pages of author's essays, in the materials of statistics and the regional press.

Key words: urban environment, sources, female urban dwellers, women's fashion, city women, Orenburg Governorate

В 1865 году, в результате раздела Оренбургской и Уфимской губерний, число жителей первого региона составило 827625 душ обоего пола². Представительниц слабого пола на всей территории губернии проживало – 411275 тыс. человек³. Демографическая картина городов Оренбургской губернии в 1866 году выглядела следующим образом: в Оренбурге на тот момент насчитывалось жителей 33431, из которых мужчины – 18046, женщины – 15385⁴. Вторым по числу жителей был Троицк с 7841 обитателями, и с заметным преобладанием мужской составляющей – 4274 тыс. человек, и 3467 соответственно⁵. Верхнеуральск вмещал

¹Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 17-31-00010 а1 – Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)

² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 28: Оренбургская губерния. СПб.: изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1871. С. 57.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

6166 обитателей, из них мужского пола были 3209 человек, а женского – 2957¹. В постепенно разрастающимся Орске проживали 3088 жителей (мужчины – 1679, женщины – 1409)². Челябинск населяло 5181 человек, из которых мужская часть – 2650 человек, а женская – 2537³. В безуездной Илецкой Защите проживало 2493 человека (мужчин – 1297 и женщин – 1196)⁴. Как видно из данных источника, женская часть оренбургского городского социума составляла практически половину населения. Поэтому досуг, труд, поведение и прочие аспекты быта горожанок обращали на себя внимание авторов, отражавших сведения о жизни городов провинции.

Повседневная жизнь населения столицы Оренбуржья и его уездных центров довольно четко прописана в очерках жителей и гостей региона. Данные материалы дают представление о национальном составе жителей населенных пунктов, роде занятий и социальном статусе городских обывателей. Таким образом, сведения, записанные современниками событий, людьми, которые были частью городского общества тех лет, представляют собой наиболее значимый пласт источников по повседневной жизни женщин в городах провинции.

Как известно, Оренбург пореформенного периода являлся крупной провинциальной столицей, экономика которой во многом зависела от торговой деятельности населения. Коммерческий промысел был развит повсеместно, и немалое число женщин являлись участниками этого процесса. На рыночных площадях Оренбурга производили торг женщины всех сословий, проживающих в городе – купчихи, мещанки, крестьянки. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Оренбурге торговлей самостоятельно занимались 344 женщины⁵.

Подполковник М. Михайлов, побывавший в Оренбурге в 1866 году, обратил внимание, что в Оренбурге цены на различные товары и продукты питания были выше столичных. Разбирая происхождение этого феномена, он получил такое объяснение своего соседа по гостинице: «Здесь все так. Тут на каждом шагу вы встретите монополии»⁶.

Из дальнейшего повествования становится видно, что женская половина торгового мира активно способствовала установлению порядков, исключающих возникновение рыночной конкуренции. В «Оренбургских письмах» была прописана схема действия торговки-перекупщицы, позволяющая кратно взвинчивать цены. «Между тем, окрестные крестьяне, с разными продуктами и живностью, въезжают в город весьма рано, потому что имеют в этом свои нужды; но едва какой-либо воз появится в виду Оренбурга, как его перехватывают торговки, и, вместо того, чтобы утром купить, например, рябчиков, круглым числом по 20 коп. за пару, вы, после 2-х часов, на базаре заплатите торговкам за тех же самых рябчиков 60 коп. К тому же, между торговками и мелкими торгашами постоянные стачки, вследствие чего цены устанавливаются ими по утрам; а по открытии базара, что просят с вас на одном ларе, тоже самое запрашивают и на всех прочих»⁷.

Конечно городские жительницы задействовали свои капиталы и в более крупных проектах, нежели торговля продуктами из необорудованных лавок. Упоминания о женском бизнесе также содержатся в воспоминаниях разных авторов, городской прессе и в материалах статистики. Про Оренбург читаем у Лобысевича: «Лучшие магазины здесь красных товаров В.Г. Кибиревой, Гладкова и Буслаева...»⁸.

На страницах оренбургских газет можно было встретить объявления подобного рода: «Дрова березовые, 6 арш. Длины продаются по умеренной цене на складе близ новой

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.; Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с. С. 109.

⁶ Михайлов М. Оренбургские письма. СПб., 1866. С. 27, 28.

⁷ Михайлов М. Оренбургские письма. СПб., 1866. С. 27, 28.

⁸ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург. Историческо-статистический очерк. СПб., 1878. С. 19

слободки. Билеты на получение дров со склада можно получить в доме Весниной (на Введенской улице) в домашней конторе, от 9 до 12 часов утра и от 2 до 6 часов вечера, кроме праздничных дней. Ход со двора»¹. В путеводителе П.Д. Райского упомянуты несколько фамилий женщин-коммерсантов в связи с развитием в губернской столице мукомольного производства. «Первою (в 1878 году) возникла мельница Юрова, затем мельницы Дружининой, Деевых, Покровского товарищества, Валявина, Степанова, Семенихиной...», – записал автор².

О производителях алкогольной продукции в Верхнеуральске сказано: «Из винокуренных заводов один принадлежит купцу Рытову, а другой существует под фирмою Г. Пономаревой и компании; оба завода открыли недавно свои действия, Пономаревой в конце 1862 г., а купца Рытова осенью 1863 г.»³.

Побывав проездом в Троицке, М. Михайлов обратил внимание на замысловатую деталь интерьера в доме одной из местных купчих. «Мы остановились в доме купчихи Т. Первое, что удивило нас, при входе на парадный подъезд – это деревянная, размалеванная, вышиною в человеческий рост, топорной работы кукла, изображающая арапа, с позолоченною булавою, как у швейцаров. Арап поставлен в сених, и производит крайне неприятное впечатление на входящих, не потому, собственно, что он арап, а что владелец дома беспощадно испортил им свои светлые и широкие сени. Пришла же фантазия выкинуть такую штуку – поставить безобразную куклу и для чего? Уж не для пущей ли важности, подделываясь под причуды прежнего барства, т.е., если нет живого швейцара, так пусть стоит хоть кукла. Или это насмешка хозяина над прежним барством?»⁴.

Женщины торгового сословия, благодаря своей финансовой состоятельности, вполне могли позволить себе приобретение различных предметов роскоши. Демонстрация материального благополучия выражалась как во внутреннем убранстве домов, так и в покупке дорогих украшений. В конце XIX века «Оренбургские губернские ведомости» напечатали объявление об утере ювелирных изделий, которые, судя по тексту сообщения, принадлежали представительнице купеческого семейства Юровых. «25 рублей вознаграждения. Дорогой из купальни у большого моста до мельницы Юрова утеряны на розовой ленточке золотой крест и два дамских бриллиантовых кольца. Нашедшего просят доставить на мельницу В. Х. Юрова», – было написано на страницах издания⁵.

Однако, проживание в крупном населенном пункте вовсе не означало, что все женщины-горожанки были в состоянии сами обеспечивать себе достойное, или хотя бы сносное существование. Имеющиеся источники демонстрируют, что в пореформенный период финансовая зависимость слабого пола от мужской половины общества все еще была очень сильна. В журнале оренбургской городской Управы содержатся сведения о женщинах, лишившихся средств к существованию в результате смерти их мужей.

В 1878 году жена умершего отставного унтер-офицера – Мария Васильевна Палант унаследовала от мужа дом и мелочную лавку на Сакмарской площади. Стоимость находящегося в ней товара составляла всего 15 рублей⁶.

Многие горожанки, не относившиеся к привилегированным сословиям, после смерти своих супругов оказывались за чертой бедности и были вынуждены просить Городскую Думу о выделении им материальной помощи. Так, в 1878 году, проживавшая в Оренбурге вдова бузулукского мещанина Наталья Ивановна Розанова написала заявление на имя городского Головы о выделении ей ежемесячного пособия⁷. Просительница указывала, что ее покойный супруг был болен на протяжении десяти лет, и все имеющиеся средства уходили на его

¹Оренбургский листок, 23 января 1877 год, № 4

²Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2000. С. 72

³Игнатьев Р.Г. Верхнеуральск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография: издание Оренбургского Статистического Комитета, 1865. С. 122

⁴Михайлов М. Оренбургские письма. СПб., 1866. С. 88, 89.

⁵Оренбургские губернские ведомости, 27 июля 1897 год, № 158

⁶ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 123.

⁷Там же. Л. 151.

лечение. В течение некоторого времени Н. Розанова зарабатывала на жизнь собственным трудом, но сейчас, «...будучи преклонных лет и слаба здоровьем...», больше не может продолжать трудовую деятельность¹. Однако, самоуправление города, вместо запрошенного пособия, постановило выделить мещанке 16 рублей на проезд в Бузулук, где она могла бы находиться под опекой собственных родных.

Заявлений подобного рода в оренбургскую Городскую думу поступало достаточно много. В том же 1878 году аналогичные прошения городскому начальству направили: жена унтер-офицера Анисья Григорьевна Иванова, жена крестьянина Маланья Кузнецова, жены отставных солдат Прасковья Дружинина и Степанида Зеленцова, жена фельдфебеля Федосеева². Муниципалитет города назначил комиссию для установления истинности их бедственного положения, которая подтвердила, что эти женщины действительно лишены средств к существованию.

Фиксация сведений о каких-либо финансовых операциях или сделках с недвижимостью в официальных документах, например, таких, как журналы Городской Думы или Управы, позволяет судить об уровне грамотности женщин, участвовавших в коммерческих операциях. В одном из источников подчеркивается, что, к примеру, такой мелкий бизнес, как переработка животных продуктов, являлся прерогативой малообразованных людей. «Почти на всех сведениях, доставленных в Статистический Комитет заводладельцами в 1862 году о состоянии их салотопенных, мыловаренных и кожевенных заводов, значится: “за неграмотного подписался такой-то”» – говорилось в статистическом сборнике³.

Женщины также входили в число владельцев предприятий данного профиля. Поэтому вышеуказанное отсутствие у значительной части представителей этой торговой ниши навыков чтения и письма относилось и представительницам слабого пола. К примеру, челябинская купчиха 2-й гильдии М.М. Шихова, оформляя ряд договоров, касающихся ее салотопенного заведения, прибегала к помощи разных лиц, чтобы заверить документ от своего имени. Будучи еще купчихой 3-й гильдии, предпринимательница прибегла к помощи своего родного сына: «...к подлинному контракту вместо челябинской 3-й гильдии купеческой жены – вдовы Матрены Михайловны Шиховой – неграмотной, по ее велению руку приложил сын ее родной Степан Егорович Шихов»⁴. «Прошение сочинял и набело переписывал челябинский мещанин Матвей Федоров. Прошение вместо просительницы – челябинской 2-й гильдии купчихи Матрены Михайловны Шиховой неграмотной, по ее личной просьбе руку приложил писарь 3-го разряда Владимир Григорьевич Мещеряковский», – отмечалось в более позднем варианте сделки⁵.

Согласно данным официальной статистики, в конце XIX в. в среде купечества, мещанства и других городских сословий Оренбургской губернии процент грамотных женщин составлял всего 18,66 %. Среди лиц сельских сословий (крестьяне, казаки, иностранные колонисты) процент грамотных женщин составлял 9,69 %⁶.

В 1916 году в оренбургской нотариальной конторе была зафиксирована сделка о продаже земельного участка. Участниками сделки выступили: «...жена потомственного почетного гражданина Анна Сергеевна Николаева и поверенная мужа своего – крестьянина Воронежской губернии, Богучарского уезда, Константиновской волости, села Кантемировка, Михаила Ивановича Степаненко – крестьянка Феодосия Андреевна Степаненко..., живущие в

¹ Там же.

² ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 6. Л. 153.

³ Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург: Оренбургская губернская типография: издание Оренбургского Статистического Комитета, 1865. С. 46.

⁴ ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806. Л. 14об.

⁵ ОГАЧО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 5806. Л. 2об.

⁶ Степанов В. Краткий обзор цифровых данных по Оренбургской губернии // Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Том XXVIII: Оренбургская губерния. СПб., 1905. С. VII-XX. С. XVII

своих домах, Николаева по Каратаевской улице, а Степаненко по Каргалинской...»¹. Воронежский крестьянин продавал А.С. Николаевой «...свободное от споров и запрещений дворовое место с возведенными на нем: домом, двумя флигелями, лавочкой с навесом и всеми прочими без исключения жилыми и нежилыми постройками, состоящее в четвертой части города Оренбурга, по Каргалинской улице...» за 4 тысячи рублей². Представлявшая интересы мужа Феодосия Степаненко, за недостатком образования, не могла лично заверить документ, поэтому «...за нее неграмотную, по ее личной просьбе расписался крестьянин Григорий Прохорович Анисимов»³.

Авторы очерков о городах Оренбургской губернии не ставили целью беспристрастно отразить факты о быте местного населения, поэтому порой позволяли своим эмоциям и эстетическим взглядам влиять на восприятие отдельных представительниц слабого пола. М. Михайлов, повстречав на рынке Оренбурга дочерей степного народа, оставил несколько нелицеприятных отзывов об их внешнем виде и элементах традиционного гардероба. Касательно одежды восточных женщин, автор заметил, что «наряд киргизских женщин тоже весьма незатейлив и очень мало разнится от мужского», поэтому «только по головному убору и можно с первого же взгляда отличить киргизку, потому что, как в лице, так и манерах ее мало женственности»⁴.

В работе Ф.И. Лобысевича упоминается о том, что в городе «...очень большое количество татарок...»⁵. Представительниц этого этноса писатель с иронией назвал «гуриями востока» и констатировал, что «...женщины-татарки и особенно киргизки не отличаются красотой»⁶. Зато о внешних данных, посещающих общественное собрание русских купчих Лобысевич был весьма высокого мнения. В его книге записано: «...купечество держится особняком, и в общество, в собрание является из них лишь несколько дам, замечу мимоходом, очень состоятельных и очень хорошеньких»⁷. Этому же автору принадлежит занимательный отзыв о моральном облике прислуги женского пола: «...горничные все склонны и жаждут любви, а потому, что ни делайте, но уж это их судьба»⁸.

Источники разного характера повествуют о том, что в городах Оренбургской губернии пореформенного периода, дамы из привилегированных слоев общества были склонны к модным излишествам. Подполковник Михайлов записал по этому поводу: «Известно, что провинциальные города страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, Но Оренбург, как центр военного и гражданского управления краем и, притом резиденция генерал-губернатора, подвержен этой мании в превосходной степени»⁹. «Рассказывают напр., что здесь в прежние времена эта общественная язва преобладала до того, что дамы лучших сословий, во внимание к ограниченному их состоянию, периодические субсидии, в виде кусков дорогих материй, золотых и других ценных вещей, и вслед за тем, секретное приказание, чтобы быть на балу в таком-то именно, а не в ином каком наряде»¹⁰.

Небольшой уездный Верхнеуральск не отставал от губернского центра. Корреспондент местной газеты, в 1911 году отметил в своей статье стремление городских жительниц выглядеть очень ярко и экстравагантно: «...Наш богоспасаемый град Верхнеуральск всегда и во всём идёт на десятки лет сзади, за исключением дамских мод, в коих верхнеуральские дамы идут много впереди. Если в столице надевают шляпу с пером – в Верхнеуральске сажают на неё уже целую птицу и непременно руками «московской мастерицы», если в столице на шею дамы одевают шкурку маленького, красивенького зверька, наши дамы -

¹ ГАОО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 153. Л. 2.

² Там же.

³ Там же. Л. 2об.

⁴ Там же. С. 51, 52.

⁵ Лобысевич Ф.И. Город Оренбург. Историческо-статистический очерк. СПб., 1878. С. 23.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Михайлов М. Оренбургские письма. СПб., 1866. С. 38, 39.

¹⁰ Там же. С. 39.

самую преогромнейшую лисицу, да ещё поддельную и настолько большую, что если дамочка катается в санях по улице или на бегу по Уралу, то за санями – на целую сажень хвост дамского украшения тащится по снегу так, что лошадь сзади едущих может наступить и оторвать или хвост от шкуры зверя, или уряженную головку «лепной» дамочки. Не лучшее бывает и со шляпами наших дам, кои являются точно на конкурс: есть котелки, есть решета, есть похожие на наполеоновскую треуголку, есть большие, как добрая сенная копна, есть и маленькие горшочки, разделанные разными лентами, похожими на ручку, которая уже вполне дополняет принадлежность и назначение этого горшочка...», – гласил «Верхнеуральский листок»¹.

Как показал обзор разного рода источников, женщины, являясь неотъемлемой частью провинциального городского социума пореформенных лет, часто становились героинями всевозможных публикаций. Наблюдая за жизнью крупных населенных пунктов Оренбургской губернии авторы очерков и составители статистических обзоров фиксировали разноплановые события из жизни городского общества, уделяя немало внимания его женской составляющей. Из подобных заметок можно почерпнуть сведения о роде занятия горожанок, их модных пристрастиях и материальном положении.

¹Вернигоров А. Модницы начала XX века / Верхнеуральский извозчик [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vurizvoz.ru/rubriki/kraevedenie/modnicy-nachala-xx-veka> (дата обращения: 28.02.2018).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СОСТАВ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.¹

Р.И. Кантимирова
Стерлитамакский филиал
Башкирский государственный университет
kantimirova.rezida@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется кадровый состав органов государственного управления Уфимской губернии Российской империи. Автор приходит к выводу, в составе губернской администрации были представители потомственных и личных дворян, почётных граждан, духовенства, буржуазии, а также податных сословий. Верхушка местных органов власти была исключительно дворянской, имела земельную собственность и получала хорошее жалованье.

Ключевые слова: Уфимская губерния, чиновники, города, численность, губернское правление, канцелярия губернатора.

SOCIOCULTURAL COMPOSITION OF GOVERNMENT MANAGEMENT BODIES IN CITIES OF UFIM GOVERNMENT AT THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

Rezida I. Kantimirova
Sterlitamaxi branch
Bashkir State University
kantimirova.rezida@mail.ru

Abstract. The article analyzes the personnel composition of the state administration bodies of the Ufa province of the Russian Empire. The author comes to the conclusion that the composition of the provincial administration included representatives of hereditary and personal noblemen, honorary citizens, clergy, the bourgeoisie, and also tax-paying classes. The top of the local government was exclusively noble, had landed property and received a good salary.

Key words: Ufa province, officials, cities, number, provincial government, office of the governor.

Анализ системы государственного управления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. показывает, что в это время появляется целый ряд новых административных, судебных, полицейских учреждений и должностных лиц. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., общая численность аппарата государственного управления в Уфимской губернии составляла 3226 человек. Центрами управления в губернии были города. Данные переписи свидетельствуют, что численность местного губернского управленческого персонала Уфимской губернии составляла 1750 человек. Все они проживали в городах. Из них в Уфе – 1016 человек, Златоусте – 215, Стерлитамаке – 148, Бирске – 140, Мензелинске – 135 и Белебее – 96. Таким образом, города играли значительную роль как административные центры.

В состав губернской администрации входили лица, обладавшие разными полномочиями, привилегиями, функциями и обязанностями. В более выгодном положении в системе местного государственного управления находились чиновники, занимавшие штатные

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В18-123

должности в различных губернских учреждениях. Всего на штатных должностях в системе губернского и уездного управления в Уфимской губернии в 1897 г. состояло 2581 человек¹

Самый многочисленный штат работников находился в распоряжении губернатора. В 1897 г. в канцелярии уфимского губернатора насчитывалось 20 человек. К концу XIX в. практически в полном подчинении губернатора находился аппарат губернского правления. Общая численность членов губернского правления, включая губернатора и вице-губернатора, в 1897 г. составляла 76 человек.

Достаточно многочисленными были и другие губернские органы управления, хотя в ряде присутствий заседали одни и те же лица: губернатор, вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, председатель казенной палаты, управляющий государственным имуществом и т.д. Так, в конце XIX в. в губернском присутствии числилось 18 человек, в губернском распорядительном комитете – 11, в губернском статистическом комитете – 109, в казенной палате – 23, в губернском казначействе – 9 работников.

В подчинении губернатора находились также полицейские органы. По штатному расписанию 1906 г. уфимское городское полицейское управление насчитывало 120 служащих лиц. В этом же году городские полицейские команды в городах Уфимской губернии насчитывали 217 человек. Большой численностью служащих отличались судебные органы. По данным 1892 г. только в состав уфимского окружного суда входило 86 человек.

Сословный принцип комплектования органов управления проявляется при анализе формулярных списков чиновников. Так, к примеру, из 32 работников уфимского губернского правления за 1866 г., формулярные списки которых удалось обнаружить, дворянами по происхождению были 10 человек, военными – 8, остальные принадлежали к духовенству. Из них высшее образование имели 2 человека, домашнее – 3, окончили полный курс гимназии 14, остальные воспитывались в духовной семинарии или были без образования².

Самым высокооплачиваемым чиновником из числа занятых в местных органах власти был губернатор. По мнению И. Блинова, при назначении на губернаторский пост «не было ничего сколько-нибудь определенного – все зависело от случая и особенно от протекции». Многие общественные деятели считали, что губернаторские назначения определялись «близостью ко двору и целым рядом соображений, далеких от оценки деловых качеств».

Для второй половины XIX в. характерна частая сменяемость губернаторов. Они менялись через каждые 3-5 лет. Распространены были перемещения губернаторов из одной губернии в другую по самым разнообразным причинам. В 1876 г. уфимский губернатор И.Ф. Щербатский был уволен «по домашним обстоятельствам». Назначение в 1903 г. И.Н. Соколовского было связано с усилением революционного движения в губернии.

В Уфимской губернии с 1865 г. по 1917 г. сменилось 14 губернаторов. Все они принадлежали к сословию потомственных дворян и имели военный или гражданский чин четвертого класса. Сроки пребывания их на губернаторском посту были разные. Отдельные губернаторы Уфимской губернии обладали значительными земельными владениями, то есть относились к помещикам. Достаточно обширными земельными владениями располагал Н.Х. Логвинов. Он имел 2557 дес. в Саратовской губернии, 820 дес. – в Нижегородской, 3000 дес. – в Архангельской, 353 дес. – в Одесской и 70 дес. – в Воронежской губернии, а всего – 6800 дес. Земли. Крупным помещиком был уфимский губернатор В.Д. Левшин, которому принадлежало в Тульской губернии 400 дес. и в Уфимской 2053 дес. земли [14, д.336, л.20]. В собственности уфимского губернатора П.П. Шрамченко находилось имение в Черниговской губернии площадью в 1000 дес. земли³.

Следует отметить, что губернаторы получали значительное денежное содержание, состоявшее из жалованья, столовых и квартирных денег. В 60-х гг. XIX в. губернаторы получали 5432 руб. в год или 452 руб. в месяц. С 1 января 1881 г. оклад губернаторов был

¹ РГИА. Ф.1284. Оп.45. Д.90. Л.98.

² РГИА. Ф.1284. Оп. 44. Д.695. Л.65.

³ НА РБ. Ф.9. Оп.2. Д.14. Л.76.

повышен до 9900 руб. в год. Так, например, у губернаторов И.Н. Соколовского и П.П. Башилова общая сумма всех денежных выплат достигла 10 тыс. руб. в год каждому.

К высокопоставленным чиновникам местных органов государственного управления относились и вице-губернаторы. Их должность соответствовала чину пятого класса, то есть статского советника. Согласно указу от 4 июля 1903 г. «О мерах по усилению губернаторской власти» вице-губернаторы назначались с учётом мнения губернаторов. Среди вице-губернаторов были способные лица, обладавшие необходимыми деловыми качествами, и тем не менее им не удавалось попасть на губернаторский пост без особой протекции. Большинство уфимских вице-губернаторов по сословному происхождению принадлежали к дворянству. Но некоторые из них были выходцами из других сословий. Например, уфимский вице-губернатор А.П. Румянцев, занимавший эту должность в 1880-1890 гг., был сыном священника¹

Уфимские вице-губернаторы в основном имели чины четвёртого или пятого класса. Они получили государственное или домашнее образование. Так, вице-губернатор В.П. Беляев, находившийся в этой должности в 1865-1869 гг., получил домашнее образование третьего разряда. Не все вице-губернаторы Уфимской губернии были крупными собственниками, некоторые из них вовсе не имели земельных владений. Например, вице-губернатор В.П. Беляев владел родовым имением площадью 400 дес. земли, а вице-губернатор А.П. Румянцев не обладал земельными владениями. Вице-губернаторы получали за службу значительное денежное содержание. Так у В.П. Беляева оно составляло 3510 руб. в год.

Общий срок государственной службы губернаторов и вице-губернаторов составлял в среднем 30 лет. При увольнении со службы они получали значительные пенсии. Например, пенсия уфимского губернатора П.П. Шрамченко составляла 2500 руб., а вице-губернатора В.П. Беляева – 2000 руб. в год. Таким образом, губернаторы и вице-губернаторы были наиболее обеспеченными имуществом из представителей должностных лиц местных органов власти.

Некоторые чиновники местных органов государственного управления были крупными земельными собственниками. Так, в 1879 г. в Бирском уезде уфимскому губернскому казначею Г.П. Григорьеву принадлежало родовое имение площадью 1190 дес. земли. В 1890 г. податной инспектор уфимской казённой палаты А.И. Базилев владел 3500 дес. земли. В 1880 г. в Белебеевском уезде имение площадью 1245 дес. земли принадлежало приставу города Уфы Н.И. Друецкому²

В то же время в составе государственного аппарата было значительное количество служащих, не имевших земельной собственности. Единственным источником существования для них было получаемое за службу денежное содержание. По данным 1866 г., старший советник и советники уфимского губернского правления получали 1400 руб. в год. К концу XIX в. содержание чиновников увеличилось. В 1889 г. старший советник и советники губернского правления получали 1800 руб., а правитель канцелярии губернатора – 1500 руб. в год.

Высокое денежное содержание получали высшие полицейские чины и служащие суда и прокуратуры. В 1890 г. уфимский полицмейстер по штатному расписанию имел годовое содержание в размере 1200 руб. в год. Участковый мировой судья получал в год 2000 руб., а добавочный судья – 1500 руб. Еще более высокое денежное содержание имели высокопоставленные служащие казенной палаты. Так, управляющий уфимской казенной палатой получал 3300 руб., начальники отделений палаты по 1800 руб. в год. Денежное содержание управляющего уфимской контрольной палаты составляло 3090 руб., начальника управления земледелия и государственных имуществ – 5000 руб. в год³.

¹ Список лиц, служащих по ведомству МВД в губерниях, областях и градоначальствах. Ч. II. СПб., 1903. 835с.

² Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине 19 – начале 20 вв. Уфа – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2000. 173 с.

³ НА РБ. Ф.139. Оп.1. Д.157. Л.87.

Намного ниже по сравнению с должностными лицами были материально обеспечены табельные чиновники, непосредственно осуществлявшие делопроизводство в городах Уфимской губернии. К ним относились делопроизводители и их заместители, непрменные члены присутствий, секретари, различного рода столоначальники, младшие инспекторы и ревизоры. В уфимском губернском правлении делопроизводитель получал оклад 600 руб., а его помощник – 300 руб. в год в соответствии со штатным расписанием, утверждённым в 1865г. Несколько выше были оклады делопроизводителей в казённых и контрольных палатах. В 1898 г. старший бухгалтер уфимской казённой палаты получал 900 руб., ревизор контрольной палаты – 1600 руб. в год. Особенно низкими были оклады чиновников, занимавших самые последние ступени в «Табели о рангах», и многочисленных канцелярских служащих органов местного управления. Например, канцелярский служащий уфимского губернского казначейства, архивариус губернского правления получали по 300 руб. в год каждый. Просто в бедственном положении находились вольнонаёмные писцы, труд которых применялся во всех местных учреждениях. Так, в 1876 г. на канцелярские расходы, содержание сметчиков, курьеров, рассыльных губернское правление получило 3952 руб.

Таким образом, в составе губернской администрации были представители потомственных и личных дворян, почётных граждан, духовенства, буржуазии, а также податных сословий. Верхушка местных органов власти была исключительно дворянской, имела земельную собственность и получала хорошее жалованье. Вместе с тем, в состав губернской администрации входили многочисленные работники, не имевшие чинов согласно «Табели о рангах», но считавшиеся штатными. Часть работников губернских органов управления была разночинской по происхождению и, получая жалованье, по социальному положению принадлежала к служащим.

УСТОЙЧИВОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОРОДА: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В.С. Кузеванов
Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского
Victors2@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения историко-градостроительных методов изучения расширения городского пространства и выявления особенностей функционирования урбанистического образования. Автор выявляет основные социологические принципы изучения культурного ландшафта города, учитывающие исторические процессы развития архитектурной среды.

Ключевые слова: Устойчивое функционирование города, градостроительство, урбанизация, собственная логика города, городское планирование

SUSTAINABLE FUNCTIONING OF THE CITY: URBAN DEVELOPMENT AND HISTORICAL PROCESSES

Viktor S. Kuzevanov
Omsky state
University of F.M. Dostoevsky
Victors2@yandex.ru

Abstract. The article considers the possibility of applying historical and town-planning methods for studying the expansion of urban space and identifying the features of the functioning of urban education. The author reveals the basic sociological principles of studying the cultural landscape of the city, taking into account the historical processes of the development of the architectural environment.

Key words: sustainable functioning of the city, urban planning, urbanization, the city's own logic, urban planning

В современной отечественной историографии за последнее время появился устойчивый интерес к локальным и социальным историям городов. Отчасти такая тенденция была спровоцирована ведущими специалистами (преимущественно социологами), которые использовали иностранный комплекс методик для изучения городов. Особое аналитическое исследование провела Е.Г. Трубина, опираясь на англоязычные научные изыскания, выстраивает теорию города как оформление социальных циклов¹. Экономическая, политическая, культурная, социальная составляющие города представляют собой части «глобального» содержания городского пространства. На первых страницах автор дает понять, что в этом труде соединилась и «преподавательская и исследовательская работа»². Критическая рефлексия теоретических подходов дана в развернутом виде, что приближает издание к формату высоконаучного учебника «для профессиональных исследователей». Новаторское видение проблемы менеджмента города Е.Г. Трубина дает в седьмой главе «Городская политика и управление городам». Город как хронотоп является «местом обмена каждой фрагментации».

¹ Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011. 520 с.

² Там же. С. 5.

Проводя свой анализ урбанистических западных теорий, социолог В.М. Савченкова приходит к схожему мнению: «в настоящее время в зарубежной социологии имеется достаточное количество научных трудов, ориентированных на соотнесение урбанизации с общей социальной эволюцией, когда первая рассматривается в локально временном или пространственном ограничении, на разных исторических этапах своего развития»¹.

Однако, в период создания и формирования поселения закладываются элементы инфраструктуры (это не только экономический ресурс), которые в последствии могут стать причиной эволюции или ограничения. Положительная тенденция наблюдается в региональной практике. Градостроительная практика напрямую связана с политической волей муниципальных властей².

Предлагаемая иностранными специалистами парадигма «собственная логика городов»³ представляется одним из возможных способов рассматривать городов, не включая в глобальный контекст его особенность, «сам по себе». Если феноменологическое «сам в себе», переложить на неодушевленный объект (в данном случае город), то архитектурные объекты становятся проявлением «живого» социального процесса. Локальная история города и краеведение способствуют расширению источниковой базы по истории города. Возможно историю города необходимо рассматривать, как один из инструментов развития городского пространства, в том числе по средствам телекоммуникационных сетей.

М. Вильковский предпринял попытку систематизировать знания по архитектуре, в своем комплексном труде «Социология архитектуры»⁴. В ходе рассмотрения проекта О. Нимейера строительства новой столицы – Бразилиа, исследователь указывает на несовершенство градостроительного замысла. Символическая форма города в виде птицы, сложилась в результате зонирования: «тело птицы» – административно-общественные районы, «крылья» – жилые кварталы. Расположение жилого дома ближе к «центру» определяло элитность, поэтому «крылья» срослись с «хвостом» (т.е. дорогое жилье приблизилось к общественному деловому району). Изначально не должно было быть такой дифференциации по классовости и важности расположения.

Другая крайность, когда город ограничен физическим барьерами: крепостной стеной или природным ландшафтом. Место для перспективного развитие отсутствует, поэтому город «растет» вверх. Например, Нью-Йорк в 1930-х – 1950-х годах ощущал переустройство «макрокосма» на «микрокосм». Речь не идет о самодостаточности здания и появления понятия «здание как город». Одним из символов «Большого яблока» является здание музея современного искусства Гуггенхайм (архитектор Ф.Л. Райт). Организация внутреннего пространства выставочных залов начинается сверху-вниз, что создало прецедент в «освоении нового пространства» посетителями. На сегодняшний день это норма, т.к. подземные коммуникации и транспортная инфраструктура (метрополитен, парковки и пр.) вошли в повседневность горожан. Важно подчеркнуть, что архитектор обращается к естественным особенностям человека. Посетитель поднимается вверх на лифте на верхний этаж и спускается по спирали, посещая все залы. Логистика, организация внутренней среды становятся средствами объективации идей архитектора. Американский историк пишет: «Музей Гуггенхайма был апофеозом органической философии Райт, в которой план, селекция и высокие идеи его ранних экспериментов были объединены в сильное трехмерное переплетение формы, пространства и абстракции»⁵.

Продуманность планирования и организации пространства должна осуществляется по «законам» самого города. Город Нью-Йорк текучий, быстрый, не требующий барьеров

¹ Савченкова, В.М. Концепции города и урбанизации в западной социологии (теоретико–методологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2005. С. 5.

² Рой О.М. Основы градостроительства и территориального планирования: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018. 233 с.

³ Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике. М., 2017. 424 с.

⁴ Вильковский, М. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.

⁵ Curtis, W. I. R. Modern architecture since 1900. New York: Press NYT, 2001. P.415.

заставляет архитекторов планировать здания подобно метрополитену. Другую крайность формы существования города можно представить Прагу. Ширина улиц, пассажная система крупных общественных зданий, традиционализм градостроительной застройки определяет темп города и пеший масштаб (для современного человека). В ходе натурного изучения, представляется возможным установить, что средневековые границы, определенные фортификационными сооружениями, наложили отпечаток на схему застройки.

Исторический или «новый» города имеют возможность развиваться и расширять масштаб своей застройки. Необходимо рассматривать не экономический особенности, а функциональные возможности. Словосочетание «устойчивость функционирования» используется в безопасности по отношению к объекту экономики. Однако, если расширить фокус рассмотрения, то станет возможным говорить о благополучии не отдельного учреждения, а городской системы. Программа ООН «Мой город готовится»¹ является первой попыткой консолидировать муниципальные власти вокруг узкой задачи снижения рисков бедствий. Рациональное расположение жилой застройки, опасных и сложных инженерных сооружений, равномерное распределение коммуникационной инфраструктуры, развитая логистика не должны рассматриваться как только вопросы, связанные с обеспечением безопасности городов и экономического благополучия. Назрел вопрос создание подобной программы для сохранения культуры и самобытности населения. Например, закоренелый вопрос о сохранении памятника архитектуры в центре города. Не вдаваясь в особенности реконструкционных технологий, реставрационных практик и нормативно-правовых требований, вопрос стоит остро для городов с плотной исторической застройкой. Памятник архитектуры можно рассматривать как объект недвижимости, как «музейный экспонат», как декорация, как исторический артефакт. При каждом повороте вопроса возникают проблемы о сохранении того или иного характера. Жильцы будут перестраивать планировку, требовать развитие социальной инфраструктуры прилегающей территории. Коммерческая недвижимость должна приносить доход, а поэтому полная музеефикация невозможна. Консервация и передача под учреждение культуры, также вариант фатальный с точки зрения вкладывания достаточных средств в поддержание технического состояния.

Городская застройка, в том числе историческая, должна сопровождаться градостроительным решением, оправданное исторически. Создание «нового города», сохраняя «старый» приводит к уничтожению идентичности самого города. Альтернативность приводит к рассеиванию и дезорганизации. Кроме определенного набора современной жизни город нуждается в создании артефактов. Современное здание через 40 лет может стать памятником архитектуры, но особенность этого объекта должна быть «естественной» (т.е. свойственная настоящему). Райт смог создать городскую логистику внутри архитектурного объекты, так, что на протяжении всего срока эксплуатации пространства изменяли незначительно, т.е. оно осталось востребованным в таком виде.

Изучение исторических городов² должно оставаться классическим, с определением характеристик, анализом идентичности горожан и архитектурными особенностями. С другой стороны, следует найти ответы на вопрос: почему сохранялись градостроительные принципы, отдельные архитектурные объекты. Точки роста и точки «стагнации», обозначенные на карте в определенный отрезок времени, выявят административно-общественный центр. Функция развития города не в полной мере поддерживается расширением масштаба и сдвижением городской линии. В заключении необходимо подчеркнуть, что представленная теоретизация градостроительных процессов как отражение исторических событий является первым этапом выстраивания собственной «антропологии» города.

¹ Программа ООН «Мой город готовится» URL: https://www.unisdr.org/files/14043_230CampaignkitRU1.pdf (дата обращения 25.02.2018)

² Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 312с.

УДК 93(093)(470.56)
ББК 63.2 (235.55)
К 93

КРЕСТЬЯНЕ В ГОРОДЕ: ИСТОЧНИКИ ПО ПОВСЕДНЕВНОСТИ КРЕСТЬЯН В ОРЕНБУРГЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

Ю.О. Куренкова
Оренбургский государственный
педагогический университет
klementina57@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые типы исторических источников, дающие информацию о жизни крестьян в городе Оренбурге второй половины XIX – первой четверти XX веков. Выявлены особенности опубликованных и неопубликованных (архивных источников). Обозначены отличия источников дореволюционного и советского периодов. Отражена специфика содержания информации по истории повседневности крестьян в городе Оренбурге. Сделан вывод о перспективах изучения темы.

Ключевые слова: крестьянство, городское население, исторические источники, повседневность, город Оренбург, пореформенный период, советский период.

PEASANTS IN THE CITY: SOURCES FOR THE DAILY OF PEASANTS IN ORENBURG OF THE SECOND HALF OF THE XIX – FIRST QUARTER OF XX CENTURIES

Yuliya O. Kurenkova
Orenburg State Pedagogical University
klementina57@rambler.ru

Abstract. The article analyzes some types of historical sources that give information about the life of peasants in the city of Orenburg in the second half of the XIX - first quarter of the 20th centuries. The features of published and unpublished (archival sources) are revealed. Differences in the sources of the pre-revolutionary and Soviet periods are indicated. The specificity of the content of information on the history of the daily life of peasants in the city of Orenburg is reflected. A conclusion is drawn on the prospects for studying the topic.

Key words: peasantry, urban population, historical sources, daily life, the city of Orenburg, the post-reform Russia, the Soviet period.

Город и деревня нередко воспринимаются как антагонисты, однако так или иначе все города созданы сельскими жителями. Участие крестьянского сословия России в создании городов разнообразно. Тема перехода из сельских жителей в городские до сих пор актуальна в нашей стране, несмотря на полувековое преобладание горожан. Интересна она и с социологической, и с экономической, и с исторической точек зрения.

Оренбург – уникальный город в этом плане, история возникновения и развития, его современное состояние раскрывают сложные социально-исторические процессы, проходившие в нашей стране в XIX – XX веках. В то же время, история города как таковая является самостоятельной историей актуальной и недостаточно изученной, несмотря на большое количество краеведческих и региональных работ.

Изначально Оренбург был городом-крепостью, и военный фактор практически до конца XIX века многое определял в его жизни. Однако помимо военных в городе постоянно были представители разных сословий: казаки, дворяне, духовенство, крестьяне, мещане.

Социальная структура населения была весьма разнообразна, учитывая и географический, и этнический, и событийно-исторический факторы.

До сих пор мало изучена повседневная жизнь города Оренбурга. Связано это с разными обстоятельствами. В XX веке в советский период методология исторического познания не предполагала глубокого погружения в эту тему, хотя в ряде краеведческих работ описывался быт города¹. Сейчас интерес к теме повседневности возрос, однако для профессиональных историков существует значимая проблема поиска и обработки источников².

Полноценная городская жизнь началась в XIX веке. Оренбург был центром огромного края, крупным торговым городом, контактирующим с Азией, это не могло не определить отличия его городской жизни от жизни городов и европейской части России и населенных пунктов, находящихся за Уральским хребтом. Подавляющая часть населения здесь пришлая, процесс образования города шел и целенаправленно, и стихийно. Представители крестьянского сословия обитали здесь уже с XVII-XVIII веков, это были и беглые крестьяне и постепенно направляемые сюда государственные и отчасти крепостные, переведённые «во вновь заведённые» деревни военными, получившие земельные угодья в Оренбургском крае. Со временем образовалось местное оседлое земледельческое население, и хотя она проживало на просторах губернии, с развитием городской жизни в XIX веке, особенно в пореформенный период, мобильность крестьян увеличилась, и они стали крупным источником пополнения горожан.

В то же время, крестьяне не воспринимались как горожане в силу сословных ограничений в том числе. Ситуация стала постепенно меняться в начале XX века, а после 1917 года особенно. Вызревающая урбанизация была подстегнута советской властью, особенно в период индустриализации, но до этого в переходный период нэпа Оренбург трансформировался как город. Движение населения в XX веке происходило и от экстраординарных факторов – революции, мировой войны, голода. Примечателен факт, что в начале XX века Оренбург согласно переписи населения 1897 г. по численности населения занимал 29 место среди городов Российской империи (72 400 тыс. жит.), значительно опережая города, которые когда-то даже входили в состав Оренбургского края (губернии) – Уфу, Челябинск. Из близлежащих городов только Самара была больше (24 место)³. Однако в советский период ситуация значительно изменилась по численности не в пользу Оренбурга, особенно во второй половине XX века, когда означенные города перешагнули миллионный порог, а Оренбург сохранялся в около полумиллионных пределах. Вполне объективные обстоятельства определили эту ситуацию, но не последнюю роль сыграл факт, что губерния (область) были аграрными, с разреженным населением. Крестьянство, являясь самой крупной социальной группой края, не испытывало постоянной необходимости переезжать в город. Для первой четверти XX века было особое обстоятельство, затормозившее этот процесс – голод 1921-22 гг.

Исходя из вышесказанного, представляется весьма интересным изучить «крестьянский след» в истории Оренбурга, тем более что подобная исследовательская задача практически не ставилась местными историками. Примечательно, что источниковая база темы неравномерна и сложна, причем в определенном смысле по дореволюционному периоду она представлена хуже, чем по советскому. С одной стороны, в дореволюционном периоде есть массовые

¹ [Альтов В.Г. Города Оренбургской области](#). Челябинск, Южно-Уральское кн. изд-во, 1974. 254 с. Дорофеев В.В. Над Уралом рекой: о городе Оренбурге. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1988. 269 с. [Орденосное Оренбуржье](#) / Сост. Мячин Н. И. Челябинск. Южно-Уральское кн. изд., 1968. 392 с. Справочник: Улицы Оренбурга / Под ред. Ю. Д. Гаранькина, Челябинск, 1983.

² Бурлуцкая Е.В. Семейная повседневность женщин купеческого сословия в пореформенной России: историография проблемы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 78-89. Колесникова В.А. Провинциальная культура Оренбурга второй половины XIX - начала XX века / В. А. Колесникова; Оренбург. гос. аграр. ун-т. Оренбург : Изд. Центр ОГАУ, 2002. 119 с.

³ Города России: энциклопедия / Гл. ред. Г. М. Лаппо. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 559 с.

упорядоченные и хорошо сохранившиеся источники, которые могут дать информацию по жизни крестьян в городе. Например, метрические книги, статистические отчеты административных и иных органов, труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Но крестьянство было низким сословием, поэтому в архивных документах нередко о нем сообщается весьма скудно, как о податном сословии, либо о случаях его девиантного поведения. Например, при осмотре описей фондов полиции, жандармского управления регулярные упоминания о правонарушениях крестьян в городе начинают встречаться не ранее 1890-х гг. То же можно сказать и о гражданских процессах, хотя большую часть составляли государственные крестьяне, считавшиеся лично свободными, их иски и представительство в суде отражаются в документах только самого конца XIX в¹.

Метрические книги городских церквей дают определенную информацию о количестве крестьян в городе, об их происхождении, о брачно-семейных отношениях.

В статистических сборниках, справочных изданиях, опубликованных в конце XIX - начале XX века присутствует обобщенная информация, в том числе, по населенным пунктам губернии и самому Оренбургу². Здесь можно найти информацию о движении населения, этнографические и бытовые описания, описания работы ряда учреждений, все это косвенно и, порой, неожиданно может касаться и крестьянской составляющей в городской жизни.

Более информативными по повседневной жизни и пребыванию крестьян в городе вообще могут быть источники личного происхождения представителей других сословий, так или иначе сталкивающихся с крестьянами в городе, этнографические и иные описания губернии, местные периодические издания.

Особенно интересна первая частная газета Оренбурга «Оренбургский листок», первый номер которой вышел 1 января 1876 года. Структура содержания газеты была следующая: «1) статьи, касающиеся изучения местного края в историческом, статистическом, этнографическом и торгово-промышленном отношении; 2) хроника или местная летопись: известия о происшествиях местных, разные сообщения и опубликованные правительственные распоряжения, касающиеся общественной жизни Оренбурга и Оренбургского края; 3) фельетон: очерки местных нравов и разные другие мелкие беллетристические статьи в прозе и стихах; 4) разного рода объявления и справочные сведения по частям (торговой, промышленной, железнодорожной и т.п.); календарные сведения, а также метеорологический бюллетень»³. Из газеты можно почерпнуть достаточно много информации о городской жизни, в том числе по повседневности разных социальных групп (сословий). Особенно часто встречается информация по досуговой и трудовой деятельности. О жизни крестьян в городе информации немного, но примечателен факт, что одним из авторов газеты был крестьянский журналист А. Кузнецов, публиковавший очерки из жизни оренбургских сел и деревень⁴. Эти сведения пополняют некоторые представления о возможностях переезда крестьян в город и жизни в нем.

В дореволюционный период были написаны работы, так или иначе, описывающие повседневность Оренбурга, но в них не ставились обычно исследовательские задачи. Это публикации Столпянского П.А., Алекторова А.Е., Лобысевича Ф.И., Райского П.Д. они являются источниками, достаточно подробно освещающими жизнь города с разных сторон⁵.

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 21. Оренбургское губернское жандармское управление. Ф. 55. Оренбургская палата уголовного и гражданского суда. Ф. 200. Оп. 1. Старший нотариус Оренбургского окружного суда.

² Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Оренбургской губернии за 1862 — 1893 гг. Оренбург, 1895. Исторический очерк народного образования в существовании (1875 - 1899 гг.). Оренбург, 1901. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии. Вып.1. Оренбург, 1877.

³ Труды Оренбургской ученой комиссии. Вып. 12. Оренбург, 1903. С. 68.

⁴ Старых А.В. «Оренбургский листок» – первая частная газета Оренбургского края: темы, жанры, авторы, аудитория // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009, №1. С. 186.

⁵ Столпянский П.А. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908; Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883; Город Оренбург: Ист.-стат. очерк / Сост. Ф.И. Лобысевич. СПб.: тип. Э. Гоппе, 1878; Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 1915.

В большей степени в них содержится информация, касающаяся жизни дворян, военных, мещан, купцов, но встречаются и факты о крестьянской жизни. Нередко они не относятся именно к повседневности, а характеризуют экстраординарные моменты жизни крестьян в городе, с другой стороны, эта информация помогает выявить и возможные рутинные практики жизни крестьян в городе Оренбурге.

С установлением советской власти жизнь в городе стала постепенно меняться. Специфические условия Гражданской войны, то обстоятельство, что Оренбург недолгое время был столицей КАССР, повлияли на городское население и его движение. Хотя сословия были отменены, но термин «крестьяне» еще достаточно долго использовался новой властью, и эта социальная группа продолжала быть самой многочисленной в губернии (округе). 1920-е годы были очень насыщенными на различные социальные события, однако целенаправленной политики, связанной с городом и его жизнью еще не было, но из советской истории мы знаем, что уже с конца 1920-х гг. в СССР велась урбанистическая политика.

Заметна значительная разница в источниках, касающихся городской жизни между XIX и XX веками, увеличивается их количество, информация становится более разнообразной. Существует достаточно большой массив опубликованных источников – отчеты о работе Оренбургского городского Совета РКД, которые дают сведения об изменениях городской жизни, в том числе его социальной составляющей. Здесь мы находим статистическую информацию, отражающую пополнение городского населения крестьянами, есть сведения о решении жилищного вопроса в связи с этим.

Факты, освещающие повседневность жителей города, можно найти в своеобразных путеводителях и справочниках по Оренбургу советского периода. Например, в работе Большакова А. «Советский Оренбург» или «Весь Оренбург на 1926 год»¹. Отчасти они похожи на дореволюционные путеводители, но есть в них и много нового и в структуре, и в содержании. Такие издания нередко были регулярными, издавались ежегодно или через определенные периоды.

Некоторые специфические отраслевые работы того периода по образованию, здравоохранению, быту так же предоставляют информацию по повседневной жизни горожан, и обозначение крестьянского происхождения жителей города в них присутствует и в 1930-е гг.²

Наиболее информативным периодическим изданием является газета «Смычка», выходящая в 1920-е гг. Она была достаточно популярна в городе, хотя были периоды, когда газету специально «раскручивали» для развития процесса слияния горда и деревни. На страницах газеты мы находим описание и экстраординарных и вполне обычных явлений, и событий из жизни города, и деревни, в том числе повседневные истории крестьян, ставших горожанами. Существуют определенные трудности в систематизации и классификации фактов из периодики применительно к повседневной истории крестьян в Оренбурге. Тем не менее, значимость этого источника велика.

Неопубликованные (архивные) источники советского периода многочисленны, но для освещения обозначенной темы они требуют тщательного отбора. Во-первых, крестьянский вопрос в широком смысле в разных сферах был актуален в 1920-е гг., применительно к присутствию крестьян в городе уже наблюдается значительная социальная трансформация и важно определить границы и содержание использования термина «крестьяне» в документах. Во-вторых, возникает необходимость понимания самоидентификации горожан, насколько те, кто происходил из крестьян, живя в городе, ощущали себя таковыми. Это серьезные исследовательские задачи, которые не ставились при изучении истории Оренбурга, что дает

¹ Большаков А. Советский Оренбург. Оренбург: Киргизское Государственное Издательство, 1924; Весь Оренбург на 1926 год. Оренбург: Изд-во Орен. Губ. Деткомиссии, 1926.

² Гуткин А.Я. Венеризм и проституция и меры борьбы с ними в условиях современности. Оренбург: Губ. Отдел. Здравоохранения, 1923; Праздник Первого мая. М.: «Труд и книга», 1925; Каменев Л. Советская власть и крестьянство: Доклад III Всесоюзному съезду советов. М.: Госиздат, 1925.

современным ученым большие возможности новаторского подхода и раскрывает перспективы научного поиска.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОРОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ¹

Н.С. Мысляева
Стерлитамакский филиал
Башкирский государственный университет
myslyaeva23@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется деятельность уфимского земства в социальной сфере. Автор приходит к выводу, что земские органы активно занимались благоустройством городов, наблюдением за ветеринарно-санитарным состоянием территории губернии, упорядочиванием ярмарочной торговли. Благодаря усилиям уфимского земства были учреждены в уездных городах Уфимской губернии Российской империи реальные училища, женские гимназии, а также открыты Златоустовское среднетехническое училище, земская фельдшерско-акушерская школа, сельские женские и мужские прогимназии.

Ключевые слова: Уфимская губерния, земские органы самоуправления, деятельность, благоустройство, города, училища.

ACTIVITY OF ZEMENSKY INSTITUTIONS IN THE CITIES OF UFIMSKY GUBERNIA IN THE SOCIAL SPHERE

Natalia S. Myslyaeva
Sterlitamak branch
Bashkir State University
myslyaeva23@gmail.com

Abstract. The article analyzes the activity of the Ufa zemstvo in the social sphere. The author comes to the conclusion that the «zemsky» bodies were actively engaged in improving cities, monitoring the veterinary and sanitary state of the province, ordering yoke trade. Thanks to the efforts of the «Ufa Zemstvos», real schools, women's gymnasiums were established in the county towns of the Ufa province of the Russian Empire, as well as the Zlatoust secondary technical school, the «Zemstvo» paramedic and midwifery school, rural women's and men's progymnasiums.

Key words: Ufa province, «zemsky» self-government bodies, activity, improvement, cities, schools.

В.И. Ленин писал, что «Земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления». Однако факты свидетельствуют о несостоятельности этого выражения, а время раскрыло глаза на то, чего видеть в эпоху строительства коммунизма не хотелось. При всех имеющихся недостатках земские учреждения сумели поднять немало участков, связанных с благосостоянием людей, и тем сослужили огромную службу населению России. Массовость потребления социальных услуг, многочисленность просветительных, медико-санитарных учреждений, объем оперативно-управленческих задач, связанных с их деятельностью, существенно ограничили возможность централизованного управления сферой социального обслуживания. Просвещение, здравоохранение и другие социальные службы земства затрагивали жизненные интересы широких слоев населения, а в соответствии земских служащих.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 18-130

Управленческое назначение Уфимского земства, которое было введено в 1875 г., реализовывалось в его функциях, которые можно определить как объективно обусловленные и закрепленные в нормативных актах направления деятельности этого органа. Они наиболее полно отражали роль земства в различных сферах общественных отношений и выражали его существенность и реальную роль, которые оно играло в решении основных вопросов жизнедеятельности губернии¹.

Крупнейшими участками экономической активности земств в городах были коммунально-бытовые службы и благоустройство городов. Сюда входило наблюдение за ветеринарно-санитарным состоянием территории губернии, надзор за устройством и содержанием кузниц, боен, кожевенных заводов, складом шерсти, промышленных и торговых заведений. Данные отрасли затрагивали интересы широких слоев населения. Сравнительно малая их доходность при необходимости значительных капиталовложений в инженерно-технические сооружения отпугивала от них частный капитал. К тому же частный сектор не мог обеспечить необходимый уровень координации в управлении различными коммунально-бытовыми службами.

В ведении губернского земства с 1886 г. находилось особое эпидемическое бюро (с 1909 г. – санитарное). Оно добилося того, что с 1897 г. земство стало ассигновывать средства на улучшение водоснабжения, а с 1910 г. получил развитие систематический контроль, за водоснабжением губернии в целях планомерного его улучшения. В 1913 г. земство стало приглашать особый гидротехнический персонал для практических работ по улучшению водоснабжения в селениях. Одним из ведущих промыслов Уфимской губернии являлся кумысный, и с 1911 года начался постоянный контроль за его санитарным состоянием².

Земство также содержало два торговых тракта: Оренбургский, соединяющий города Оренбург-Стерлитамак-Уфа; а также Елабужский, соединяющий Уфу с Бирском и Мензелинск с Елабугой. Оба эти тракта были шоссированы, и имели множество технических сооружений. Более того, земские деятели выдвигали перспективные проекты сооружения новых железнодорожных линий, рассчитанных на соединение Уфимской губернии с сопредельными регионами, а также на соединение уездов в самой Уфимской губернии. Видную роль в этом играл известный земский деятель и статистик С.Н. Велецкий, а также гласный Ш.Ш. Сыртланов. Большинство проектов выдвигалось губернским земством в конце XIX века, когда вопрос о дальнейшем расширении железнодорожной сети стал особенно актуальным. Но почти все эти проекты, кроме проекта соединения Уральской Сибирской железных дорог, не были реализованы. Это было связано прежде всего с отсутствием в необходимых размерах капиталов на строительство.

Уфимское земство в своей деятельности стремилось опереться на поддержку губернатора. В одном из многочисленных обращений к губернскому начальнику (1912 г.) говорилось: «Отсутствие железных дорог в Уфимской губернии грозит привести ее к полному экономическому упадку, тревожные признаки которого уже налицо. Всякое стихийное бедствие, вроде неурожая, оказывается губительным для населения, всецело занятого земледельческим трудом и не имеющего возможности приложить силы в торговле и промышленности, ибо главное условие последних – это надлежащее оборудование на высоте современной техники, строящее пути сообщения». Эти адреса находили сочувствие со стороны уфимских губернаторов, но даже им не под силу было изменить положение вещей из-за позиции министра финансов, так как стоимость такого проекта по подсчетам земских статистиков обошлась бы в 30 млн. рублей. Представитель губернского земства, Стерлитамакский городской голова К.Д. Ростовцев добился Высочайшей аудиенции 3 апреля 1913 г., и императору «благоугодно было выразить Всемилостивейшее одобрение» проекту новой железной дороги Оренбург-Уфа до Кунгура или до Перми. О том же проекте ходатайствовал уфимский губернатор П.П. Башилов, вызванный по этому делу в Санкт-Петербург. Было принято распоряжение о строительстве железной дороги Оренбург-Уфа,

¹ Барабашев Г.В. Местное самоуправление. М.: Изд-во МГУ, 1996. С.205.

² Герасимов В.Ф. Очерк деятельности Уфимского губернского земства. Уфа, 1914. С.15.

прокладке от одного из пунктов главной линии Волго-Бугульминской железной дороги до Мензелинска. Этому замыслу так и не суждено было сбыться, так как строительство должно было начаться в августе 1914 г., а, как известно, 1 августа 1914 г. Россия вступила в первую мировую войну.

Экономические функции земства не ограничивались непосредственной хозяйственной деятельностью. Земство оказывало определенное влияние на частный сектор экономики, используя различные административные и финансовые средства регулирования. Формами регулирующего воздействия уфимского земства на частный сектор местного хозяйства были прямое административное распорядительство, контроль, финансовое стимулирование частного предпринимательства, причем земское регулирование экономической жизни губернии постепенно принимало все более систематический характер.

Распорядительным видом такого регулирования была выдача лицензией на открытие и эксплуатацию торговых заведений на занятие определенными промыслами. Земство уделяло большое внимание содействию кустарной промышленности и предоставлению населению дешевого кредита¹. Уфимское земство немало усилий вкладывало в развитие торговли в губернии. Прежде всего, это касалось ярмарочной торговли. Для упорядочивания сельской ярмарочной и базарной торговли губернское земство обязало уездные управы при ходатайстве об открытии ярмарок подавать в губернскую управу сведения о ярмарках, предметах торговли, степени необходимости ярмарки для местного населения. Губернское земство контролировало режим работы ярмарок, обеспечение санитарных условий торговли, количество пищевых продуктов, таксы базарных и ярмарочных сборов.

Земская практика выработала оригинальную систему народного образования. Земским учреждениям принадлежит заслуга создания основ начальной школы в России. При введении аппарата земств в губернии на первом же губернском собрании был поднят вопрос о поддержке существующих школ и об открытии новых, но этому препятствовали, по словам директора Уфимской мужской гимназии В.Г. Панова, «недостаточность средств, затруднения в приискании хорошо подготовленных учителей и недостаток наблюдения за школами». Поэтому им было предложено ходатайствовать перед правительством об открытии за счет казны Уфимской губернии учительской семинарии и особой дирекции училищ. На этом же собрании земство приняло на себя обязательство вносить по содержанию уфимской Мариинской женской гимназии по 1 тыс. рублей в год².

За период с 1875 по 1878 гг. на каждом губернском собрании постоянно ставились вопросы о подготовке учительского персонала, о пособиях казенным учебным заведениям, о складе книг и учебных пособий. Также поднимались вопросы об участии губернского земства в деле постройки школьных зданий, об открытии при губернской больнице фельдшерской школы, об учреждении должностей земских инспекторов, о пособии на устройство народных чтений, о подчинении башкирских школ ведению училищных советов.

В 1883 г. гласный Мухамедияр Султанов (от Мензелинского уезда) заявил о необходимости учреждения при Уфимской мужской гимназии пяти стипендий для мусульман Уфимской губернии. Гласный от этого же уезда Михаил Останков предложил увеличить расходы на образование, а в 1888 г. - поручить губернской управе разработать вопрос об открытии в Уфимской губернии сельскохозяйственной школы.

Идея о создании таких школ возникла еще в начале 70-х гг. XIX в. и оправдала себя в ряде российских губерний, поэтому предложение гласного М. Останкова было одобрено, и в 1889 г. управа предложила, воздержавшись от учреждения собственной сельскохозяйственной школы, удовлетворить ходатайство Мензелинского земства о пособии сельскохозяйственной школе. Кроме этого, 9-е очередное губернское земское собрание постановило откомандировать стипендиатов-выпускников Благовещенской учительской семинарии и в г. Красноуфимск для изучения опыта преподавания сельскохозяйственных дисциплин в

¹ НА РБ. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 3. Л.3.

² Мысляева Н.С. Земские учреждения Уфимской губернии: образование, организационно-правовая основа, деятельность. Уфа: РИО БашГУ, 2015. 214 с.

реальном и коммерческом училищах. Тогда же был поставлен вопрос об открытии в Уфе реального училища.

В 1891 г. губернское земство учредило 6 стипендий при сельскохозяйственной школе Мензелинского уездного земства, а в 1893 г. открыло новую сельскохозяйственную школу в Белебее. На фоне общего увлечения земств школьными садами, огородами и пасеками были учреждены сельскохозяйственные курсы для учителей в городах Бирске и Мензелинске. В 1892 г. была установлена обязанность службы для стипендиатов и в целях подготовки женского учительского персонала при уфимской женской гимназии создается 12 стипендиатских мест. В 1898 г. по положению гласного Кутлумухамеда Тевкелева было решено ходатайствовать об учреждении 2-ой татарской учительской школы, открытие которого состоялось в 1909 г. в г. Уфе.

В 1897 г. на одном из заседаний губернского земского собрания гласные внесли особую записку, в которой авторы, сравнивая положение народного просвещения в России с его положением в цивилизованных странах и, в частности, разбирая положение для этой области в Уфимской губернии, пришли к выводу: земство должно принимать более активное участие в этом деле. А так как необходимыми средствами для этого из-за целого ряда неурожайных годов губернское земство не обладало, составители записки предлагали возбудить ходатайство о правительственной ссуде в 200 тысяч руб. на разрешение насущнейших нужд народного образования. Необходимо отметить, что эта записка так и не была принята к исполнению, но если подводить итоги работы земства за этот период, то можно констатировать следующее: за данный отрезок времени затраты на образование увеличились в три раза.

В 1900 г. Министерство народного просвещения предложило земствам России субсидию на содержание школ с условием их отказа от права выбора и утверждения кандидатов на учительские места. Но ни одного из земств, в том числе и Уфимское, на эту «льготу» не согласилось. К тому же, в уездных и губернском училищных советах большинство составляли выборные от земств. Таким образом, подбор кандидатов и утверждение в должности учителей полностью оказались в руках земства.

В течение этого периода обстоятельные доклады об участии губернского земства в деле народного образования пять раз представлялись собранию: в 1901, 1902, 1904, 1907 и 1908 гг. в 1900 г. в первый раз после отчета губернского училищного совета в 1878 г. (т.е. через 22 года) губернскому собранию была представлена картина положения народного образования в губернии, и не только школьного, но и внешкольного¹.

Летом 1902 г. в Уфе были открыты первые краткосрочные учительские курсы, открыт губернский земский книжный склад тогда же при губернской управе была образована и школьная комиссия. Последнее событие большой победой губернского земств, так как неблагоприятное отношение центральной власти в деятельности земств в области образования вызвало к жизни столь же неблагоприятное отношение к ней и местных властей. Так, например, созданию постоянной школьной комиссии при губернской земской управе противился уфимский губернатор, который считал чрезмерным оживление общественного участия в делах земской школы.

Наиболее крупными результатами деятельности губернского земства за этот отрезок времени являются: учреждение в уездных городах губернии реальных училищ и женских гимназий; открытие Златоустовского среднетехнического училища, земской фельдшерско-акушерской школы, двух сельских женских и Златоустовской мужской прогимназии; основание текущей школьной статистики².

В 1913 г. губернский школьный отдел выработал план мероприятий по внешкольному образованию. Сметные ассигнования в эту отрасль земского дела увеличились в 1914 г. до 322,5 тысяч рублей, что поставило Уфимское земство на одно из первых мест в России по этому вопросу. Уфимскому земству принадлежит почин практического осуществления

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 41. Л. 1-2.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 41. Л. 1-2.

вопроса организации земского товарищества по изданию и продаже книг и учебников. Успехи на этом поприще были столь весомы, что общеземский съезд, собирающийся в Москве, провел в мае 1913 г. в Уфе совещание предпринимателей земств, где было создано товарищество общеземского книгоиздательства. Итак, несмотря на жесткую регламентацию деятельности земства, ему удалось определить основные принципы народной земской школы, заложить основы развивающего и воспитывающего обучения. Уездные земства проявляли постоянную заботу о количественном росте всех типов школ: министерских, церковных, сельских (народных).

В конце XIX в. из общего числа начальных школ в Уфимской губернии 25% принадлежали министерству просвещения, 42 % – земству, 33 % – церковному ведомству. Этот факт доказывает то, что земства играли ведущую роль в развитии народного просвещения – население отдавало предпочтение земским школам и их количество продолжало расти. Следует отметить, что школьная статистика в Уфимской губернии возникла после обследования начальных школ губернии в 1900 г. С 1908 г. была организована текущая школьная статистика, материалы которой ежегодно публиковались. Благодаря этим сведениям мы можем проследить, как земство заботилось об устройстве начальных школ по уездам и в губернии в целом.

Таким образом, на постройку школьных зданий земством было выделено в 1914 г. в 41,3 раза больше, чем в 1908 г. «Новые здания, устраиваемые земством по плану, утвержденному министерством, являются действительно украшением сел и наградою учащимся. Здесь свету, воздуху, удобства вдоволь», – писалось в отчете отделу народного образования по Златоустовскому уезду.

УФИМСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.¹

О.С. Павлова
Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета
oksana.s.pavlova@mail.ru

Аннотация: В заявленной статье на примере Уфимской духовной семинарии рассмотрены основные тенденции развития системы духовного образования в России в конце XIX – начале XX вв. Автором изучены причины и исторические условия принятия нового Устава семинарий в середине 1880-х годов, а также проекты реформирования данного типа учебных заведений в начале XX века. Изучение материалов делопроизводства И-112 (Уфимская духовная семинария) фонда Национального архива Республики Башкортостан, посвященных учащимся Уфимской духовной семинарии, позволило определить ключевые аспекты исследования учебной, воспитательной и иных сторон жизни уфимских семинаристов, причины их участия в революционных кружках и организациях и т.д.

Ключевые слова: духовенство, Уфимская духовная семинария, сословие, реформа, устав.

THE UFA THEOLOGICAL SEMINARY IN THE PERIOD OF SOCIO-POLITICAL UPHEAVAL OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES

Oksana S. Pavlova,
Sterlitamak branch
Bashkir State University
oksana.s.pavlova@mail.ru

Abstract. In the article on the example of the Ufa theological Seminary considers the main trends in the development of the system of spiritual education in Russia in the late XIX – early XX centuries the Author examines the causes and historical conditions of adoption of the new bylaws of the Seminary in the mid-1880s years of the reform projects of this type of educational institutions in the early twentieth century. The study of the materials of the proceedings of the I-112 (Ufa theological Seminary) Fund Of the national archive of the Republic of Bashkortostan, devoted to students of the Ufa theological Seminary, allowed to determine the key aspects of the study of educational and other aspects of the life of the Ufa seminarians, the reasons for their participation in revolutionary circles and organizations, etc.

Key words: clergy, Ufa theological Seminary, estate, reform, Charter.

Система духовного образования в России во второй половине XIX – начале XX вв. была одной из важных составляющих нравственного и культурного развития общества. Духовенство всех вероисповеданий к концу XIX века было одним из самых грамотных сословий. Однако свидетельства источников и подтверждающие их исследования отмечают тот факт, что к концу века отмечено сокращение численности данного сословия и падение престижа духовного образования в России. На наш взгляд, важным аспектом, позволяющим выяснить причины такого положения дел является изучение динамики повседневного уклада жизни учащихся духовных учебных заведений. В данном контексте исследовательский

¹ Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 18-123

интерес представляет изучение данного вопроса на примере Уфимской духовной семинарии. Изучение этого вида учебных заведений представляет несомненный интерес с точки зрения понимания причин и особенностей процесса трансформации системы сословного образования, сопровождавшегося серьезными изменениями в социальном составе учащихся, их повседневной жизни во внеурочное время, содержании учебных программ и т.д.

Реализация поставленной задачи стала возможной благодаря изучению широкого круга источников, хранящихся в фондах Национального архива Республики Башкортостан. Для темы нашего исследования особый интерес представляет Фонд И-112 (Уфимская духовная семинария), который содержит широкий круг источников, преимущественно делопроизводственного характера, изучение которых позволяет воссоздать целостную картину различных аспектов жизни учащихся и направлений деятельности Уфимской духовной семинарии в конце XIX – начале XX века.

В начале 1880-х годов в Российской империи насчитывалось 53 духовных семинарии и 183 духовных училища. Политический курс, избранный Александром III потребовал пересмотра академического устава, в том числе устава духовных училищ и семинарий. Новый Устав академий вступил в силу в 1884–1885 учебном году, а Устав семинарий – в 1885–1886 году. Согласно Уставу, семинарии и академии были открыты, как и прежде для лиц всех сословий. Высочайше утвержденным указом от 28 июля 1886 года в духовных семинариях утверждались самостоятельные штатные кафедры по преподаванию истории и обличению русского раскола и существующих в епархиях сект, сравнительного и обличительного богословия и т.д. Правительство было заинтересовано в привлечении собственных кадров к дальнейшей практике преподавания, поэтому активно этому содействовало и в нормативном плане. Так, вакансии преподавателей русского и церковно-славянского языков в первом классе училищ предлагалось замещать исключительно студентами семинарий¹.

Однако следует отметить, что отношение в обществе к новым уставам было неоднозначным. Значительное число преподавателей академий к введению нового устава отнеслось отрицательно². Больше всего нареканий вызывала отмена специализации, что не способствовало развитию научной работы. Было очевидно, что Устав 1884 года отказался от далеких перспектив и был нацелен не столько на научное образование будущего духовенства, сколько на подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала, который должен был поставлять преподавателей для духовных учебных заведений среднего и низшего звена. Были отменены публичные диспуты при присуждении ученых степеней³.

Заметно усилилась критика в адрес уставов в период работы Предсоборного Присутствия в 1905–1906 гг. Сложившаяся система воспитания не отвечала насущным задачам времени и была не способна подготовить молодежь, захваченную веяниями эпохи, к предстоящему священническому служению. Помимо собственно воспитания учителя семинарий оказывались несостоятельными даже перед дидактическими задачами. Так, в специальном отношении Уфимской духовной консистории, направленном в Уфимскую духовную семинарию по результатам отчетов ревизий отмечалось, что учащиеся слабо знакомы с церковным уставом, молитвами и песнопениями и даже с славяно-церковным языком; также подчеркивалось, что встречаются случаи уклонения учащихся от богослужения или не благоговейное стояние при оном⁴.

Также одной из причин падения престижа духовного образования стало распространение революционных идей, которое сопровождалось активным вовлечением учащихся семинарий, гимназий и университетов в общественно-политическую жизнь страны,

¹ Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 576-578.

² Филиппов, Ю. Революционное движение и Духовные школы России в конце XIX — начале XX веков / Ю. Филиппов. - Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/put/060411150717.htm>

³ Смолич, И.К. История русской православной церкви. 1700 – 1917. / И.К. Смолич. В 2 Ч. Ч 1. М., 1996. С. 469.

⁴ НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-112. Оп. 1. Д. 16. Лл. 21-22.

особенно в 1905–1907 гг. Согласно свидетельствам докладной записки в Педагогическое собрание правления Уфимской духовной семинарии Архимандрита Андроника от 1905 года, отмечалось следующее: «Известно по слухам, что на бывшем минувшем летом съезде воспитанников разных духовных семинарий решено было с начала сего учебного года устроить всеобщую забастовку с целью добиться коренной реформы духовной школы. По всем признакам депутатов от наших воспитанников на этом съезде не было, но предположительно переписка между семинаристами была. Между тем, с самого 2 сентября начались действительно забастовки духовных семинарий по разным городам; семинаристы предъявляли петиции и прекращали занятия впредь до удовлетворения их требований.

В октябре по всей России началось революционное движение, только что кончившееся Высочайшим манифестом от 17 октября... Все это не осталось бесследным для наших воспитанников: замечено было брожение, оживленное обсуждение событий последнего времени, семинарских забастовок и их целей. 12 октября из города до меня и до О. Инспектора дошли слухи, что наши семинаристы получили письмо от пермских семинаристов, призывающих присоединиться к их совершившейся забастовке, что и наши семинаристы думают пристать ко всеобщему движению и добиваться своего. А в тот же день о. Серафим (преподаватель) подслушал в комодной комнате верхнего коридора сходку в 12 часу, но кажется уже расходившуюся: из обрывков слов можно было судить, что дело идет о семинарских петициях и забастовках. Чтобы предупредить начинающуюся агитацию, я 13 числа после утренней молитвы сказал воспитанникам о распространяемых ими по городу слухах, чем они явно навлекают на себя неодобрение; выяснил, что реформа духовной школы на очереди, о ней рассуждают и в печати, и в духовно – школьных корпорациях, и на съездах духовенства; все это составит материал для всестороннего решения вопроса о школе на предстоящем Церковном Соборе; поэтому не дело учеников вмешиваться в такой вопрос, в котором они ровно ничего не понимают...»¹.

Однако в условиях развития революционного движения, ректору Уфимской духовной семинарии стал известен факт существования в г. Уфе тайного школьного кружка, готовившего своих членов, в числе которых были семинаристы, к революционному движению. В связи с данными обстоятельствами на собраниях неоднократно обсуждался вопрос о возможном закрытии семинарии, до момента, пока не будет проведена реформа. На одном из таких собраний с участием родителей, ректор назвал причины низких баллов обучения семинаристов и отсутствие какого – либо раскаяния по этому поводу. Он отмечал, что недостатки следует искать в организации духовной школы, а также в деятельности революционных организаций².

Шаги в решении данной проблемы правительством были предприняты в 1906 году, когда начались предварительные работы по общей церковной реформе. В связи с очередным волнением учащихся ряда семинарий, Учебный Комитет представил ректору Уфимской духовной семинарии экземпляр проекта нового устава, чтобы развеять ложные слухи³. В 1912 году, в циркуляре Учебного Комитета, адресованном правлению Уфимской духовной семинарии, отмечалось, что проект нового Устава духовных семинарий и училищ Святейшем Синодом одобрен⁴. Однако, несмотря на активное обсуждение данного проекта Устава на местном уровне, последний так и не был принят.

Таким образом, в условиях капиталистической трансформации, которая сопровождалась разрушением сословных границ российского общества, пример Уфимской духовной семинарии свидетельствует о том, что данный вид учебного заведения продолжал оставаться образовательным каналом трансляции корпоративных ценностей духовного сословия. Однако в условиях демократизации общественных отношений, ломки прежних сословно–корпоративных устоев разработка нормативных основ деятельности духовных

¹ НА РБ. Ф. И – 112. Оп. 1. Д. 46. Л. 66.

² НА РБ. Ф. И – 112. Оп. 1. Д. 46. Л. 70.

³ НА РБ. Ф. И – 112. Оп. 1. Д. 87. Л. 15.

⁴ НА РБ. Ф. И – 112. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

учебных заведений характеризовалась противоречивостью и непоследовательностью действий.

ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ РЕМЕСЛА И ПРОМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

И.С. Паришкова
Самарский социально-педагогический университет
parshikovairina030@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается историческое развитие русских традиционных промыслов и ремесел на территории Самарского края, а также их бытование в современном городском пространстве. На примере Самары анализируется процесс популяризации традиционной культуры и вовлечения в нее широких слоев населения.

Ключевые слова: традиционная культура, ремесла, промыслы, городское пространство, традиции, история, современность, декоративно-прикладное творчество.

TRADITIONAL RUSSIAN CRAFTS AND FISHINGS IN MODERN URBAN SPACE (ON THE EXAMPLE OF SAMARA)

Irina S. Parshikova
Samara Social and Pedagogical University
parshikovairina030@gmail.com

Abstract. The article considers the historical development of Russian traditional crafts and crafts in the territory of the Samara region, as well as their existence in the modern urban space. On the example of Samara, the process of popularization of traditional culture and the involvement of broad segments of the population is analyzed.

Key words: traditional culture, crafts, crafts, urban space, traditions, history, modernity, arts and crafts.

Традиционные народные ремесла и промыслы являются неотъемлемым компонентом этнической культуры: они отражают историческое прошлое этноса, традиционные хозяйственные особенности, эстетические представления. В каждом регионе России сложились свои промыслы. Некоторые из них получили широкую популярность, такие как лаковая миниатюра Палеха, хохломская и городецкая роспись, дымковская игрушка и т.д., а другие остались известны только в географическом центре своего бытования. Так традиции художественных промыслов Среднего Поволжья, в частности Самарского уезда, недостаточно изучены.

Долгое время главным специалистом по истории и этнографии Самарского края оставался Павел Александрович Преображенский. В настоящее время активно формируется научная школа самарских краеведов, которую составили преподаватели местных вузов. Этнографию русского местного населения затрагивают многие историки в своих публикациях. Среди них Т.И. Ведерникова, Э.Л. Дубман, Ю.М. Смирнов и др. Обобщающим трудом по истории Самарского краеведения стало учебное пособие Л.В. Храмова (2003 г.). Библиографом Областной научной библиотеки В.М. Бирюковым был составлен библиографический указатель источников и литературы «Этнография Самарского края», незаменимый как для специалистов, так и для людей, интересующихся этой тематикой. Большой отклик в научной среде получило также издание СОИКМ им. П.В. Алабина научно-

методических материалов «Промыслы Самарской губернии конца XIX – начала XX вв.» (Козырь, Лосева. – Самара, 2005), основанных на широком источниковом материале¹.

Самарский край не имеет кустарных промыслов, корни которых уходили бы далеко в прошлое. Его систематическое заселение началось только в XVII веке. Новые группы оседлого населения разных национальностей появлялись здесь одновременно и селились отдельно национальными поселками. Таким путем создавалась характерная для левобережья пестрота населения, которая затрудняет изучение кустарных промыслов с точки зрения распределения их по отдельным народностям².

В XVI и XVII веках основная масса ремесленников жила в городах: Казани, Свияжске, Чебоксарах, Самаре и других центрах. Это были в основном люди, переселенные правительством для обслуживания военных гарнизонов и горожан³. С XVI и особенно с XVII веков ремесло все более развивалось и в деревнях. Ремесленники, снабжая крестьян своими изделиями, получали за них деньгами или натурой (например, мукой за помол зерна). Часть полученных продуктов шла на личное потребление. Большинство сельских ремесленников на первых этапах развития ремесла в крае не порывали связи с земледелием. Позднее, не ранее XVIII века, появляются ремесленники, поставлявшие свою продукцию исключительно на рынок, порвавшие с сельским хозяйством и превратившиеся в кустарей⁴.

В XVIII веке различные ремесла получили широкое распространение во всех районах Среднего Поволжья: почти каждая деревня имела своих кожевников, сапожников, портных, красильщиков, кузнецов, плотников и других ремесленных людей⁵. Ко второй половине XIX века определился этнокультурный облик Самарского края, сложилась сеть городских и сельских поселений, а также мест бытования традиционных народных художественных промыслов. Развитие последних определялось традициями, привнесенными из районов выхода переселенцев, особенностями их жизни и хозяйствования в новых природных условиях, а также наличием сырьевой базы⁶.

Одним из самых известных и высокоразвитых традиционных промыслов Самарской губернии со второй половины XIX столетия и вплоть до начала XX века было производство пестрых тканых кушаков из тонкой шерсти на шелковой основе, существовавшее в Бузулукском уезде. Центром производства было село Максимовка (ныне Богатовского района), где изготовление кушаков вышло далеко за рамки производства для домашних нужд и превратилось в художественный промысел, продукция которого приобрела товарный характер и получила широкую известность даже за пределами края⁷.

Самарская губерния также известна своей домовою резьбой. Плотницкий промысел был распространен повсеместно, особенно в Бугурусланском (Самарская и Оренбургская области), Бузулукском (Оренбургская область), а также Бугульминском уездах. Сам город Самара и сегодня демонстрирует на старых постройках конца XIX - нач. XX вв. «деревянные кружева», мастерство резчиков по дереву. Характер резных украшений различен как по технике выполнения, так и по орнаменту.

Небольшое распространение в XIX в. в Самарской губернии получило гончарство. В статистических сборниках XIX века это объясняется отсутствием гончарной глины или

¹ Ведерникова, Т.И. Русские Самарского края: история и традиционная культура. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусств, 2007. С.10.

² Лосева, Н.Ю. Промыслы Самарской губернии конца XIX – начала XX веков. Научно-методические материалы. Издание 2-е. Самара: ГБУК «Агентство социокультурных технологий», 2016. С. 7.

³ Бусыгин, Е.П. Русское сельское население Среднего Поволжья историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – нач. XX вв.). Казань: Издательство Казанского университета, 1966. С. 141.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Там же. С. 142.

⁶ Лосева, Н.Ю. Промыслы Самарской губернии конца XIX – начала XX веков. Научно-методические материалы. Издание 2-е. Самара: ГБУК «Агентство социокультурных технологий», 2016. С. 7.

⁷ Ведерникова, Т.И. Русские Самарского края: история и традиционная культура. Самара: Самарская государственная академия культуры и искусств, 2007. С. 103.

трудностью ее добычи, так как почвы Самарской губернии в основном черноземные. Центрами гончарного производства в Самарской губернии были села Старая Майна, Новая Майна Ставропольского уезда (Ульяновская область), Сарбай (Кинель-Черкасский район) и Сосновка Бугурусланского уезда (Похвистневский район)¹.

В советское время глиняная посуда стала вытесняться металлической и стеклянной, поэтому считалось, что гончарный промысел полностью был предан забвению. Однако научно-практические экспедиции, проводимые в Самарской области, не только опровергли это мнение, но и зафиксировали ряд мест, где проживают мастера, производившие глиняную посуду в годы Великой Отечественной войны, а также после войны.

В Самарском крае было широко распространено изготовление глиняных игрушек, которые служили талисманами-оберегами. В XIX веке магическое содержание глиняных игрушек было утрачено, и они превратились в обычную детскую забаву².

В разной степени в губернии были развиты также кузнечный промысел, изготовление изделий из лыка и коры, ткачество, кружевное и бисерное плетение, вязание и другие.

В современном мире исчезают национальные особенности, поэтому изучение традиций и привнесение их в массы имеет большое значение. В настоящее время русские ремесла и промыслы не исчезли. Они продолжают свое существование, однако не имеют настолько широкого распространения, как это было раньше. Люди самостоятельно производили вещи повседневного пользования: одежду, кухонную утварь, предметы домашнего обихода и при этом применяли различные техники традиционных промыслов. В современном мире общество утратило необходимость вручную создавать какие-либо вещи, поскольку стремительное развитие получило машинное многосерийное производство. Традиционные промыслы перестали играть важную роль в жизни человека. Продукты ремесленного труда обрели декоративную сувенирную функцию. Однако этого не достаточно чтобы привлечь общество к традиционной культуре русских ремесел.

В настоящее время активную деятельность в сфере популяризации русской культуры осуществляют многие люди, которые занимаются не только изучением традиций, но и приобщением к русской культуре общества в целом. В частности, если брать во внимание Самарскую область, то можно выявить целую социальную группу, которая активно внедряется в глубокое изучение традиционной культуры, ее переосмысление, а также ретрансляцию в массы. Многие из них сконцентрировали свое внимание именно на русских традиционных промыслах и ремеслах, отобрав для себя конкретный вид деятельности и развивая его в условиях современного общества. Их умения и навыки постепенно развиваются, растет уровень способности этих людей к обучению других.

В 2014 году была учреждена работа экспертной комиссии традиционных промыслов Самарской области. За время её работы многократно было присвоено звание «Мастер декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области», а также «Организация декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области».

Мастер декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области – физическое лицо, которое изготавливает изделия определенного вида декоративно-прикладного искусства, народного промысла в соответствии с традициями и/или признанного художественного достоинства.

Организация декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области – организация любых организационно-правовых форм и форм собственности, зарегистрированные на территории Самарской области, в объеме отгруженных (подлежащих реализации путем поставки или иной продажи либо обмена) товаров собственного производства, среди которых изделия народных художественных

¹ Лосева, Н.Ю. Промыслы Самарской губернии конца XIX – начала XX веков. Научно-методические материалы. Издание 2-е. Самара: ГБУК «Агентство социокультурных технологий», 2016. С. 19.

² Там же. С. 22, 23.

промыслов, по данным федерального государственного статистического наблюдения за предыдущий год, составляют не менее 50 процентов¹.

Со временем количество мастеров в Самарской области увеличивается, растет их талант, развиваются навыки не только изготовления изделий декоративно-прикладного творчества, но и обучения какому-либо традиционному виду искусства других.

Одним из способов популяризации русских традиционных ремесел и промыслов является образовательная деятельность. В настоящее время многие школы ведут активную деятельность по приобщению молодого поколения к традиционной культуре. В рамках данной задачи свою работу осуществляют многочисленные школьные кружки, дома культуры, а также центры развития, расположенные по всей Самарской области.

Среди них можно выделить МБУК «Дом народных ремесел и декоративно-прикладного искусства» городского округа Похвистнево, который в 2015 году был удостоен звания «Организация декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области». Кроме того, многие мастера проводят занятия при школе. Среди самарских мастеров подобной деятельностью занимаются Дейс Татьяна Александровна, специалист по русскому традиционному костюму. Собственную школу создала Городецкая Лора Константиновна, мастер по изготовлению глиняной игрушки, воспитавшая ряд учеников.

Таким образом, мастера, а также люди, начинающие осваивать тот или иной вид ремесла имеют широкое поле для демонстрации своего творчества и популяризации традиционной культуры. Помимо обучающих занятий распространение ремесел и промыслов осуществляется посредством организации разнообразных мероприятий и праздников: выставки-ярмарки, городские праздники, фестивали.

Среди фестивалей можно выделить наиболее масштабные и яркие. Выставка декоративно-прикладного творчества, изобразительного искусства и традиционных ремесел в рамках губернского фестиваля «Рожденные в сердце России» осуществляет свою деятельность с 2014 года. Цель фестиваля – сохранение единого культурного пространства региона путем вовлечения в активную социокультурную деятельность широких слоев населения Самарской области².

Культурно-этнический фестиваль «Раскудесы» начал свою деятельность в 2016 году и сумел привлечь большую аудиторию. В рамках мероприятия работали три площадки, одна из которых «Город мастеров», полностью была посвящена традиционным ремеслам и промыслам, где для посетителей проводились мастер-классы.

Крупный фестиваль традиционной культуры «Жигулевская вишня» также отдельное внимание уделяет традиционным промыслам и ремеслам. Мастера не только вели образовательную деятельность в рамках мастер-классов, но ещё и проводили презентацию своего ремесла. Таким образом, был организован конкурс среди ремесленников фестиваля.

Подобных мероприятий на территории Самарской области проводится большое количество. Их задачами являются популяризация народного художественного творчества, привлечение общественности к изучению русской традиционной культуры, поддержка творческой активности работников учреждений культуры, а также воспитание бережного отношения к культурно-историческому наследию.

Таким образом, не смотря на прогрессивное развитие современного общества, существует возможность возродить интерес к истории родного края, а также приобщить людей к традиционной культуре своего народа.

¹ Распоряжение министра культуры Самарской области № 198-р от 23.04.2014 "Об утверждении положения о присвоении званий "Мастер декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области", "Организация декоративно-прикладного искусства, народных промыслов и ремесел Самарской области"

² Рожденные в сердце России. Губернский фестиваль самодеятельного народного творчества / сост. И.Н. Миронова, В.А. Лукаш, И.П. Ермакова, Я.М. Филатова, Е.В. Уренева, Г.Г. Харитоновна. Самара: АНО «Издательство СНЦ РАН», 2014. С. 4.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОМЫСЛОВЫХ КООПЕРАТИВОВ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА ЮЖНОУРАЛЬЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

А.А. Пасс
Челябинский государственный университет
pass_andrey@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется деятельность промысловых артелей Челябинской области, направленная на улучшение быта горожан во второй половине 1950-х гг. Основное внимание уделено ценообразованию, соблюдению ГОСТов и технических условий, предложению новых видов товаров и услуг, таких как автосервис, прокат различных предметов обихода, изготовление модной одежды и обуви.

Ключевые слова: СССР, 1950-е гг., промысловая кооперация, Челябинская область, городской быт, товары и услуги для населения.

ACTIVITIES OF FISHING COOPERATIVES TO IMPROVE THE LIFE OF SOUTHERN- URALS IN THE SECOND HALF OF 1950'S.

Andrei A. Pass
Chelyabinsk State University
pass_andrey@mail.ru

Abstract. This article analyzes the activity of cooperative enterprises of Chelyabinsk region, aimed at improving the life of the townspeople in the second half of 1950-ies. Focus on pricing, compliance with State standards and technical regulations, proposal of new kinds of goods and services, such as car services, rental of various items, manufacture of fashionable clothes and footwear.

Key words: USSR, 1950-ies, producers' co- operation, Chelyabinsk region, city life, goods and services for the population.

Народное хозяйство СССР в течение пяти лет после Победы вполне оправилось от ущерба, нанесенного ему в ходе Великой Отечественной войны. Наступило время, когда советской экономике суждено было пережить подлинный расцвет – 1950-е годы¹. Среди причин, позволивших в столь короткие сроки выйти на траекторию поступательного и устойчивого развития, следует указать на то, что система государственного социализма сохранила элементы многоукладности с квазирыночным содержанием. С точки зрения комплексного подхода очевидно, что наличие в ней промысловых и потребительских кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности, значительных по размерам личных подсобных хозяйств колхозников, наряду с сохранением денежных институтов и мотиваций, а также хозрасчетных (контрактных) отношений между экономическими субъектами, способствовало более эффективному использованию ресурсов и производительных сил.

В частности, к началу 1950-х гг. промкооперация страны насчитывала 12667 артелей и 1844 тыс. работников, 2 научно-исследовательских института, 22 экспериментальные лаборатории, 100 конструкторских бюро. Она выпускала 33444 наименований товаров на сумму 31, 2 млрд. руб.² В ассортимент входили разнообразные предметы домашнего обихода,

¹ Подробнее об этом см.: Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль – XXI. 2002. № 5. С. 72-89.

² Социалистическая кооперация: история и современность. М.: Наука, 1989. С. 188; Плановое хозяйство. 1951. № 4. С. 53; Промысловая кооперация. 1955. № 6. С. 6.

в том числе такие сложные, как холодильники, пылесосы, стиральные машины, а также запасные части к ним и к швейным машинам, радиоприемникам, патефонам; мебель; чугунная, эмалированная и фарфоро-фаянсовая посуда; скобяные изделия; детские игрушки; культтовары; стройматериалы; продукты питания и проч. Многие артели¹ занимались бытовым обслуживанием населения: шили и ремонтировали одежду и обувь, держали химчистки, прачечные, парикмахерские, фотоателье, осуществляли транспортные, погрузочно-разгрузочные и иные сервисные работы. Их доля в данных видах деятельности в отдельных регионах достигала 60 – 80 %².

Товарищества могли быть как специализированными, так и многопромысловыми. Инженерно-технические кадры для них готовились в Высшей школе промышленной кооперации, где в 1954 г. открылся факультет инженеров-механиков и отделение повышения квалификации руководящих работников, а в 1960 г. - аспирантура по специальностям: «Химическая технология волокнистых материалов», «Технология швейного производства», «Механическая технология древесины», «Экономика, организация и планирование производства». В 21 среднем специальном учебном заведении промкооперативной системы готовили мастеров и технологов³. Рабочие профессии можно было получить на соответствующих централизованных курсах, в кружках техминимума, в порядке индивидуального и бригадного ученичества.

Челябинский областной промышленный совет (далее ЧОПС) объединял два отраслевых подразделения – металло- и швейно-кожевенный промышленные союзы⁴, в которых состояло 58 артелей и 5891 членов. Совместными усилиями они вырабатывали товаров и услуг на сумму 159174, 3 тыс. руб.⁵ Производственные площади на 1 января 1951 г. составляли 52788 квадратных метров. В среднем, по 910 на артель. Совокупная мощность собственных электроустановок равнялась 1914, 15 л. с., а энерговооруженность в расчете на 1 рабочего 0, 47 кВт. Имелись 3 трактора, 71 автомашина (1 легковая), 255 лошадей, 25 волов. Тяговая сила применялась, в том числе, в подсобном хозяйстве. В коопхозе засеивалось около 100 га угодий, главным образом, зерновыми и картофелем, но были также овощи, технические и кормовые культуры⁶.

Кооперация инвалидов в регионе, возглавляемая председателем президиума облкоопинсоюза Матюхиным, в январе 1951 г. насчитывала 30 артелей с 3689 членами и годовой программой в 72100 тыс. руб. (фактическое выполнение 67196 тыс. руб. или 93, 2%). Она выпускала гвозди, замки, металлические кровати, мыло, кожтовары, обувь, чулочно-носочные изделия, белье, мебель, разнообразные сладости, безалкогольные напитки, оказывала услуги по химчистке, заготовке топлива, охране и проч.⁷

Наконец, в областном лесохимическом промышленном союзе (председатель правления – Сосновский) было 19 кооперативов, в которых трудилось 1324 члена. В начале 1950-х гг. лесовики производили мебель, смолу, скипидар, фанеру, мочало и другие продукты деревообработки, а также заготавливали деловую древесину для собственных нужд и на продажу. Валовой объем их продукции исчислялся цифрой 22172 тыс. руб.⁸ Вырубкой леса занимались в подавляющем большинстве женщины и подростки при полном отсутствии механизированных средств.

¹ Слово «артель» происходит от тюркского «орта» – община. См.: Артель // Энциклопедический словарь / Брокгаузь Ф. А., Ефрон И. А. Т.2. Санкт-Петербург, 1890. С. 184, 185.

² История социалистической экономики СССР. Т. 6. М., 1980. С. 489.

³ Приложения к журналу «Промысловая кооперация». 1960. № 5, 7.

⁴ Существовал еще областной разнопромысловый союз, но в июле 1951 г. его расформировали с передачей артелей двум оставшимся союзам. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 965. Оп. 5. Д. 90. Л. 121.

⁵ Подсчитано автором по: ОГАЧО. ПФ. 288. Оп. 16. Д. 308. Л. 36; Ф. 965. Оп. 5. Д. 80. Л. 213; Д. 98. Л. 177, 262; РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.

⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 15, 16.

⁷ ОГАЧО. Ф. 1318. Оп. 2. Д. 105. Л. 220, 224, 225.

⁸ ОГАЧО. Ф. 493. Оп. 1. Д. 48. Л. 6, 9, 10.

Принимая во внимание, что по уставу до 20% численного состава можно было нанимать на стороне, общее количество занятых в кооперативной промышленности Челябинской области (107 действующих артелей) на начало десятилетия определялось цифрой 13200 человек. Совокупный объем их валового производства составлял приблизительно 250 млн. руб.¹

Свыше 80 % промысловых товариществ располагалось в Челябинске и других городах области, прочие – в сельских районах. Такая конфигурация во многом объяснялась высокой степенью урбанизации Урала, занимавшего по этому показателю 2 место в России, после Центрального экономического района². Городские предприятия, более крупные и лучше оснащенные, вырабатывали девять десятых продукции системы, поскольку им было проще достать сырье, оборудование, получить техническую помощь профессионалов-экспертов. Однако и те, что находились в глубинке, имели важное социальное значение. Например, в 25-ти км от г. Юрюзани в деревне Меседа действовала лесопромысловая артель «Красноармеец», производившая смолу и пиломатериалы. Ее членами являлись почти все жители этого населенного пункта³.

Во второй половине 1950-х гг. правящая Коммунистическая партия поставила перед кооперативной промышленностью задачу кардинального улучшения бытового обслуживания населения. Сосредоточившись на этом социально значимом и очень ответственном направлении работы, промысловики оказались вынуждены преодолевать многочисленные бюрократические барьеры, препятствовавшие установлению надежной и быстрой связи между спросом и предложением. Нельзя было более мириться с чрезвычайно громоздкой и расточительно дорогой процедурой утверждения в вышестоящих органах руководства, планирования и торговли образцов, технических условий и цен на новые товары.

В инструкции от 12 июля 1954 г., одобренной Госпланом, Минторгом, Минместпромом РСФСР и Роспромсоветом устанавливалась следующая схема согласования. Первоначально проект визируется в промсоюзе, в ведении которого находилось предприятие-изготовитель. Затем он поступал в производственно-технический отдел промсовета для проверки. Оттуда документацию и само изделие отправляли в отраслевую депутатскую комиссию и отдел торговли горисполкома на экспертизу. Параллельно свое заключение о целесообразности производства данного продукта давала государственная санитарная инспекция. Если замечаний не было, то промсовет принимал изделие к производству. При этом каждая «бумажка» предоставлялась в трех экземплярах, а эталон – в двух. Последний обязательно снабжали ярлыком, где указывались: название артели, ее ведомственная принадлежность, наименование товара, его краткая характеристика, сорт, артикул, предполагаемая цена. На оборотной стороне помещались подписи руководителей организаций, утвердивших технические условия, и специальная пломба⁴.

Приведенная схема документооборота предусматривала участие не менее 5 учреждений, в значительной степени дублирующих функции друг друга, и до 50 человек административного состава. Цикл утверждения образца даже при благоприятных обстоятельствах занимал не менее 3 - 4 недель. Основным аргументом, который приводился в оправдание этой волокиты, - забота о качестве и предотвращение затоваривания торговой сети. Но названные функции с успехом выполняла государственная торговая инспекция. Только в течение II и III кварталов 1960 г. она провела 11 проверок предприятий облместпрома и промкооперации. Девять раз товар снимался с отгрузки, четырежды

¹ Для сравнения: в Москве в 1953 г. было зарегистрировано 377 артелей, объединявших 110 тыс. членов. Они выпускали промышленной продукции на 4 млрд. руб. и оказывали услуг на 700 млн. руб. А во всей Туркменской ССР действовало 66 товариществ, из них 22 убыточных. РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. 29. Л. 284; Д. 1384 а. Л. 164.

² Население России в XX в.: исторические очерки. Т. 2. 1940-1959. М., 2001. С. 211.

³ РГАЭ. Ф. 8101. Оп. 1. Д. 94. Л. 14; Челябинский рабочий. 1954, 19 октября.

⁴ Промысловая кооперация. 1957. № 9. С. 31.

принималось решение о прекращении приемки торгами, почти 3 тыс. изделий понизили в сортности¹.

Порой причиной отказа в регистрации было мнение отдельного чиновника о том, что изделие «не расширяет ассортимент», или «не воспитывает у населения художественный вкус», и тогда артельщикам приходилось в прямом смысле слова унижаться: уговаривать, дарить «презенты». А ведь любой кооператив, как правило, прежде чем принять решение о разработке нового товара, выяснял конъюнктуру сбыта посредством выборочного опроса покупателей, консультаций с ателье, мастерскими, магазинами, изучения рекламаций, жалоб и замечаний. Если он этого не делал, то рисковал потерпеть убытки уже на стадии затрат по изготовлению оснастки для массового производства. Посему многие товарищества выступали с предложениями предоставить им право самостоятельного выбора и утверждения эталонов и цен на изделия широкого потребления на техническом совете или заседании правления.

По действовавшим нормативам техусловия устанавливались на все виды продукции и материалов, не охваченные ГОСТами или ведомственными стандартами, а также на изделия, изготовленные из некондиционного или смешанного сырья, в том числе собственной заготовки. Выпуск же предметов ширпотреба с нарушением обязательных стандартов и регламентов, недоброкачественных или разукомплектованных рассматривался как преступление против государства².

Стремясь избежать неприятностей с законом, артели составляли технические условия в десятках экземпляров для рассылки торгам в дополнение к договору о поставке товаров. Причем даже на такие вещи, как ведра, совки для мусора, формочки для печенья, тушилки для углей, детские ванночки, корыта, трубы самоварные и многое другое из того, что известно на рынке сотни лет. Директор челябинского глав универсама Лаппо в феврале 1958 г. на городском активе работников предприятий, производящих ширпотреб, рассказал об изумлении, которое он испытал, когда в ответ на просьбу изготовить деревянную разделочную доску под мясо, обращенную к заместителю председателя горпромсовета Гольдбергу, тот потребовал предоставить готовый образец с подробным описанием³.

Между тем, ряд разделов ТУ, например, правила приемки, методы испытаний, упаковка, транспортировка и хранение почти полностью повторяли соответствующие статьи союзного и республиканского законодательства. Остальные сведения, которые необходимо было знать и продавцам, и покупателям, оговаривались в сопровождающих документах: инструкциях по эксплуатации, паспортах, предупреждениях и указаниях на этикетках. Кооператоры предлагали сделать упор на них, сохранив опломбирование образцов правлением с внесением их в реестр. Некоторые малые предприятия вернулись к практике издания фирменных каталогов, где указывали габариты, вес и особенности изделия, помещали его фотографии в различных ракурсах.

Однако и утвержденные горисполкомом цены не избавляли промысловиков от неудобств, поскольку не подлежали изменению в течение календарного года, невзирая на колебания спроса. Обычно в мае-июле наблюдалось снижение заказов по ремонту одежды, с сентября по март – по химчистке. Чтобы стимулировать людей заранее обновлять свой гардероб, кооператоры в «мертвый сезон» явочным порядком устанавливали скидки до 25%. Но за это их ругали и штрафовали финансовые органы, зорко следившие за выполнением плана по сбору налогов. Практика же показывала, что самой большой опасностью были не гипотетические убытки, а неритмичная работа, выражавшаяся в простоях и незагруженности оборудования. Кое-где партийные органы с пониманием относились к указанной проблеме и поощряли временное снижение тарифов на услуги кооперативных мастерских⁴.

¹ ОГАЧО. Ф. 274. Оп. 3. Д. 169. Л. 22.

² См. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 ноября 1940 г. URL: <http://www.kodeks-luks.ru/ciws/site?tid=0&nd=901757374&nh=1> (дата обращения 20.11.2011).

³ ОГАЧО. Ф. 92. Оп. 15. Д. 223. Л. 47.

⁴ См.: постановление бюро Челябинского горкома КПСС от 8 января 1959 г. «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения города». ОГАЧО. Ф. 92. Оп. 17. Д. 39. Л. 6-8.

Проходить процедуру утверждения калькуляций каждое товарищество было обязано индивидуально, несмотря на наличие ранее утвержденных прейскурантов на аналогичные товары. Самое удивительное, что в итоге появлялись различные версии стоимости одного и того же бытового предмета, что вело к нездоровым явлениям в торговле, дезориентировало потребителей и ставило в неудобное положение самих артельщиков. Они могли получить как сверхприбыль по причине завышенной цены, так и кризис сбыта из-за появления на прилавках более дешевого и, возможно, более качественного изделия. Так, ведро железное крашеное емкостью 12 л. по РСФСР стоило от 6, 9 руб. до 12, 9 руб., табурет – от 11 руб. до 20 руб. при государственных расценках соответственно 5, 85 руб. и 12, 3 руб.¹

Выход виделся в оперативной коррекции ценовых диспропорций управлениями торговли ГИКов по сигналам с мест, регистрации прайс-листов на основании обыкновенной справки-калькуляции из артели о «справедливой» цене. Однако этот порядок с трудом пробивал себе дорогу, что побуждало часть артелей избегать общения на данную тему не только с работниками исполкомов, но и с облпромсоветами. Как следствие, выпускаемая продукция продавалась по произвольным расценкам, за что председатели правления подвергались взысканиям. В ноябре 1956 г. они были наложены на руководителей кусинского «Луча», аргаяшской «Красной звезды», багарянской «Победы» и др.²

Обращение к первоисточникам убеждает, что никакие административные препоны и рогатки были не в состоянии помешать кооператорам Челябинской области целенаправленно совершенствовать работу по удовлетворению повседневных нужд населения. В частности, они выступили пионерами в деле организации индивидуального автосервиса. Еще в 1955 г. члены товарищества «Бытремонт» открыли автомастерскую на два бокса и к октябрю починили 91 мотоцикл и 70 легковых машин. Поскольку потребность удовлетворялась всего на 10 %, запись велась на многие месяцы вперед. Председатель челябинского горпромсовета Варфоломеев, выступая на XVI партконференции Советского района 11-12 ноября 1955 г., умолял выделить «бытремонтникам» дополнительные помещения³.

Совет Министров РСФСР к решению об организации в крупных городах 14 кооперативных мастерских по мелкому ремонту и техобслуживанию личного транспорта пришел лишь во второй половине 1957 г.⁴ Сами артельщики изъявляли готовность устранять и более серьезные поломки, причем, не только частным автовладельцам, но также и различным учреждениям. Где они брали запчасти, выяснить не удалось. Вероятно на «толкучке», с переплатой, потому что централизованная поставка автодеталей по линии Роспромсовета началась лишь во втором полугодии 1959 г. Кстати, то же самое касалось ремкомплектов на лодочные и веломоторы, на многие марки пылесосов и стиральных машин⁵.

К 1958 г. относится возникновение в СССР общедоступной услуги по прокату холодильников, швейных машин, музыкальных инструментов, спортивного инвентаря и т.п. И в этом начинании достойно проявили себя промысловики. По постановлению республиканского Совмина, датированному 4 марта за № 218 «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения РСФСР» промкооперации поручили устроить 64 прокатных пункта, в том числе 3 – в Челябинской области: 2 в столице Южного Урала и 1 в Магнитогорске. Этим «ателье», как их тогда называли, Минторг России целевым назначением выделил разнообразных предметов домашнего и культурного обихода на общую сумму 16, 5 млн. руб. Челябинские кооператоры получили 140 швейных машин, 25 холодильников, 20 телевизоров, 70 пылесосов, 20 радиоприемников, 40 фотоаппаратов⁶, 80 патефонов и электропроигрывателей, 1400 виниловых пластинок, 40 велосипедов, 5 мотоциклов, 20 баянов и аккордеонов, 30 гитар. В

¹ Промысловая кооперация. 1956. № 1. С. 8.

² ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 166. Л. 97.

³ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 197. Л. 121; Ф. 119. Оп. 1. Д. 286. Л. 51.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 259. Оп. 42. Д. 1101. Л. 45.

⁵ Промысловая кооперация. 1959. № 3. С. 18; 1960. № 1. С. 22, 23.

⁶ К слову, в сентябре 1959 г. товарищество «Фотообъединение» освоило цветную съемку и организовало продажу открыток с живописными видами Челябинска. Принимались заказы на печатание фотографий и заявки на курсы молодых фотографов. См.: ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 218. Л. 20.

перечне были также чайники, термосы, спиннинги, резиновые лодки, палатки, настольные игры и даже 8 пар футбольных бутсов. Стоимость пользования за сутки составляла: швейной машиной – 5 руб., холодильником – от 1,7 руб. до 3,3 руб. в зависимости от марки, телевизором – 7 руб., мотоциклом – 16 руб., что вполне соотносилось со средней заработной платой рабочего. Данная услуга пользовалась большой популярностью. Правда, проблему создавал ремонт аппаратуры, поскольку необходимый контрольно-диагностический прибор имелся в облпромсовете в единственном экземпляре¹.

Одной из передовых форм работы с населением явилась организация на базе швейных артелей Челябинска: «Урал», «20 лет Октября», «Авангард», «Победа», «Дружба» первого смотра моделей одежды сезона «весна-лето» 1960 г. с широким привлечением закройщиков, мастеров и технологов из промысловых товариществ городов области. Мероприятие проходило при массовом стечении народа. Люди, заполнившие зал, не желали уходить, у входа и окон скопилась толпа. Было экспонировано 205 фасонов мужского, женского и детского верхнего платья, костюмов, головных уборов. Из представленных 205 образцов жюри одобрило 114. Подводя итог показу, глава ОПС Лебедев поздравил кооператив «Урал» (председатель Чепурных, технорук Посохова), которому присудили победу за оригинальные вечерние и свадебные наряды для молодежи, и пообещал в следующий раз собраться на открытой площадке, способной вместить всех желающих. Он также выразил пожелание, чтобы в каждой мастерской можно было пошить ту или иную понравившуюся модель².

Недавно взятый на вооружение новый беспримерочный метод позволял это сделать. Его суть сводилась к использованию специального раздвижного каркаса из ремешков, имитирующего человеческое тело, и применению стандартных типо-размеров. Последних насчитывалось свыше 100. Приемщик снимал мерку с клиента, определял отклонения от стандарта и передавал сведения в цех на конвейер. При таком подходе требовалась всего одна примерка сметанного заказа. Срок изготовления сократился до 3-х дней, а затраты времени на выработку одного изделия уменьшились с 30 - 35 часов до 6 - 8 часов.

Концентрация на бытовом обслуживании – специфической отрасли народного хозяйства, рыночный характер которой невозможно было директивно «отменить», открыла перед промкооперацией новые горизонты развития. Только за два с половиной года, с апреля 1956 г. по октябрь 1958 г., объем предоставляемых кооперативами услуг вырос в денежном выражении с 8566 тыс. руб. до 14480 тыс. руб. или в 1,7 раза! И эта тенденция в дальнейшем лишь усиливалась. По данным областного финансового отдела в течение III квартала 1960 г. прибыль южно-уральских артелей от хозяйственной деятельности, связанной с услугами населению, увеличилась с 13648 тыс. руб. до 20950 тыс. руб., то есть более чем на 1/2. При экстраполяции цифра должна была составить 216 % в годовом исчислении! Системный характер отмеченной позитивной динамики подтверждали промысловые товарищества Магнитогорска (136 %) и Златоуста (168 %)³. Вероятно, именно в достижении рекордной рентабельности заключается разгадка поспешной национализации кооперативной промышленности в октябре 1960 г. В пользу данного аргумента говорит и то, что именно в 1957 – начале 1960-х гг. стартовал очередной этап усиленного финансирования оборонно-промышленного комплекса, занятого созданием межконтинентальных баллистических ракет, и государство очень нуждалось в дополнительных финансовых ресурсах. Обратной стороной такого решения стал затяжной социально-экономический кризис потребления, который явился одной из предпосылок крушения второй сверхдержавы мира – СССР.

¹ ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 210. Л. 75, 76, 83, 84, 94.

² ОГАЧО. Ф. 965. Оп. 5. Д. 251. Л. 277, 280, 281; Промысловая кооперация. 1960. № 8. С. 26.

³ Подсчитано автором по: ОГАЧО. Ф. 1029. Оп. 15. Д. 1769. Л. 81.

СТАНОВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА КАК ЦЕНТРА ОБРАЗОВАНИЯ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ (1723-1750-е гг.)

А.М. Сафронова
Уральский федеральный университет
alevtina.safronova@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются основные факторы, позволившие Екатеринбургу, не имевшему статуса города, уже в первые годы своего существования стать одним из крупных центров школьного образования на Урале.

Ключевые слова: Екатеринбург, В. Н. Татищев, школы, учителя библиотеки, связи с Академией наук.

FORMATION OF EKATERINBURG AS A CENTER FOR EDUCATION IN THE MINING URALS (1723-1750)

Alevtina M. Safronova
Ural Federal University
alevtina.safronova@gmail.com

Abstract. The article reveals the main factors that allowed Yekaterinburg, which did not have the status of a city, already in the first years of its existence to become one of the major centers of school education in the Urals.

Key words: Yekaterinburg, VN Tatishchev, schools, library teachers, links with the Academy of Sciences.

Официальный статус города Екатеринбург приобрел лишь в 1781 г., но благодаря тому, что завод, построенный в 1723 г., стал крупнейшим в стране и Европе, в Екатеринбурге разместился центр управления заводами на огромной территории — от Казани на западе до Нерчинска на востоке; сюда прибыло нескольких десятков выпускников высших учебных заведений Санкт-Петербурга и Москвы, появилась крупная колония иностранных специалистов, Екатеринбург стал крупнейшим центром развития модернизационных процессов в экономике, социальной сфере, культуре в масштабах всей страны,

Важную роль в этом сыграл и субъективный фактор — назначение в 1734 г. руководителем заводов, причем с широкими полномочиями, В.Н. Татищева, выдающегося государственного деятеля, связывавшего исторический прогресс с развитием «умопросвещения». За короткий срок Татищев сумел разработать и претворить в жизнь грандиозные по тем временам планы, сделавшие Екатеринбург крупнейшим центром образования не только на Урале, но и в провинциальной России.

Хотя Татищев в первый период руководства заводами (1720—1722) был отстранен от управления из-за жалобы Н. Демидова и допущен к решению дел в Сибирском обер-бергамте при новом начальнике В.И. де Геннине в октябре 1723 г., именно он в Наказе заводскому комиссару Ф. Неклюдову, подписанному Генниным 15 октября 1723 г. разработал план превращения Екатеринбурга в центр развития школьного образования еще за несколько дней до пуска завода в строй¹.

Одна из глав наказа посвящалась развитию школьного дела в новом центре управления промышленностью. Наряду со словесной школой здесь предполагалось открыть и

¹ Татищев В. Н. Записки. Письма 1717-1750 гг. М.: Наука, 1990. С. 87–89.

арифметическую, в нее переводить лучших учеников из школ Уктусского, Алапаевского, Каменского заводов и обучать геометрии, черчению и рисованию — эти предметы были необходимы для составления чертежей, планов заводов, рудников, дорог, населенных мест.

Чтобы ускорить подготовку специалистов высокой квалификации, Татищев задумал превратить Екатеринбургскую арифметическую школу в учебное заведение, сочетавшее основы общего обучения с производственным трудом. Положения наказа явились первой в истории России программой соединения общего образования с профессиональным обучением на школьной скамье. В ходе ее изложения Татищев впервые сформулировал четыре важнейших принципа профессионального обучения, используемых и поныне: введение практических занятий на определенной стадии общеобразовательной подготовки, установление по возможности тесных взаимосвязей между школьными и практическими занятиями, учет склонностей и физических возможностей детей при определении к ремеслам, использование таких методов заинтересованности в обучении, как введение оплаты ученического труда, преимущественного распределения учащихся на вакантные места.

Благодаря этому наказу учебные заведения появились в Екатеринбурге почти одновременно с основанием самого поселения: в марте 1724 г. начала действовать арифметическая школа, в июне 1725 – словесная, переведенные с Уктусского завода. Нам известен лишь один подобный пример в истории — открытие «разноязычной» школы в Санкт-Петербурге в 1704 г. Поскольку при других заводах деятельность школ свернулась, две школы Екатеринбурга готовили молодежь, владеющую грамотой и основами математики, для всех казенных заводов. Как показало изучение истории школ Екатеринбурга в период правления В.И. Геннина, при нем Екатеринбургская словесная школа пополнялась за счет набора детей с других заводов: в 1726 г. с Алапаевского и Каменского, детей драгун — с Царева Городища (Кургана); лишь в июне 1728 г. была зачислена первая партия детей Екатеринбурга от 7 до 18 лет; в марте 1734 г. — еще 30 подростков, причем они составили 34 % от выявленных переписью 1733 г. детей Екатеринбурга¹.

Сменив В.И. Геннина на посту начальника заводов в октябре 1734 г., В.Н. Татищев не мог не воспользоваться возможностью претворить свои идеи «умпросвещения» в жизнь, которые он глубоко обосновал в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», в основном законченном в 1733 г. Уже на 13-й день после принятия заводов в свою команду, 21 октября 1734 г., было принято решение о переписи «годных в научение детей разночинцовых, детей боярских и однодворцовых, церковничьих, подъяческих и мастерских при заводах и в слободах от шести лет и выше». В январе 1735 г. обучение объявлено обязательным для всех детей мастеровых, священно- и церковнослужителей (хотя последнее являлось нарушением общероссийского законодательства тех лет, поскольку эти дети подлежали обучению в школах духовного ведомства), солдат, канцелярских служителей. Словесные школы должны были открыться при всех казенных заводах Урала и в Кунгуре, а по мере обучения детей грамоте переводиться в открывавшиеся по месту жительства арифметические школы. Наборы детей стали проводиться ежегодно. Екатеринбургская словесная школа стала самой крупной в крае: в 1735 г. в ней обучалось более 100 учащихся, в 1737 — 171, в 1755 — 205 учеников. При казенных заводах и в Екатеринбурге во второй половине 1730-х гг. наблюдалась почти 100 % детская грамотность, это уникальный случай в истории образования XVIII в. Такой вывод позволяют сделать переписи детей школьного возраста тех лет².

Екатеринбургская арифметическая и после открытия школ при других заводах не утратила значения главного центра подготовки специалистов, так как имела более широкую программу обучения, высококвалифицированных учителей, самое большое число учащихся. Начиная обучение в ней выпускник Московской артиллерийской школы солдатский сын Петр Рыбников. С 1725 г. обучал Михаил Кутузов, дворянин, выпускник Морской академии,

¹ См.: Сафронова А. М. Первые школы Екатеринбурга (1724–1734) Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 24–35.

² Сафронова В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: К 330-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 57–63.

изучивший арифметику, геометрию, тригонометрию, астрономию, географию, навигацию, артиллерию, фортификацию, геодезию, живописное дело. Более 6 лет (1729—1735) учил математике Никита Каркадинов, однокашник Кутузова по Морской академии, сын солдата лейб-гвардии Семеновского полка, прошедший стажировку в Швеции по медеплавильному делу. С 1735 г. в Екатеринбургской школе преподавали исключительно ее лучшие выпускники, дети местных подьячих и мастеровых – Федор Санников, Афанасий Кичигин, Пимен Старцев, Иван Сусоров, ставшие высококлассными специалистами, которые параллельно с обучением детей привлекались для описания лесов, месторождений руд, составления чертежей заводов, рудников, картотдельных районов.

В январе 1734 г. члены Великой Северной экспедиции во главе с профессором И.Г. Гмелиным при проезде через Екатеринбург обратились к Геннину с предложением начать в Екатеринбурге метеорологические наблюдения. Порученные поначалу маркшейдеру Андрею Татищеву, метеонаблюдения перешли к учителям арифметической школы и осуществлялись по июль 1747 г., пока не были прекращены в связи с приостановкой работы экспедиции. В 1736 г. для помощи учителю разрешалось использовать двух лучших учащихся школы: показания барометра, термометра, направления ветра, наличие облачности, осадков фиксировались ежедневно в 6, 10, 12 часов и 8 вечера¹. Так Екатеринбург оказался среди первых населенных пунктов России, где стали вестись метеонаблюдения, вслед за Петербургом (1725), Москвой, Казанью (1733).

Екатеринбургская арифметическая школа являлась главной кузницей кадров для заводов Урала и Сибири. Из ее учащихся комплектовались места учеников доменного, фурмового, плавильного, пробирного дела, маркшейдеров, геодезистов, механиков, шихтмейстеров, учителей. Школа сыграла выдающуюся роль в обеспечении копиистами, канцеляристами многочисленных заводских канцелярий и контор².

В ноябре 1735 г. по инициативе Татищева в Екатеринбурге были открыты первые на Урале школы обучения немецкому, латинскому языкам, знаменованию (рисованию). Немецкая школа была призвана готовить молодежь, способную изучать литературу по горному делу на немецком языке и быть переводчиками при специалистах-иностранцах. Наряду с детьми мастеровых, солдат, сюда направляли детей управляющих заводами, надзирателей, офицеров со всех заводов, служащих канцелярии, которые составляли до трети учащихся. Из них должна была формироваться будущая элита горнозаводского ведомства.

Первый учитель немецкой школы, Бернгард Штермер (1735—1740), был нанят по просьбе Татищева Академией наук при содействии Кабинета министров из преподавателей гимназии при Академии наук, его помощник И. Гейнш – из столичных писарей; А. Розе, уроженец Бранденбурга, — из отставных учителей Московской школы навигаторов. В 1739—1740 гг. преподавал датчанин П. Финн, родом из Копенгагена. Климат Урала оказался для иностранцев слишком суров — трое последних скончались, не доработав до окончания срока контрактов. Более 30 лет, до середины 1770-х гг., трудился Андрей Миссет, нанятый Татищевым в Самаре в 1738 г. Он внес основной вклад в распространение немецкого языка в Екатеринбурге³.

Латинская школа была открыта для обучения детей иностранцев, работавших по контракту в Екатеринбурге, и детей духовенства всего заводского ведомства. Наряду с языком здесь изучали основы поэзии, риторики, как и в немецкой школе — основы всеобщей географии, истории, истории церкви. Л. Сехтинг, родом из города Марбурга, был нанят по контракту Академией наук и по совместительству исполнял обязанности пастора для протестантов-иностранцев. Из-за незнания русского он учил детей немцев, 5-6 человек,

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 498. Л. 1; Оп. 12. Д. 51. Л. 340.

² См.: Сафронова А.М. Роль горнозаводских школ в организации делопроизводства при казенных заводах Урала в 20-30-е годы XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 15. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 32–56.

³ См.: Сафронова В.Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения... С. 87–99.

основную же массу русских (30-50 человек) обучал Кириак Кондратович, в будущем — переводчик Академии наук.

Учителя иноязычных школ Штермер, Сехтинг, Кондратович по заданию Татищева участвовали в составлении языковых словарей. К. Кондратович переводил источники для «Истории Российской» Татищева с латинского на русский язык. Л. Сехтинг ведал библиотекой Екатеринбургa.

Ученики, прошедшие курс обучения в немецкой школе, использовались в качестве переводчиков при мастерах-немцах, обучались у них горным и плавильным делам, маркшейдерскому искусству. Не случайно, Генерал-берг-директориум в 1739 г. затребовал 12 учеников именно из Екатеринбургской немецкой школы для отправки в Архангелогородскую берг-контору учиться маркшейдерству у немецких мастеров¹. Из питомцев латинской школы комплектовались места лекарских и аптекарских учеников.

В школе рисования юношей обучали основам живописи, рисованию пером, кистью, тушеванию планов, чертежей. Эти навыки имели большое значение для подготовки специалистов горнозаводского дела. Первым учителем был Мирон Аврамов, изучавший живопись и шпалерное дело в Петербурге. В 1728 он прибыл на Урал для поиска минеральных красок для заводов, в 1730-1733 гг. был живописцем на заводах Демидова, потом писал иконы для церкви Св. Анны в Екатеринбургe. Выпускники использовались в качестве помощников геодезистов при проведении ими картографических работ, направлялись к новому для Урала мастерству — камнерезному делу, в ученики резчиков на Екатеринбургский монетный двор, в ученики инструментального, маркшейдерского дела. Егор Сунгуров в 1751 г. был назначен смотрителем первой камнерезной фабрики Екатеринбургa. Школа воспитала собственных рисовальщиков и живописцев, способных передавать свои умения учащимся: с 1753 г., после смерти Аврамова, учителями стали свои выпускники².

С 1735 г. в Екатеринбургe начала действовать и школа пения. В 1737-1744 гг. успешно трудился в школе ссыльный Феофилакт Митенев. Он отбирал детей из других школ, отличавшихся музыкальным слухом и голосом, от 30 до 50 человек. Диапазон певческой литературы, задействованной в обучении, был очень широк — от древнерусской традиции знаменного пения до новейших сочинений современных композиторов. В 1744 г. в школе числилось 90 книг, из них 57, купленных казной в Москве, 18 переданных по приказу властей из местной церкви, 15 книг переписал по своей инициативе учитель. В учебной практике широко использовалось многоголосное хоровое пение, разделенное на голоса или партии, представленное почти полным годовым кругом музыкальных церковных композиций. Ученики владели традиционным партесным 4-голосием и 3-голосием с дублировками, т. е. имели представление о гармоническом складе хоровой музыки, владели искусством ансамблевого пения. Светские партесные 3-голосные концерты исполнялись, как правило, по торжественным случаям, будь то исторические события или тезоименитство монархов, рождение наследников³.

Каждая школа имела свой круг учебных пособий. В 1734 г. при словесной школе имелось 267 книг — азбук, часословов, псалтирей, в 1741 г. — 261 книга, в том числе буквари⁴. Арифметическая школа располагала самым малым числом книг. С трудом служащим Московского обер-бергамта в 1723 г. удалось разыскать по заказу с Урала 5 «Арифметик» Л. Магницкого и 5 логарифмических таблиц. По одному экземпляру этих книг и выдали в школу. Учебники геометрии у учеников были свои, рукописные. В 1741 г. на 52 ученика

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 43. Л. 652.

² Сафронова А. М. Первая школа рисования на Урале и ее учебные пособия (1735-1750-е) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. № 1 (87). С. 299–310.

³ См.: Сафронова А. М. Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735 – 1740-е) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 10. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 51-68.

⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 450. Л. 76; Д. 1128. Л. 40.

наряду с этими двумя книгами имелась печатная математика и «письменная» казенная геометрия. В 1749 г. Берг-коллегия выслала в Екатеринбург «Механику», изданную в 1738 г. Академией наук и 5 «Таблиц логарифмов»¹.

Самым большим и дорогостоящим были пособия иноязычных школ. В 1735 г. были приобретены две партии книг в Книжной палате Академии наук – 298 изданий на 105 руб.: азбуки на латинском и немецком языках; Русско-немецкие грамматики; вокабулы, в которых на 100 страницах на трех языках излагались тексты по 46 темам; немецко-латино-русские словари Э. Вейсмана, изданные Академией наук в 1731 г., объемом 840 стр. К словарю прилагалась русская грамматика — «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» («Первые основания российского языка») В. Е. Адодурова; изданные в Германии латино-русские словари; наставление к немецкому письму Б. Нейкирха и др. Для изучения истории было отобрано 10 экземпляров пособия академика Г.З. Байера «Извлечение из старинной государственной истории», подготовленного для юного Петра II и изданного Академией в 1728 г. на немецком языке.

Для латинской школы помимо упомянутых азбук и словарей предназначались сочинения Вергилия и Горация на латинском языке, книга С. Шательона «Священные разговоры» (S. Châteillon. Dialogi sacri), содержащая 119 разговоров на библейские сюжеты. Для изучения истории на латинском поступили сочинения римских историков Корнелия Непота о выдающихся полководцах, Квинта Курция Руфа об Александре Македонском, Марка Юстина по всеобщей истории и др. Книжная палата Академии наук не смогла в полной мере удовлетворить запрос на книги: она не имела сочинений Цицерона, Сенеки, Марциала, Овидия, Ливия, Оуэна, грамматик Альвареса, которые запросил Кондратович для латинской школы Екатеринбурга. Это объяснялось тем, что значительное число книг классиков древнеримской литературы были отправлены Книжной палатой ранее для Оренбургской экспедиции И. Кирилова, который должен был открыть школу в новом городе Оренбурге.

Помимо школьных собраний учителя могли пользоваться книгами казенной библиотеки Горного ведомства, сформированной по инициативе и непосредственном участии В. Н. Татищева за короткий срок, всего за 3 года.

Эта библиотека стала крупнейшим уникальным собранием иностранной литературы в российской провинции. Книги заказывались через Академию наук, а она выписывала их из Германии, Голландии, Франции и других стран. На Урал заказывались книги в основном на немецком языке, так как сам Татищев хорошо владел этим языком, на заводах по контракту работали большей частью немецкие специалисты. Немцами были лекари, аптекари, учителя немецкой и латинской школ.

Благодаря усилиям Татищева в Екатеринбургской библиотеке были представлены лучшие издания Германии по горному и заводскому делу (о ее полезных ископаемых, добыче руд, плавке металлов, например, И. Бюнтинга – о процессе образования каменного угля, «Пиритология» И. Генкеля и др.); 7 томов сочинений знаменитого немецкого механика, почетного члена ряда европейских академий Я. Леопольда «Theatrum Machinarum», книги известного немецкого архитектора и инженера Г. Боклера.

В переводе на немецком появились сочинения выдающихся французских химиков П. Фабре, Н. Лефевре, Н. Лемери; сочинения немецкого химика И. Глаубера. На немецком — сочинения Евклида, Архимеда (перевод Штурма), книги по географии Варения, Гюбнера, Целлария.

Среди книг – три тома «Экспериментальной физики» профессора математики и философии Марбургского университета Х. Вольфа (которому Петр I предлагал возглавить нашу Академию наук), «Основания химии» голландского химика и врача, профессора медицины в Лейдене, члена Парижской Академии наук и Лондонского королевского общества Г. Бургаве, только что вышедшие на латинском (Лейден, 1732) и в кратком переводе на немецком.

¹ См.: Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. С. 437–451.

Поступили геометрия Евклида (в изложении Х. Шеслера), математика И. Штурма, «Der Anfangs-Gründe aller mathematischen Wissenschaften» Х. Вольфа в 4-х частях. Его же трехтомник «Elementa matheseo universaes», включавший основы арифметики, геометрии, механики, статики, гидростатики, аэрометрии, гидравлики, оптики, диоптрики, астрономии, географии, гидрографии, хронологии, гномоники, пиротехники, архитектуры военной и гражданской и других отраслей знания. Медикам предназначались: «Kräuter-Buch» выдающегося ботаника XVI в. Я. Т. Табернемонтани с описанием более 3000 растений; трехтомное описание трав знаменитого французского ботаника И. Р. Турнефора, книга Г. Шталя о лечении внутренних болезней и наставление в аптекарском искусстве И. Розенстенгеля; трехтомный труд на немецком языке знаменитого французского хирурга Р. И. Гаранжо с описанием методов проведения операций.

Много книг заказывалось для работы Татищева над «Историей Российской». Широко были представлены сочинения античных авторов. «Естественная история» Плиния, изданная в Венеции в 1516 г., сейчас является самым ранним изданием, сохранившимся в фондах Свердловского областного краеведческого музея.

Всего в Екатеринбургскую библиотеку и школы Екатеринбурга поступило более 1250 книг, из них две трети – на иностранных языках. Книжное собрание самого Татищева, переданное им в библиотеку Горного ведомства в 1737 г., включало 781 издание, из них лишь 67 были на русском языке. Общее число изданий, принадлежавших Горному ведомству в Екатеринбурге, к середине XVIII в. насчитывало более 2000 единиц¹.

Эти книги широко использовались не только специалистами горного, заводского дела, медиками, но и учителями школ, особенно латинской и знаменованной. Наличие богатого выбора книг давало возможность населению провинциального Екатеринбурга получать информацию по различным отраслям знания, знакомиться с книжными новинками западноевропейских стран, повышать свое образование. В 1775 г. крупную партию книг из библиотеки Екатеринбурга передали только что открытому в Санкт-Петербурге Горному училищу, в 1839 г. часть книг уже из столичного Горного института была отправлена для пополнения библиотеки Гельсингфорского университета (ныне Хельсинкский)². Таким образом, книги послужили делу образования молодежи и в других крупных учебных заведениях Российской империи.

¹ См. подробнее об этом: Сафронова А. М. В. Н. Татищев и библиотеки раннего Екатеринбурга: опыт исторической реконструкции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 118–144, 191–223, 247–349.

² Там же. – С. 15, 476–515.

**СЕМЕЙНЫЙ БЫТ И РОДСТВЕННЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
В СРЕДЕ ОРЕНБУРГСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА
(КОНЕЦ XIX-НАЧАЛО XX ВЕКА)¹**

А.Г. Фот
*Оренбургский государственный
педагогический университет*
fotalena@mail.ru

Аннотация. В статье, на основе анализа архивных документов, рассматривается вопрос о родственных взаимоотношениях в среде приходского православного духовенства Оренбургской губернии в конце XIX-начале XX века. Автор характеризует бытовые условия жизни пастырской семьи, выявляет роль попадьи в жизни священника и анализирует степень воздействия родственников на семейную жизнь супругов.

Ключевые слова: повседневность; пореформенный период; Оренбургская губерния; православное приходское духовенство; быт; семья; родственные взаимоотношения.

**FAMILY LIFE AND FAMILY RELATIONS AMONG ORENBURG ORTHODOX PARISH
CLERGY (THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES)**

Alena G. Fot
Orenburg State Pedagogical University
fotalena@mail.ru

Abstract. On the basis of the analysis of archive documents this article discloses the family relations among Orthodox parish clergy of Orenburg Guberniya at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The author describes the way of life of the pastor's family, reveals the role of the priest's wife in his life and analyses the influence of the relatives on the family life of the husband and wife.

Key words: Everyday life; post-reform period; Orenburg Guberniya; Orthodox parish clergy; way of life; family; family relations.

Предметом исследований современных историков всё чаще становятся представительницы женской половины различных сословий имперской России: их повседневное поведение, психология, быт. Одни сословия, например дворянство, купечество или крестьянство, изучаются более активно², другие, к примеру, духовенство, стали объектом изучения относительно недавно³.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ на реализацию научного проекта № 17- 31-00010 «Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX века)».

² Милешина Н. А. Повседневность провинциального дворянства второй половины XVIII — середины XIX в. (На материалах центрально-европейских и средневожских губерний России) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2012. 50 с.; Банникова Е. В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб. : Полторак, 2014. 440 с.; Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М. ; Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2004. 304 с.

³ Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX в. М. : Новый хронограф, 2002. 272 с.; Попова О. Д. Женское духовное образование и его роль в изменении общественного положения женщины в России (вторая половина XIX — начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист.

В пореформенную эпоху поповны нередко получали образование, часть из них устраивались на службу¹. Однако, главным в жизни большинства женщин духовного звания по-прежнему оставалась семья. Выходя замуж девушка часто вручала супругу не только свою собственную судьбу, но и ответственность за благополучие близких ей людей. От того, как складывались взаимоотношения во вновь созданной семье, во многом зависит психологический климат в доме, а значит и счастье женщины в браке. Поэтому, при изучении повседневности жён клириков, важно исследовать перипетии их родственных взаимоотношений. В настоящей статье предпринимается попытка сформировать представление о семейных буднях священнической семьи Оренбургской губернии конца XIX-начала XX века.

Валентина появилась на свет 3 февраля 1885 в семье Петра Николаевича и Елизаветы Александровны Никольских. Её малой родиной стал Златоустовский уезд Уфимской губернии, где при Казанско-Богородицкой церкви Кусинского завода служил священником отец девочки². Вскоре, после рождения дочери, Петр Николаевич подаёт прошение о своем переводе в соседнюю епархию. Возможно, такое решение было продиктовано стремлением оказаться ближе к родственникам. Старший и младший братья Петра обосновались в Оренбургской губернии. Геннадий был помощником настоятеля Градо-Оренбургской Вознесенской церкви³, а Алексей состоял священником при Михаило-Архангельской церкви села Верхний Гумбет Оренбургского уезда⁴.

Епископ Оренбургский и Уральский Вениамин к просьбе священника отнесся благосклонно – 9 сентября 1885 г. отец Петр принял на себя должность настоятеля Михаило-Архангельской церкви села Богородского Оренбургского уезда. Семейство Никольских поселилось в доме, который своему батюшке предоставили прихожане. Это был старый деревянный дом с ветхими надворными постройками, но за него не нужно было платить, к тому же отсутствовала необходимость ютиться под одной крышей с псаломщиком, который также имел отдельное жильё⁵. Несомненным плюсом нового места службы был тот факт, что причт Богородского прихода состоял на казенном жаловании. Иерей получал 96 руб. в год. Имея право пользоваться «доброхотными даяниями» от прихожан, причт собирал за требоисправления в братскую кружку ещё около 150 руб. в год. Полагалась духовенству руга – 40 пудов ржи в год. Подспорьем в хозяйстве служил участок пахотной земли в 66 десятин. Земельный надел и братские доходы Петру Никольскому приходилось делить только с псаломщиком. Кроме того, прихожане дополнительно выплачивали иерею ещё 200 руб. в год⁶.

Благодаря чему благосостояние семьи Никольских первое время было достаточно стабильным. Правда, с течением лет иерею стало сложнее обеспечивать домочадцев. Семья разрослась: 14 мая 1886 г. у Валентины появился брат Леонид⁷, а 9 июня 1891 г. сестра, которую родители нарекли Марией⁸. Обозревающий церкви округа благочинный отмечал, что

наук. М., 2009. 46 с.; Колесникова В. Л. Культурно-исторический портрет женщины духовного сословия (на материалах Курской и Тамбовской губерний). Белгород.: ИПК БГИИК, 2016. 140 с.

¹ Подробнее об этом см., например: Савичева В. В. Портрет жены священнослужителя во второй половине XIX — начале XX века (по материалам Вологодской епархии) // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 160—165; Фот А.Г. Открытие Оренбургского епархиального женского училища и повседневная жизнь его воспитанниц в конце XIX века (1889-1899 гг.) // Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сб. науч. ст. Материалы VIII международных Стахеевских чтений, Елабуга, 16-17 ноября 2017 г. Елабуга, 2017. С. 147-151.

² Государственный архив Оренбургской Области (ГАОО). Ф. 173. Оп.9. Д.1164. Л. 42об

³ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1500 Л. 64 об

⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф. И-67. Оп. 1. Д. 20. Л. 22

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1164. Л. 41, 43об.

⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1164. Л.41

⁷ ГАОО. Ф. 176.оп.1. Д. 207. Л. 92об, 93

⁸ Там же. Л.81.

содержание причта Михаило-Архангельской церкви скудное¹. И все же, несмотря на финансовые затруднения семьи, ранее детство Валентины Никольской, наверняка протекало спокойно. Начальство её отца отмечало, что Пётр Никольский «поведения очень хорошего, в должности исправен и надёжен»². Письменную характеристику подтверждала полученная 22 июня 1888 г награда - набедренник³. 7 ноября 1890 г иерей получил от епископа Оренбургского и Уральского Макария архипастырское благословение «за неослабевающую и успешную деятельность на поприще пастырского служения»⁴. Мало вероятно, чтобы человек, достигший успехов на ниве пастырского служения, имел склонность устраивать семейные скандалы и третировать жену с детьми. Ведь, чтобы стать хорошим духовным отцом для своих прихожан и пользоваться у них авторитетом иерей не только должен много времени посвящать службе, но и подавать им пример собственной жизнью, в том числе и в семейном обиходе.

На новом месте службы в слободе Воскресенской Челябинского уезда, куда Петра Никольского по неизвестным причинам перевели 31 марта 1894 года у начальства, подчиненных и прихожан также сложилось благоприятное впечатление о священнике⁵. Переезд едва ли серьезно отразился на жизни подрастающей Валентины. Она продолжала постигать азы наук под руководством родителей, а в свободное время «весьма искусно», как особо отмечал благочинный в клировой ведомости церкви Воскресения Христова, занималась рукоделием⁶.

Первым серьёзным потрясением в жизни девочки стала смерть матери. Елизавета Александровна неожиданно скончалась в 1896 г., не дожив до своего 33-летия несколько месяцев. Женщина оставила детям наследство: кредитный билет с вкладом 900 руб., драгоценности: 2 пары золотых серег, 8 золотых колец, золотой браслет, брошь из яшмы и брошь с драгоценными камнями. На память о матери им осталась посуда, в своё время полученная ею в приданное. Всё это Пётр Никольский сообщал в попечительство о бедных духовного звания, прося назначить его опекуном над детьми. Разумеется, из канцелярии пришёл положительный ответ⁷. Не прошло и года, как на ещё не успевших смириться с потерей матери детей, обрушилось новое несчастье. Смерть супруги, подкосила здоровье Петра Никольского. Он скончался 5 мая 1897 г., формально, будучи священником села Травянского Челябинского уезда⁸. На самом деле из-за болезни иерей так и не появился в этом приходе⁹.

Заботу о сиротах на себя принял младший брат покойного – Алексей Никольский. Иерей уже служил в Челябинске при Свято-Троицкой церкви. Он приехал в Воскресенскую слободу, распродал часть имущества умершего брата, и, отдав деньги на хранение в попечительство о бедных духовного звания, увез племянников с собой¹⁰. Валентине в тот год исполнилось 12, Леониду 9, а Марии 5 лет¹¹.

Теперь вместе с братом и сестрой Валентина обосновалась во второй части города Челябинска на улице Берёзовой, в принадлежащем дяде четырёхкомнатном деревянном доме с добротными надворными постройками¹². Семья у Алексея Никольского была немаленькой – жена и четверо детей. Доходы напротив - минимальны. Двухштатный причт – два священника и два псаломщика, считая деньги за требоисправления и проценты с капитала,

¹ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д 1414. Л.65об

² Там же. Л.67.

³ Там же. Л. 66 об.

⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д 1414Л. 67 об.

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1495. Л. 8об

⁶ Там же. Л. 6

⁷ ГАОО. Ф. 176.оп.1. Д. 207. Л.10, 17об

⁸ Сведения по епархии. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. №11. Часть официальная С. 72

⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1504. Л. 39об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 176.оп.1. Д. 207. Л.7об, 14-15об.

¹¹ Там же. Л. 14-14об.

¹² ОГАЧО. Ф. И-3. Д.328. Л.405об-406

принадлежащего церкви, получали в совокупности 4600 руб. в год на всех. Для города это считалось весьма посредственным содержанием¹. Несмотря на сложное финансовое положение, сирот в доме приняли радушно и по мере сил проявляли заботу об их будущем.

В 1900 г. отец Алексей запрашивает 100 руб. из капитала, принадлежащего Марии, чтобы отдать эти деньги учительнице, которая должна была подготовить девочку к поступлению в Оренбургское епархиальное женское училище². Очевидно не сразу, но Марии удается поступить в данное учебное заведение. Её имя в 1903 г. значится среди воспитанниц, которым предстояло держать переэкзаменовку по русскому и славянскому языкам, чтобы перейти во второй класс училища³.

Валентине родные подобрали жениха. Ещё один дядя девушки – протоирей Геннадий Никольский много лет совмещал священослужение в Вознесенской церкви с преподаванием логики воспитанникам Оренбургской духовной семинарии. Он и сосватал семнадцатилетнюю племянницу за выходца из крестьян Симбирской губернии Якова Ивановича Маскаева. Молодой человек был пятью годами старше Валентины и подавал большие надежды. Он с отличием окончил Уральское духовное училище, а покидая в июне 1901 г. стены Оренбургской духовной семинарии, получил аттестат первого разряда и прекрасные рекомендации от руководства учебного заведения⁴. Эти обстоятельства позволяли Никольским не без основания рассчитывать на то, что будущий зять получит место в консистории, займется преподаванием в духовном училище или, по крайней мере, станет священником одной из городских церквей. Валентине выделили приданное. Ей причиталось 1/14 недвижимого и 1/8 часть из движимого имущества покойных родителей. Девушка получила 326 руб., ещё 150 руб. из своей части наследства выделил младший брат⁵.

Венчание состоялось 22 июля 1901 г в Оренбургской церкви Вознесения Господня⁶. После свадьбы Яков Маскаев принял на себя опеку над братом и сестрой жены вместо отца Алексея, который покидал епархию, чтобы продолжить образование в Казанской духовной академии⁷. Все были довольны, но неожиданно молодой человек преподнес новым родственникам сюрприз. Оказалось, что он направил епископу ходатайство с просьбой рукоположить его в священники к сельской церкви. В итоге, 4 ноября 1901 года, Маскаев получил место настоятеля церкви Казанской Божией матери в селе Зобово Оренбургского уезда⁸.

Молодой попадье пришлось вновь вспоминать особенности сельского быта, от которого она отвыкла, живя в Челябинске. Валентина совместно с женами псаломщиков прихода обрабатывала участок причтовой земли в 25 десятин. Женщины сажали репу, картофель, капусту. Это было небольшим подспорьем в более чем скромном бюджете семьи. Яков Маскаев, как настоятель получал 141 руб. 12 коп. в год. Кружечный сбор, который в лучшем случае достигал 300 руб. в год приходилось делить с псаломщиками. Руги причту не полагалось.

Жилищные условия тоже оставляли желать лучшего. Семья священника поселилась в деревянной избе «ветхой и неудобной»⁹. В этом неуютном доме у Маскаевых родилось двое детей. Первенец Борис появился на свет 18 мая 1902г.¹⁰ Три года спустя – 12 мая 1905 г.

¹ ОГАЧО Ф. И-67. Оп. 1. Д. 20. Л.19 об, 23 об.

² ГАОО. Ф. 176.оп.1. Д. 207. Л. 30

³ От совета Оренбургского епархиального женского училища. // Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. № 13. Часть официальная С.155.

⁴ ГАОО. Ф. 177. Оп. 1 Д. 187. Л. 38-38об.

⁵ ГАОО. Ф. 176.оп.1. Д. 207. Л.31, 35-35об.

⁶ ГАОО. Ф. 173.оп.16. Д. 1397. Л. 253об.

⁷ ГАОО. Ф. 176.оп.1. Д. 207. Л. 32-33.

⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1546. Л.352об.

⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1546. Л.351

¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 16. Д.1364. Л. 24об.

родилась дочь Александра¹. Только в 1909 г. семья перебралась в новый дом, который своему батюшке выстроили прихожане².

Хозяйственные заботы и воспитание детей Валентине большей частью приходилось брать на себя. Отец Яков сразу по прибытии на место службы окунулся в водоворот приходских проблем. Церковь в Зобово требовала столь масштабных обновлений³, что решено было не ремонтировать её, а выстроить новый храм. Настоятель создал комитет по постройке храма 30 сентября 1902 года⁴ и, возглавив его, принялся за возведение храма, который был освещен в 1906 г.⁵.

Занимаясь проблемами строительства, отец Яков одновременно председательствовал в местном церковно-приходском попечительстве, заведовал тремя образовательными учреждениями прихода и преподавал в них закон Божий⁶.

Круг общественных обязанностей, принятый на себя отцом Яковым в дополнение к ежедневным церковным службам и частым требоисправлениям постоянно расширялся. С 1905 г. иерей занял должность окружного следователя. С 1909 г. священник - член православного миссионерского общества и сотрудник губернского общества трезвости. В октябре 1914 г. епископ назначает Якова Маскаева цензором проповедей духовенства XIV благочинного округа.⁷ Так что дома главу семьи видели редко. Домашний очаг поддерживался силами матушки Валентины. Семья между тем разрослась: после рождения 13 июля 1910 г. дочери Нины⁸, у Маскаевых каждый два года появлялся ещё один ребенок: 23 июня 1912 г. - Ольга, 5 марта 1914 г. - Константин и наконец, 29 января 1916 г. - Зоя⁹.

Многодетность для семей священнослужителей была привычным явлением, как и постоянная загруженность матушек домашним хозяйством. Переносить рутину домашних обязанностей Валентине помогало осознание успехов мужа на служебном поприще. В разные годы отец Яков получил за свои труды набедренник, скуфью, серебряный наперсный крест¹⁰. Яков Маскаев пользовался авторитетом паствы и был хорошо известен в Оренбургской епархии. Очевидно поэтому переселенцы, прибывающие в уезд, охотно селились в пределах его прихода.

Если в 1903 г. в приходе значилось 592 двора и 4612 жителей¹¹, то в 1912 он насчитывал 967 дворов, в котором проживали 7751 жителей¹². Данное обстоятельство позволило причту несколько увеличить свои доходы. Казенное жалование осталось на прежнем уровне, но за требоисправление давали до 500 р. в год, ещё 700 р. собиралось в братскую кружку. Прихожане увеличили земельный надел для причта до 64 десятин и стали выплачивать священнослужителям ругу. Также отец Яков получал 120 руб. в год за преподавание в Карасинском приходском училище¹³. Поправив финансовое положение, Маскаевы получили возможность отправить старших детей учиться за свой счет в губернский город. Борис поступил в мужскую гимназию, а Александра в епархиальное женское училище¹⁴. Словом, жизнь Маскаевых была наполнена обычными трудностями и маленькими радостями. Её даже можно было бы назвать счастливой, если бы не постоянные тревоги, которые приносил в семью брат Валентины Петровны.

¹ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1626. Л. 47об

² ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1639. Л. 173 об.

³ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1554. Л.341

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1639. Л. 173 об.

⁶ Там же. 176 об.

⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1903. Л. 45 об.

⁸ ГАОО. Ф. 173. Оп.16. Д.1879. Л. 281об.

⁹ ГАОО. Ф. 173. Оп.16. Д. 1990 Л. 135об; Ф173. Оп 16. Д.2110. Л. 18об; Ф.173. Оп. 9. Д.1903. Л. 46 об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1903. Л. 45 об.

¹¹ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1554. Л. 346

¹² ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1702 Л. 49

¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д.1639. Л. 173 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1903 Л.46

С тех пор, как отец Яков после свадьбы принял опеку над шурином и свояченицей, у него не было серьёзных поводов пожаловаться на Марию Никольскую. Она спокойно училась в Оренбургском епархиальном женском училище, а после его окончания в 1909 г. вернулась в Зобово и занялась преподаванием в двухклассном приходском училище¹. Здесь девушка проработала до самого замужества: 5 января 1913 г. отец Яков обвенчал свояченицу с преподавателем двухклассного приходского училища села Софийского Оренбургского уезда Василием Степановичем Лесных².

Далеко не так благополучно обстояло дело с Леонидом Никольским. Он окончил Оренбургское духовное училище, но поступать в семинарию не стал. Шла русско-японская война, и молодой человек объявил о своём желании отправиться к театру военных действий. Родные приняли этот выбор. К счастью, Леонид благополучно вернулся с войны. Его родственники рассчитывали, что юноша продолжит дело отца: станет священником. Леонид не только отказался от предложенного пути, но и заявил, об отъезде на постоянное место жительства в Омскую губернию. Валентина отпустила брата, разделяя надежду мужа на то, что их дядя по матери Александр Ильин, служивший священником в этой епархии, склонит племянника к духовной карьере³.

Надеждам не суждено было сбыться. Молодой человек не нашёл для себя определённого занятия и жил преимущественно на средства, которые высылал опекун. Такое поведение естественно не находило поддержки со стороны Валентины и её мужа. Леонид, обращаясь к ним в конце декабря 1906 г., жаловался: «Сколько писал всем писем, но вы, наверное, забыли меня и не хотите даже дать ответу всеми брошенному вашему брату»⁴. Впрочем, в подобном тоне выдержанно только начало послания, дальше Леонид переходит к угрозам: «я получу своё что мне надо не от опекуна, а от Духовной Консistorии так как могу я распоряжаться теми деньгами, которые остались после отца. Так прошу выслать всё просимое мной без всяких притеснений»⁵.

Маскаевы выполнили его просьбу и восстановили прерванную переписку. Леонид навещал их 1907 г. и, получив на дорожные расходы 175 руб. в очередной раз обещал взяться за ум⁶. Однако обещания своего не выполнил. В село Ильинское Тобольской губернии, куда перебрался Леонид, летели встревоженные письма его сестры. В сердцах Валентина называла брата «разбойником» и «хулиганом», но тут же уверяла в своей любви, заклиная перестать лениться и главное - бросить пить⁷. Леонид своей вины не признавал: «Валя, Господь тебе воздаст за твоё напрасное сомнение, а я переносил и переносить буду». Неизменной в его письмах оставалась и просьба о деньгах: «прошу слезами перед Господом Богом, пришлите на одежду и расплатиться с долгами 70 рублей»⁸. В марте 1908 г. Леонид неожиданно сообщал родным, что женится. Обеспечивать семью намерен занимаясь хлебопашеством, и уже присмотрел для этой цели дом с участком. Он просил срочно выслать ему 300 руб. на обзаведение⁹.

Желая ускорить процесс выделения денег из попечительства, Яков Маскаев решил отказаться от опеки в пользу Геннадия Никольского. В этом случае ему выдавались все наличные средства опекаемого¹⁰. Протоирей принять опеку отказался. Поясняя своё решение, он писал Валентине 20 марта 1908 г.: «Я всегда готов помочь тебе и Мане, но с молодым человеком [Леонидом – А.Ф.], презревшем заветы отца, из-за которого ты к тому пролила

¹ ГАОО. Ф. 173. Оп.9. Д. 1702 Л.44

² ГАОО. Ф. 173. Оп.16. Д.2040. Л. 145 об.

³ ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207. Л 37, 37об., 41а, 80

⁴ Там же. Л. 48

⁵ ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207. Л.48об.

⁶ Там же. Л. 47-47об

⁷ Там же. Л. 49а, 64

⁸ Там же. Л. 64об, 70

⁹ Там же. Л.63, 69

¹⁰ Там же. Л. 77

столько слёз, не желаю иметь ничего общего. Да и сомневаюсь, чтоб вышло путное от его затей»¹.

Как выяснилось позже, чтобы получить деньги Леонид родственникам лгал. В Омске против него выдвинули обвинение по 1489 статье. «Причинение тяжких, подвергающих жизнь опасности побоев истязаний или мучений»², Проблему Леонид надеялся решить с помощью взятки. Это не помогло. Омский окружной суд 29 октября 1909 г. приговорил Никольского «к лишению всех личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ с отдачею в исправительное отделение на один год, с подчинением по окончанию срока под надзор полиции»³ Леонид вышел из острога в феврале следующего года. Поскольку он достиг совершеннолетия, то был освобожден от опеки зятя и вступил в права наследования своей частью имущества покойных родителей⁴. С родными Леонид не общался, они узнали о месте нахождения родственника только когда тот попытался начать против своего бывшего опекуна процесс о «растрате сиротского имущества»⁵. Важно, что и после данной, длящейся больше года, в высшей степени некрасивой истории семья не оставила Леонида в беде. Когда родственники узнали, что Леонид с 24 февраля 1912 г. содержится под стражей за конокрадство, они не только взяли на себя хлопоты, по высылке ему денег из его части наследства, но и продолжили обеспечивать на свои средства два года, что он находился в тюрьме. Причем делал это даже Геннадий Никольский, который за несколько лет до того утверждал, что не желает иметь с племянником «ничего общего»⁶ Это обстоятельство доказывает твердое убеждение представителей приходского духовенства в необходимости оказывать поддержку членам семьи, в любой жизненной ситуации

Таким образом, быт пастырских семей Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX века отличался простотой и практичностью. Часто клирики жили в весьма стесненных финансовых обстоятельствах. Важную роль в семье играла жена священника. Именно она отвечала за ведение домашнего хозяйства и воспитывала детей. Это позволяло клирикам не только выполнять свои служебные обязанности, но и достигать успеха на данном поприще. Родственные взаимоотношения в среде приходского православного духовенства строились на традициях взаимопомощи. Представители одной семьи осознавали свою ответственность за её менее защищенных членов и не переставали оказывать им поддержку, даже если они серьезно отступали от принятых в обществе и семье норм поведения.

¹ Там же. Л.80

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Издание седьмое, пересмотренное и дополненное. СПб.: Изд-во Н.С. Таганцева, 1892. С. 588

³ ГАОО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207. Л.89

⁴ Там же. Л. 92а,

⁵ Там же 95 об., 98об

⁶ Там же. Л. 99-99об, 115-116, 123об

МАТЕРИАЛЬНО-ВЕЩНАЯ СРЕДА ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.П. Палецких
Южно-Уральский государственный
аграрный университет
palenad@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах Большого Урала периода Великой Отечественной войны анализируется материально-вещная сторона городской повседневности. Основное внимание уделено бытовым вещам массового потребления и отношению к ним горожан. Показаны изменения в статусе и функциях вещей, рассмотрены социальные практики организации и использования материально-вещной среды в обстановке тотального дефицита. Отмечена социальная дифференциация в промтоварном обеспечении городского населения, охарактеризованы отдельные аспекты отношений между людьми по поводу вещей.

Ключевые слова: бытовые вещи, предметы массового потребления, городская повседневность, Урал, Великая Отечественная война.

MATERIAL-PROPRIETARY ENVIRONMENT OF URBAN EVERYDAY LIFE IN THE URALS DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Nadejda P. Paletskih,
South Ural State Agrarian University
palenad@mail.ru

Abstract. The article is concerned with the material-proprietary side of urban everyday life, with the materials of the Great Urals during the Great Patriotic War being analyzed. The main attention is paid to the urban people's mass consumption and their attitude to things used every day. As the status and functions of things were changing, the social practices of organizing and using the material-proprietary environment in the situation of total deficit were considered. The social differentiation according to used goods was mentioned and some certain aspects of relationships between people based on used things were characterized.

Key words: everyday things, mass consumption items, urban everyday life, the Urals, the Great Patriotic War.

Тема городской повседневности на Урале вошла в региональную историографию Великой Отечественной войны относительно недавно и представлена небольшим числом специальных работ¹. В ее освоении сделаны лишь первые шаги, требуется расширение и углубление проблематики. Одним из перспективных объектов изучения представляется материально-вещная сторона повседневности и связанные с ней социокультурные изменения.

¹ Гонцова, М.В. Повседневная жизнь населения индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): Автореф. дис. ...канд. ист. наук / М.В. Гонцова. Екатеринбург, 2011. 30 с.; Палецких, Н.П. Повседневная жизнь населения индустриального центра в условиях режима военного времени: бытовые аспекты / Н.П. Палецких // GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942-1946. Т. 4. М.: МСНК; Нижний Тагил : НТГСПА, 2014. С. 206-230; Палецких, Н.П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны / Н. П. Палецких // Уральский исторический вестник. 2015. № 1(46). С. 59-53; Соловьева, В.В. Стратегии адаптации работников промышленных предприятий Урала к бытовым условиям военного времени (1941-1945) / В.В. Соловьева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 3(142). С. 23-36 и др.

Социально-антропологическая литература изобилует многообразием суждений о мире вещей и системах отношений людей к нему. Классической работой, посвященной проблеме «бытовых вещей», является труд Ж. Бодрийяра¹. В отечественных исследованиях последних десятилетий² активно используется типология режимов отношения людей к вещам, предложенная В.Б. Голофастом. По его мнению, первый режим (этап) характерен для традиционного и раннеиндустриального общества, второй – для развитого индустриального общества, третий – для современного постиндустриального общества³. Не вдаваясь в детальный анализ этой гипотезы, следует согласиться с М.А. Рыбловой в том, что «в предложенной типологии не нашлось места режиму экстремальности, который с неизбежностью формируется в любом обществе в условиях антропогенных катастроф»⁴. Свою позицию М.А. Рыблова обосновала на материалах Сталинграда военной поры. Задача нашей статьи – рассмотреть проблему на конкретно-историческом материале уральских городов, сконцентрировав внимание на вопросах включенности предметов массового потребления (ширпотреба) в социокультурный контекст региона глубокого тыла.

Жизненный опыт, по меньшей мере, двух поколений, накопленный в межвоенный период как коренными обитателями уральских городов, так и тем более недавними выходцами из деревни, характеризовался неприветливостью бытовых запросов, привычкой к скромному вещественному набору. Экономика товарного дефицита сформировала, по словам Е.А. Осокиной, «особую социальную психологию, культуру дефицита»⁵. Все социальные практики, связанные с организацией и использованием материально-вещной среды, выстраивались на дефицитарной матрице. С этой точки зрения уральский городской социум был готов к переходу на режим военного времени.

Важным признаком тыловой экстремальности надо считать сузившуюся до минимума возможность обзавестись новыми вещами жизненной необходимости: обувью, одеждой, бытовой утварью. Судя по архивным документам, в самом начале войны еще можно было что-то купить в свободной продаже по низким ценам. Массовой поведенческой реакцией на начало войны стало ажиотажное «запасничество». Спрос на предметы первой необходимости и объемы их продаж резко выросли. У торговых прилавков образовывались многолюдные возвратные очереди, сопровождаемые «паническими слухами» о том, что скоро не будет промтоваров и продуктов. Один из магазинов г. Челябинска с 14 по 20 июня 1941 г. продал мыла 850 кг, а с 20 по 24 июня – 1200 кг. Бюджетные обследования семей горожан показывают, что в начале июля 1941 г. в кооперативной лавке, например, в Уфе можно было приобрести сапожный крем, нитки, ламповые стекла⁶.

Во все последующее время войны свободная торговля промтоварами фактически исчезла. Их тотальный дефицит был предопределен как довоенным состоянием легкой и местной промышленности, так и сокращением выработки потребительских товаров для гражданского населения в условиях войны. На Урале ограничение централизованных поступлений промтоваров выявилось быстро. В четвертом квартале 1941 г. Челябинская область получила от запланированных фондов чулок – 3%, тканей – 20,6%, швейных изделий – 24,5%. Местной промышленностью и промкооперацией в третьем квартале этого года было изготовлено товаров ширпотреба в среднем на 100 человек населения на сумму 7,88 руб., в октябре – на 2,08 руб., а в декабре – 0. В разряд недоступных товаров попали ложки, тарелки,

¹ Бодрийяр, Ж. Система вещей / пер. с франц. / Ж. Бодрийяр. М.: Рудомино, 2001. 224 с.

² См., напр.: Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: Сб. статей. Новосибирск: Новосибирский госуд. ун-т, 2005. С. 6-49; Кринко, Е. Ф., Тажиудинова, И. Г., Хлынина, Т.П. Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: Жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 183-199 и др.

³ Голофаст, В.Б. Люди и вещи / В. Б. Голофаст // Социологический журнал. 2000. № 1-2. С. 58-65.

⁴ Рыблова, М.А. Мир вещей и культура городской повседневности в экстремальных условиях // Социология города. 2015. № 4. С. 25.

⁵ Осокина, ЕА. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1999. С. 233.

⁶ ОГАЧО. Ф.П-92. Оп. 5. Д. 35. Л. 66; ЦГИА РБ. Ф. 472. Оп. 8. Д. 1465. Л. 24-25.

стаканы, лапти, иголки, пуговицы. Самые настойчивые потребители в этой ситуации пытались достучаться до местных «верхов». Один из них, к примеру, обойдя все торгующие организации, дошел до Челябинского обкома партии с жалобой: *«Вот у меня нет пуговицы у брюк, я проволокой уже весь живот испортил и не могу нигде купить пуговицу»*¹.

Статистические данные свидетельствуют, что пик падения местного производства ширпотреба пришелся на 1941-1942 гг. Иллюстрацией могут служить сведения по Свердловской области, где промкооперация сократила выпуск ведер в 3,5 раза, утюгов в 10 раз, обуви из отходов в 3 раза, лаптей в 20 раз, игрушек в 5 раз. Из местного производства совершенно выпали кровати, примусные горелки, сумки, портфели, чемоданы, корыта, топоры и т.п.² По подсчетам А.А. Антуфьева, в 1942 г. в денежном балансе рабочих семей затраты на приобретение мебели и хозяйственных товаров равнялись 0,6% от всех расходов, на одежду, белье, обувь, ткани – 9,6%, на культтовары и предметы гигиены – 1,2%. За годы войны в семьях рабочих в 10-12 раз снизилось приобретение тканей, в 3-4 раза – обуви, в 40-120 раз – керосина. В 1944 г. душевое потребление (на одного человека в год) в целом по области составило в рублях: ниток – 0,70, трикотажа – 1,00, чулок-носок – 1,50, кожаной обуви – 3,20, резиновой обуви – 0,04³.

Кризис снабжения промтоварами усиливался на фоне роста городского населения за счет эвакуированных и трудмобилизованных. В силу времени и условий эвакуации в дорогу разрешалось брать лишь самое необходимое. Многие люди, полагая, что война и эвакуация ненадолго, приехали на Урал налегке. П.М. Ануприенко, прибывшая вместе с заводом в Чкалов, вспоминала: *«Приехали одетые по московским морозам – в легких полусапожках, туфлях. Бывало, обмотаем поверх обуви всякие тряпки – вот и валенки готовы»*⁴. Когда собирали в дорогу вещи эвакуируемому со школой К. Ржаксинскому, соседка удивлялась: *«Зачем вы берете свитер и теплую рубашку? А валенки зачем? Ведь война к зиме, наверное, кончится»*⁵. Для обустройства на новом месте приезжим понадобились прежде всего предметы домашнего обихода, одежда и обувь. В первые полгода проблему пытались решить путем сбора вещей среди местного населения. Позже правительство стало выделять особые централизованные промтоварные фонды для эвакуированных, но с 1943 г. они были переведены на снабжение на общих основаниях, т.е. по карточкам.

В уральских городах промтоварные карточки были введены с февраля 1942 г. Они выдавались на полгода с указанием количества купонов, подлежащих взиманию за каждую вещь. Государственный распределительный механизм в СССР периода войны, основанный на нормировании снабжения по принципу общественной полезности потребителей, поддерживал и направлял социальную стратификацию. Рабочие получали промтоварные карточки на 125 единиц, служащие – на 100, иждивенцы и дети – на 80. Однако скудость товарных ресурсов не позволяла гарантировать отоваривание карточек и в реальности карточная продажа была заменена ведомственным распределением по усмотрению начальства. Покупка промтоваров осуществлялась в системе отделов рабочего снабжения (ОРСов) на предприятиях по «биркам», ордерам, талонам, которые выделялись работникам прежде всего в качестве премий. А.И. Александрова вспоминала: *«За постоянное перевыполнение плана на 200 и более*

¹ ОГАЧО. Ф.П-288. Оп. 4. Д. 120. Л. 9; Д. 131. Л. 88; Д. 150. Л. 112; Ф.Р-274. Оп. 3. Д. 59. Л. 77.

² ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 5214. Л. 83-84.

³ Антуфьев, А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Урала в годы Великой Отечественной войны / А.А. Антуфьев // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937-1975). Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1981. С. 97, 99; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 239. Л. 62.

⁴ Федорова, А.В. Оренбург в годы Великой Отечественной войны. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1995. С. 35.

⁵ Цит. по: Потемкина, М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. С. 111.

процентов, за участие в общественной жизни цеха однажды мне дали талон на бесплатный пошив туфель... Сколько было радости, когда я получила новые «лодочки!»¹.

Социальная дифференциация в промтоварном обеспечении, привязка вещей к позиции человека в социальном пространстве проявлялись и в том, что бирки и вещи распределялись бесконтрольно дирекцией предприятий нужным людям или близкому кругу. На заводе № 50 в Свердловске при распределении швейных изделий рабочим было выдано только 9, а дирекции и начальникам цехов 74 костюма; белье и брюки достались лишь руководящему составу. На заводе № 72 за 9 месяцев 1944 г. промтовары получили всего 13% работников, половина которых относилась к командному составу. При этом часть из них взяли по 10 и больше вещей, а начальник одного из цехов получил 28 ордеров. Практика неумеренного самоснабжения вызывала крайне негативную реакцию простых людей. К примеру, жители Карабаша в 1944 г. писали на фронт: «Начальство сыто по горло и одеваются в то, что и в мирное время не видели сроду, им и все отоваривают»².

В условиях дисбаланса между потребительским спросом и товарным предложением бытовые предметы становились вещами «непрекращающегося потребления», подвергались многократной утилизации и приспособлению к нуждам хозяина. Главным местом приобретения вещей, бывших в употреблении, стали городские рынки. Мотивы обращения к «черному» или «серому» (безденежному, натуральному товарообмену) рынку были разными. Какая-то часть населения прибегала к нему с целью спекуляции, т.е. ради наживы, и именно эта квалификация рыночной стихии присутствует в официальных документах. Так, в справке по базарной торговле, поступившей в Свердловский обком ВКП(б) в ноябре 1941 г., утверждалось: «Колхозная торговля превратилась в рыночную спекулятивную торговлю». Газета «Красный Курган» в 1943 г. заметила: «Колхозных базаров нет даже в городах Кургане и Шадринске. То, что есть – место сосредоточения спекулянтов»³. Надо отметить, что в обстановке войны «черный» рынок на Урале проявлял признаки теневой экономики, архивные источники зафиксировали наличие скупки, перекупки, перепродажи, в том числе больших партий товаров. Эта тема пока не фигурировала в научных исследованиях и нуждается в специальном изучении. Нас интересует здесь иной аспект рыночных отношений: выход на рынок тех групп населения, которые вынуждены были решать проблему выживания. В обзорах базарной торговли повсеместно фиксировался размах продаж с рук ношенных вещей и предметов домашнего обихода, цены на которые намного превышали государственные.

Среди тех, кто распродал свое «барахло», было много эвакуированных и трудмобилизованных. В феврале 1942 г. властям Стерлитамака сообщалось, что среди 745 прибывших в город работников треста «Азнефтеразведка» нет ни одного, кто не продал своих вещей, подчас абсолютно необходимых. В это же время на базарах в Челябинской области ношенный мужской костюм стоил 1 тыс. руб., подшитые валенки – 600 руб., ведро – 120 руб., оцинкованный таз – 200 руб.⁴ Утилитарная ценность вещей меняла для продавцов свой смысл: с вещами расставались ради того, чтобы приобрести продукты питания. По свидетельству Н.И. Кулаевой, жившей в Миассе, за годы войны ей пришлось продать велосипед (1300 руб.), отрез (400 руб.), жакет (1800 руб.), юбку (800 руб.), пиджак (500 руб.), книги (200 руб.), шторы (200 руб.). Вырученные деньги шли на питание⁵. Покупателями чаще всего становились те эвакуированные граждане, у кого имелись деньги, но не было вещей. И в этом своем качестве, особенно в первый год войны, они воспринимались местным населением недружелюбно: за то, что «поднимают цены на базаре».

¹ Александрова, А.И. Девочки с патронного / А.И. Александрова // Женское лицо Победы. 100 документов о женщинах Челяб. обл. в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / Гл. ред. А.П. Финадеев, отв. сост. Е.П. Турова. Челябинск: ЧПО «Книга», 2001. С. 199.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 240. ЛЛ. 91-94, 108-116; ОГАЧО. Ф.П-314. Оп. 1. Д. 208. Л. 9.

³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 147. Л. 101; Красный Курган. 1943, 25 июня.

⁴ ОГАЧО. Ф.П-288. Оп. 6. Д. 360. Л. 16; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 21. Д. 387. Л. 266.

⁵ Чухарева, Н.Н. Жизнь и быт жителей Миасса // Сборник материалов научной конференции «Симоновские чтения», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Сост. Д.В. Баннова. Миасс: «Мастерская Правдина», 2016. С. 155.

Другая одна грань, связанная с вещами эвакуации. 16 февраля 1942 г. вышло постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими, эвакуированными на Восток». В передовой статье газеты «Правда» 18 февраля, разъяснявшей суть постановления, подчеркивалось: *«Коль скоро война принудила к эвакуации, коль скоро заводы расположились в глубине страны, рабочим и служащим этих предприятий надо осесть на новых местах»*. По поводу такого решения люди открыто высказывали недоумение и недовольство, беспокоились о судьбе имущества, оставленного в прежних квартирах: *«При эвакуации, обманули, теперь последние вещи, которые годами наживались, отнимают...и люди превращаются в нищих»*. Рабочие подавали заявления, в которых просили часть имущества им вернуть, а часть продать через комиссионные магазины и отдать деньги. Для решения этих вопросов создавались заводские комиссии, но результаты их работы автору неизвестны. Очевидно, что сколько-либо серьезно повлиять на ситуацию рядовые работники не могли. Это могла сделать и сделала для себя номенклатура. Молотовский обком партии сообщал в ЦК ВКП(б), что на ряде эвакуированных заводов директора и их заместители после выхода постановления сумели срочно отправить свои семьи в Москву¹.

Дефицит новых предметов, рыночная дороговизна диктовали такие способы продления жизни вещей, как приспособление для новой функции, починка и перелицовка, донашивание младшими поколениями, использование по очереди. Важнейшими адаптационными практиками выступали самоделки и ремонт. Из воспоминаний В. П. Тимофеевой: *«Ходить в школу старались все. Учились в две смены. Вторая обувь была по очереди. Форму старались шить сами. У многих одежда была в заплатках, но школу не пропускали никогда...Чернила были из разведенной сажи, ближе к концу войны стали разводить химические карандаши; на чистописании многие писали на оберточной бумаге, а на уроках писали на склеенных газетах – там, где было свободное место: на краях, между строк»*².

В переделке и приспособлении вещей «под себя» важны были навыки рукоделия, умение отремонтировать какой-либо предмет, изобретательность. В помощь умельцам печатались полезные советы, описывающие, например, технологию изготовления обуви с использованием старых калош, резины, дерева, полосок холста, картона, гвоздей, проволоки. Такими советами могли воспользоваться те, кто имел хоть какое-то домашнее хозяйство и соответственно личный «фонд вторсырья». И они никак не могли быть применены обитателями заводских общежитий, т.е. основным занятым населением уральских городов военных лет. Для них ремонтной базой служили ОРСовские починочные и пошивочные мастерские.

Общежития в то время являлись преобладающим видом жилья для уральских рабочих. Они были устроены в бараках, полужемлянках и иных сооружениях временного типа, перенаселены и неблагоустроены³. В них сооружались нары в 2-3 яруса, не хватало постельных принадлежностей и мебели, матрасы набивались соломой. Проверка 982 общежитий разных ведомств в Молотовской области в 1943 г. выявила, что 61 % их не имеют умывальников, 77 % - сушилок для одежды. В Лысьве 77 % общежитий были оборудованы сплошными нарами⁴. Общежития заселялись по производственно-цеховому принципу и зачастую носили смешанный характер: в них проживали подростки и зрелые люди, одинокие и семейные. Но в немалом числе имелись и отдельные общежития для рабочей молодежи. Ее материально-бытовое положение оценивалось, например, Свердловским обкомом партии в октябре 1942 г. так: у большинства молодых рабочих-одиночек нет смены белья, обуви,

¹ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 110. Л. 69, 70; Д. 128. Л. 17.

² Колмурзина, Р.Г. Дети войны / Р.Г. Колмурзина // Сборник материалов научной конференции «Симоновские чтения», посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Сост. Д.В. Баннова. Миасс: «Мастерская Правдина», 2016. С. 62.

³ Подробнее см.: Палецких, Н.П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск: ЧГАУ, 2007. С. 80-81.

⁴ Звезда. 1943, 9 апреля.

единственное платье загрязнено, есть случаи, когда из-за отсутствия обуви работают босиком на цементном полу; не организована стирка белья, починка¹.

В течение войны принимались меры по благоустройству общежитий и юнгородков, но они сводились к самым неотложным делам: ремонту печей, засыпке утеплителей в каркасно-засыпных бараках, заделке щелей в стенах, побелке, замене нар на топчаны или деревянные кровати, обеспечению жильцов постельным бельем. Во время месячника в 1943 г. в Челябинской области отремонтировали 802 общежития, изготовили для них 5 тыс. табуреток, 4 тыс. тумбочек, 600 столов, 500 бачков. Кое-где создавали образцовые общежития, куда заселяли молодых передовиков производства. На Ижевском машиностроительном заводе в такое общежитие вселились 45 бригадиров комсомольско-молодежных бригад. Здесь было чисто, имелись шторы на окнах, скатерти на столах, заправленные койки, цветы². Но такие общежития, где вещи коллективного пользования наряду с выполнением прагматической функции символизировали «культурный» образ жизни ударников, на Урале были единичны.

В конце войны местными властями была обозначена назревшая гуманитарная проблема: *«Та молодежь, которая пришла в промышленность в 1941 году подростками, теперь взрослые люди, желающие создать семьи. Не помогать им в этом – не только наносить ущерб производству, но и преступление с точки зрения простой человеческой морали...Желание трудящихся жить лучше будет возрастать...А нет элементарного: ложек, кружек...кроватьей, столов, стульев, т.е. ничего...Даже в условиях войны это нельзя терпеть»³.*

Отношение жильцов общежитий к вещам выявляет общую тенденцию нарастания области девиантного поведения в тылу до той степени, когда социальная аномалия становится нормой. В частности, массовое распространение получили кражи личных вещей, разворывание постельного белья, т.е. того, что можно вынести из общежития и продать на базаре. Бережливое отношение к одежде или обуви (а только они и были личным имуществом обитателей общежитий) могло состоять лишь в том, чтобы уберечь их от кражи: не снимать вообще или укладывать под голову на время сна. В дневнике Б.С. Катаева есть такая оценочная запись (24 февраля 1944 г.): *«Вообще воровство развелось сейчас в сильнейшей степени...Экономика толкает на антиобщественные поступки. И никакая казуистика по поводу того, что не все же воруют, здесь не поможет. Кто-то ворует «на законном основании» (блат), кому-то случай не подвертывается, кому-то трусость мешает, но так или иначе всеобщая нехватка действует развращающе, и мораль явно в упадке»⁴.*

Ценность вещей в тыловых регионах, в том числе на Урале не исчерпывалась функцией личного или коллективного потребления, она приобрела оборонный статус. С сентября 1941 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) «О сборе теплых вещей и белья для Красной Армии среди населения» в советском тылу развернулось движение добровольных пожертвований, принявшее характер общегосударственного мероприятия с разверсткой заданий по областям и районам. Собирали полушубки, овчины, валенки, фуфайки, теплое белье, шерсть, рукавицы, шапки, ватные брюки, куртки. Б.С. Катаев 18 сентября 1941 г. записал в дневнике: *«Кое-какие признаки истощения, по крайней мере, по линии легкой промышленности, имеются. Я имею в виду сбор вещей для Красной Армии. Подарки в действующую армию посылать – это дело обычное, но создавать под председательством Андреева⁵ специальную комиссию и чуть ли не в порядке налога определять количество вещей, которые должны быть собраны по каждому району, - это уже похоже на крайнюю меру...В общем, так или иначе, а сегодня сдаю пару белья (единственную свою смену), наволочку, полотенце, рукавицы и байковую пеленку на портянки. И представьте себе, что я,*

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 67. Л. 34.

² ОГАЧО. Ф.П-288. Оп. 7. Д. 38. Л. 17; Удмуртская правда. 1944, 6 июля.

³ ПермГАНИ. Ф. 105. Оп. 11. Д. 146. ЛЛ. 41, 46.

⁴ Катаев, Б. С. Повседневность и война: Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. Санкт-Петербург: Издательский дом «Первоград», 2016. С. 209.

⁵ А.А. Андреев – секретарь ЦК ВКП(б), член Политбюро ЦК ВКП(б).

зампредседателя Областной плановой комиссии, не в состоянии больше ничего сдать, не рискуя сам остаться в чем мать родила. Бедно, ой как бедно живет народ в нашей стране»¹.

Вещи для фронта изыскивались при любых обстоятельствах. Для их изготовления организовывались кружки кройки и шитья, проводились «вечера красных пряж», «красные посиделки». По сбору вещей велась немалая агитационно-массовая работа, но она не могла дать установленных сверху результатов. Примечательно выступление на сессии Челябинского областного совета 24 ноября 1941 г. зам. председателя облисполкома М.Д. Ковригиной: *«Валенки, конечно, не у каждого есть, их трудно бывает купить. Но наволочки верхние и нижние, простыни, портянки летние можно найти...Можно было прийти в селе к любой старушке и сказать ей – это важное мероприятие, и что она оставила себе покрыться, когда она умрет, то она бы разрешила и отдала. Но это нужно рассказать...Мне, товарищи, хочется сказать, что каждый чувство жгучего стыда должен испытывать, каждый в своем сердце должен чувствовать глубокую вину, лежащую на каждом из нас за каждый обмороженный палец бойца, руку или ногу. Чувство жгучего стыда должен испытывать каждый, который носит здесь свитру, шарф и т.д., в то время как боец имеет обмороженное ухо или палец. Вот так нужно подойти к этому важному государственному делу»².*

Анализ уральских материалов позволяет сделать некоторые выводы. В долговременной экстремальной обстановке войны на передний план выходила прагматическая суть вещей, в восприятии людей они возвращались на первичный уровень функциональности: кровать – приспособление для сна, ботинки – защита для ног, стул – конструкция для сидения и т.д. Максимальная функциональность вещей свидетельствовала о всеобщем (за малым и бросающимся в глаза исключением) оскудении материально-вещной среды городской повседневности. Социальные практики добывания и использования вещей различались в зависимости от статуса людей в социальном пространстве, но в любом случае носили адаптационный характер «ухищрений от бедности». Вещи не первой жизненной необходимости (шелковое платье, украшения, книги, игрушки и т. п.) становились символами прежней мирной жизни и их приобретение могло отражать стремление «уйти от войны».

¹ Катаев, Б.С. Повседневность и война: Челябинский дневник 1941, 1943, 1944. Санкт-Петербург: Издательский дом «Первоград», 2016. С. 53-54.

² Летопись Челябинской области: Сб. док. и материалов. Т. 3. 1941-1945 / [сост.: Е. П. Турова, И.С. Янгилова; гл. ред. А.П. Финадеев; науч. ред. Н.П. Палецких]. Челябинск: Книга, 2008. С. 79.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОРОДОВ ЮЖНОГО УРАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Н.Л. Усольцева
Институт агроинженерии
Южно-Уральский государственный
аграрный университет
usolnatal@yandex.ru

Аннотация. Одной из задач советского здравоохранения в 1941-1945 гг. стало сохранение эпидемического благополучия тыла. Партийные и государственные органы уделяли повышенное внимание проблемам транспортной, коммунальной, промышленной, школьной и пищевой санитарии на Южном Урале. В статье анализируются подходы к решению возникших вопросов, особенно в области обеспечения городского населения здоровым питанием.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, здравоохранение, Южный Урал, пищевая санитария.

THE PROBLEM OF ENSURING SANITARY AND EPIDEMIC WELLBEING OF THE CITIES OF THE SOUTHERN URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Natalia L. Usoltseva
Institute of agricultural engineering
South Ural state agrarian University
usolnatal@yandex.ru

Abstract. One of the tasks of Soviet health care in 1941-1945 was the prevention of epidemics in the rear. Public authorities paid special attention to the problems of transport, municipal, industrial, school and food sanitation in the southern Urals. The article analyzes the approaches to resolving the issues, especially classical problem in public health nutrition.

Key words: Great Patriotic war, health care, southern Urals, and food sanitation

Комплекс санитарных и эпидемических мероприятий, направленных на профилактику распространения различного рода заболеваний среди населения относится к стратегическим задачам государства. Значимость этого направления социальной сферы существенно возрастает в военные и кризисные периоды. Опыт решения проблем обеспечения санитарно-эпидемического благополучия в годы Великой Отечественной войны является актуальным в свете сложившейся современной неблагоприятной экологической и санитарной ситуации в крупных мегаполисах и промышленных центрах Российской Федерации.

С началом Великой Отечественной войны масштабная миграция населения, оккупация западных областей и военные действия, развернувшиеся на значительной территории СССР, лишения и беды негативно сказались на эпидемической обстановке. На Южном Урале увеличилось количество инфекционных заболеваний¹. Возросший риск распространения острозаразных инфекций на фронте и в тылу выдвинул в ряд первоочередных задач проблему санитарно-противоэпидемического благополучия в стране. Обстановка, в которой проводилась санитарная работа, была сложной.

О чрезвычайной остроте ситуации свидетельствует экстренное принятие Наркомздравом

¹Корнилов, Г.Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны / Г.Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. 2015. № 4(49). С. 112–121.

СССР совместно с Народным комиссариатом путей сообщения положения «О медико-санитарном обслуживании населения, эвакуируемого из угрожаемых районов» 30 июня 1941 г. Документ предусматривал целый комплекс противоэпидемических мероприятий, которые должны были осуществлять территориальные органы здравоохранения и врачебно-санитарная служба транспорта. Несмотря на детальную продуманность и обстоятельность, в тяжелейших условиях начального периода войны положение оказалось невыполнимым.

Программным документом о совместной работе органов здравоохранения и Главного военно-санитарного управления по предупреждению распространения заразных болезней в стране и армии стало издание 2 февраля 1942 г. постановление Государственного Комитета Обороны «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии»¹. Постановление касалось как районов тыла, так и освобождаемой от противника территории страны. Санитарная работа приобрела профилактический, предупредительный характер.

Нарком здравоохранения СССР Георгий Андреевич Митерев был назначен одновременно уполномоченным Государственного Комитета Обороны по противоэпидемической работе и наделен в связи с этим чрезвычайными полномочиями. В 1942 г. в крупных лечебных учреждениях была введена должность заместителя главного врача по противоэпидемической работе. Большое внимание уделялось санитарно-просветительной работе.

Следует учитывать, что за санитарное состояние жилых, промышленных, пищевых и прочих объектов несли ответственность те ведомства, к которым они принадлежали, а органы здравоохранения в отношении них выполняли функции надзора. Санитарное обслуживание населения и полный охват санитарным надзором всех отраслей производства, труда и быта, в особенности пищевой промышленности и общественного питания осуществлялось санитарной инспекцией населенного пункта. Санитарные инспекторы, осуществляя санитарный надзор, проверяли состояние предприятий, учреждений и мест общественного пользования; производили пробы и выемки продуктов для анализа; обладали правом наложения запрета на использование и хранение предметов, вредных и опасных для здоровья; давали распоряжения о проведении санитарных мероприятий, связанных с соблюдением санитарно-гигиенических норм и правил, с указанием сроков их исполнения; могли приостановить деятельность предприятий-нарушителей санитарного законодательства и привлечь виновных к уголовной или дисциплинарной ответственности. В зависимости от цели и характера проводимых мероприятий можно выделить направления санитарной деятельности учреждений здравоохранения в годы войны: санитарно-противоэпидемическая работа на транспорте; коммунальная, пищевая, промышленная и школьная санитария.

Особую актуальность в годы войны приобрела пищевая санитария. Вовлечение в промышленность эвакуированных, населения из сельской местности, удлинение рабочего дня и введение сверхурочных работ на предприятиях, массовый приход на производство домохозяек, трудности с продовольствием и топливом потребовали расширения сети общественного питания; увеличилось число лиц, пользовавшихся столовыми. Доля общественного питания в общем объеме товарооборота поднялась с 13 % в 1940 г. до 23 % в 1942 г.² В Челябинске в течение 1942 г. сеть общественного питания выросла на 59 единиц, в Копейске – на 33, в Магнитогорске – на 36, в Троицке – на 26.³ В Чкаловской области только в 1942 г. количество предприятий общественного питания удвоилось, а численность столоующихся – более чем утроилось.⁴

Организация общественного питания рабочих и служащих имела важное значение для

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. В 6-ти т. Т. 2. / ред. П.Н. Поспелов, Е.А. Болтин, В.П. Московский и др. М.: Военное издательство МО СССР, 1961. С. 563.

² Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Военно-исторические очерки. В 4 книгах. Книга 4. Народ и война. М., 1999. С. 103.

³ ОГАЧО. П.Ф. 288. Оп. 7. Д. 224. Л. 16.

⁴ Обеспечение продовольствием оренбуржцев в годы войны / Г.И. Хвостова // Роль Урала как арсенала Победы. Тез. докладов региональной науч. конференции. Челябинск, 2000. С. 97.

успешной работы заводов и фабрик. С другой стороны, сеть общественного питания (столовые, буфеты и пр.) могла послужить причиной массовых инфекционных заболеваний (особенно передающихся воздушно-капельным путем) и отравлений из-за недоброкачественной пищи и большого скопления людей в помещениях. Существующая сеть общественного питания не соответствовала возросшему городскому населению, что вело к перегрузке столовых. Обедать приходилось в несколько смен, помещения не успевали проветривать, проводить в них влажную уборку, многие учреждения общепита находились в антисанитарном состоянии. Так, в столовой № 13 Челябинска питалось 6 тыс. человек при пропускной способности 1800 человек; в столовой при шахте 7/8 Копейскугля питалось 1568 рабочих вместо 700 – 800 человек. Столовые облторга Курганской области при наличии 385 посадочных мест обслуживали 700 столоющихся.¹ Под столовые приспособлялись склады, полуподвальные помещения и т.д.

Но, несмотря на большой риск распространения заболеваний, пищевой саннадзор в регионе вплоть до 1943 г. не уделял должного внимания этой сфере. Это объясняется большим объемом работы, отсутствием квалифицированных кадров, низкой материальной обеспеченностью, отвлечением сил и средств на более приоритетные направления. Со второй половины 1943, в связи с уменьшением объема работ и укреплением кадрового состава ГСИ, учреждения и организации общественного питания стали подвергаться строгим проверкам. В 1945 г. по причине антисанитарного состояния Челябинская областная ГСИ закрыла рабочие столовые № 27 ММК, № 15 РУ и № 5 шахты 7/8 Копейска.² Сеть общественного питания стала зоной особого внимания органов здравоохранения. Это улучшило положение, но не решило окончательно всех проблем. Основными недостатками в работе столовых оставались: плохое снабжение топливом, перебои с водой для мытья посуды, отсутствие посуды, спецодежды, уборочного инвентаря, низкое качество кулинарной обработки пищи (отсутствие лука, овощей в блюдах), как следствие — невитаминизированная, однообразная и невкусная пища.

К концу войны активизировалась деятельность государственной санитарной инспекции по обеспечению санитарно-гигиенических норм и правил на перерабатывающих предприятиях. В 1945 г. ГСИ была проведена проверка 6 мясоперерабатывающих предприятий Челябинской области. Самым благоустроенным и отвечающим нормам пищевой санитарии был признан Троицкий мясокомбинат. В ветхих помещениях, не отвечающих санитарным нормам, располагался Златоустовский мясокомбинат. Проведение забоя скота в непригодных местах, отсутствие ветеринарного осмотра до забоя послужило причиной пищевых отравлений мясом, имевших место в столовой сельскохозяйственной опытной станции Чебаркульского района и в Златоусте 20 июня 1944 г. и 9 мая 1944 г. соответственно.³

Недостаток молочной продукции в рационе южноуральцев усугублялся неудовлетворительным санитарным состоянием молочной промышленности. Все без исключения помещения молокоперерабатывающих предприятий требовали к концу войны капитального ремонта. Отсутствие спецодежды, недостаток льда, плохая обработка посуды приводили к поступлению кислого молока на молокозаводы, из которого без предварительной пастеризации производили выработку молочнокислой продукции. Что в условиях неблагополучия по бруцеллезу во многих районах Южного Урала являлось недопустимым. Так, при проверке на Увельском молокозаводе (Челябинская область) отмечалось, что в незакрытых «ваннах со сметаной и творогом плавают мухи, солома. Фляги с молоком во время загрузки ванн льдом не закрываются. Сотрудники работают в грязной спецодежде. Свободно ходят посторонние лица. Территория двора занавожена, уборка не производится».⁴ Органами ГСИ принимались решительные меры по устранению выявленных недостатков.

Серьезные опасения в годы войны вызывало обеспечение населения питьевой водой. В условиях недостаточной мощности канализационных сетей применялись так называемые

¹ ОГАЧО. П.Ф. 288. Оп. 7. Д. 224. Л. 16; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 58. Л. 9.

² ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 7. Д. 128. Л. 56.

³ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 7. Д. 128. Л. 55.

⁴ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 7. Д. 128. Л. 55.

временные канализационные стоки, по которым сточные воды безо всякой очистки уходили в близлежащие реки и водоемы. Подобные меры не способствовали санитарному благополучию южноуральского региона. Так, например, завод ЗИС в районе г. Шадринска промышленными и канализационными сбросами загрязнял р. Исеть и делал невозможным употребление воды в качестве питьевой без предварительного кипячения. Об угрожающей ситуации было заявлено в январе 1942 г. Шадринским горкомом ВКП(б) горкомхозу.¹ Чрезвычайной степени загрязнения р. Миасс в районе г. Челябинска способствовал сброс сточных вод фекально-хозяйственной канализации (ее пропускная способность достигала 24000 м³ в сутки) без всякой очистки. Ниже сброса сточных вод размещались поселки Першино, Бакал, Кирпичного завода. Это негативно влияло на рост показателей заболеваемости в городе. ЧТЗ также не имел промышленной канализации и заболачивал соседние участки земли, сбрасывая воду сточной канавой в оз. Первое.² Троицкий пивзавод Горпищекомбината Челябинской области, находившийся в центре города, из-за неисправности канализации сточные воды спускал прямо на улицы райцентра. Дважды ГСИ выносила решения о закрытии этого предприятия, но безрезультатно. Пивзавод продолжал загрязнять городские улицы, выявленные недостатки не были устранены.³

Недостаток молочной продукции в рационе южноуральцев усугублялся неудовлетворительным санитарным состоянием молокоперерабатывающих предприятий, которые к 1945 г. без исключения требовали капитального ремонта. На молокозаводы по причине неудовлетворительной обработки посуды, недостатка льда, отсутствия спецодежды и т.п. поступало кислое молоко. Молочная и молочнокислая продукция зачастую вырабатывалась без пастеризации. Несоблюдение правил содержания животных и правил пищевой санитарии создавало угрозу распространения бруцеллеза. Для борьбы с ним в первые годы войны был усилен санитарный надзор за хозяйствами, неблагополучными по бруцеллезу, молокоперерабатывающими предприятиями, введен лабораторный анализ молока в молочно-контрольных станциях, поступающего на рынки. В результате в Челябинской области в 1942 г. снизилось количество свежих заболеваний на 49% по сравнению с 1941 г.⁴ В целом в годы войны на Южном Урале партийными, советскими, профсоюзными органами и учреждениями здравоохранения проводились масштабные санитарно-противоэпидемические мероприятия, направленные на снижение инфекционной заболеваемости и недопущение эпидемий в регионе. Реализовывалась продуманная система мер по снижению негативного воздействия социально-экономических, биологических, природно-климатических факторов на здоровье населения. В условиях военного времени, обусловленных значительным отвлечением ресурсов из сферы жизнеобеспечения, оправданными являлись чрезвычайные методы, применявшиеся в профилактике и предупреждении инфекционных заболеваний. Предпринятые партией и правительством меры позволили снять остроту сложившейся ситуации, но всех вопросов обеспечения эпидемического благополучия тыла не разрешили.

¹ Усольцева, Н.Л. Обеспечение санитарно-эпидемического благополучия Южного Урала в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] / Н.Л. Усольцева // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 1. С. 132. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_27495327_26028726.pdf.

² ОГАЧО. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

³ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 7. Д. 128. Л. 56.

⁴ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 7. Д. 110. Л. 3.

ИГРА «ХРАБРОГО АРДАШИРА»: ОПЫТ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА УЧАСТНИКОВ СОРЕВНОВАНИЙ ПО НАРДАМ¹

Е.П. Шульга
Сургутский государственный педагогический университет
head_histori@surgpu.ru
С.Д. Ефимов
Федерация спортивных нардов Ханты-Мансийского
автономного округа Югры
efimov@yusp24.ru
В.В. Медведев
Сургутский государственный педагогический университет
vlad.etno@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи определяют потребности и состояние современного российского общества, характеризуемого этнической, культурной и конфессиональной мозаичностью. Нарды являются динамично развивающимся во всём мире, и в Российской Федерации в частности, видом спорта и требуют к себе более пристального внимания. На «языке» нардов общаются во всём мире, что вполне можно предположить, поспособствует решению глобальных проблем.

Ключевые слова: нарды, этносоциологический опрос, игра, партнёр, игроки, диалог.

THE GAME «BRAVE ARDASHIR»: EXPERIENCE OF ETHNO-SOCIOLOGICAL QUESTIONNAIRE OF PARTICIPANTS OF COMPETITIONS ON BACKGAMMON

Evgeniy P Shulga
Surgut State Pedagogical University
head_histori@surgpu.ru
Sergei D. Efimov
Federation of sports backgammon of the
Khanty-Mansiysk autonomous district–Yugra
efimov@yusp24.ru
Vladislav V. Medvedev
Surgut State Pedagogical University
vlad.etno@mail.ru

Abstract. The relevance of article is defined by requirements and a condition of the modern Russian society which characterized by ethnic, cultural and confessional diversity. Backgammon is dynamically developing sport in all over the world and in the Russian Federation in particular, and require a more specific attention. The «language» of Backgammon communicate around the world that it is possible to assume that it will contribute to solving global problems.

Key words: backgammon, ethno-sociological questionnaire, game, partner, players, dialog.

Проведение комплексного этносоциологического опроса предполагает создание систематизированного и структурно обоснованного перечня вопросов с последующей обработкой полученных результатов. Благодаря организации подобных исследований

¹ Опрос реализован при поддержке Региональной общественной организации «Федерация спортивных нардов Ханты-Мансийского автономного округа–Югры».

предоставляется возможность проследить такие неоднозначные явления как идентичность, социально-этнические, этноправовые, этнокультурные, этноязыковые, этнодемографические, этнополитические и этнопсихологические процессы, протекающие в городском пространстве. Результаты опроса презентуют социально-экономическую, политическую и социокультурную ситуацию. Они могут послужить основой мониторинга протекающих процессов в целях профилактики ксенофобии и экстремистских настроений в обществе, что необходимо при условии обострения политических, социально-экономических, межэтнических и межконфессиональных противоречий.

Нарды являются игрой, которая объединяет, имеющей международное значение. Например, это ежегодные Чемпионаты мира в Монте-Карло и другие крупнейшие турниры по всему миру. В 2015 г. международный турнир по игре в нарды состоялся в Сочи. Организатором являлась Общероссийская физкультурно-спортивная общественная организация «Федерация спортивных нард». На этом турнире встретились русские и украинцы, абхазы, осетины и грузины, азербайджанцы и армяне, турки и греки, татары, немцы, японцы, норвежцы и многие другие. В 2017 г. аналогичный турнир состоялся уже в Казани.

Крупным событием станет Этап Кубка мира по коротким нардам / The Backgammon World Series в Сочи 25–29 апреля 2018 г. Помимо международных встреч Общероссийская физкультурно-спортивная общественная организация «Федерация спортивных нард» проводит регулярные Чемпионаты России и другие представительные турниры. Несмотря на деятельность Федерации и многочисленных сторонников игры, нарды, к сожалению, до настоящего времени не внесены в реестр видов спорта.

Нарды – игра, которую многие наши соотечественники считают родной, потенциально имеющая большие межэтнические и межконфессиональные коммуникативные возможности. Этносоциологический опрос, реализованный на соревнованиях по игре в нарды, организованных «Федерацией спортивных нард Ханты-Мансийского автономного округа–Югры» (г. Нижневартовск) демонстрирует достаточно многогранные результаты. Кроме конкретных сведений он позволил апробировать научный теоретико-методологический инструментарий. Опыт, приобретённый в ходе опроса и обработки материалов – это будущая реализация подобных научно-исследовательских проектов.

Вводный комментарий

1. В этносоциологическом опросе приняло участие 46 человек, среди которых мужчин – 43 человека, женщин – 3 человека (2 русских и 1 азербайджанка). В процентном соотношении: мужчин – 93,48 %, а женщин – 6,52 %. Безусловно, игре в нарды мужчины отдают предпочтение.

2. Этническая принадлежность участников игры в нарды достаточно разнообразна. Это – русские (19 человек), азербайджанцы (17 человек), татары (4 человека), украинцы (2 человека), башкиры (2 человека) и армяне (2 человека). Поскольку турнир был организован совместно с национально-культурной организацией азербайджанцев, то именно представители этой этнической группы приняли наиболее активное участие. При проведении Федерацией самостоятельного турнира этнический состав, естественно, выглядит иначе.

В процентном соотношении наблюдаем следующую картину: наибольшее количество респондентов, отметивших себя как русские – 41,3 % и как азербайджанцы – 36,95 %. Респондентов, указавших себя татарами – 8,69 %, украинцев – 4,35%, башкир – 4,35 %, армян – 4,35 %.

3. В возрастных категориях представлены следующие группы: от 10 до 17 лет – 1 человек, от 18 до 29 лет – 11 человек, от 30 до 39 лет – 8 человек, от 40 до 49 лет – 4 человека, от 50 лет и более – 22 человека.

В процентном соотношении это выглядит следующим образом: наибольшее число людей, играющих в нарды, являются представителями старшей возрастной группы от 50 лет и более – 47,82 %, следующие по численности группы от 18 до 29 лет – 23,91 %, от 30 до 39 лет

– 17,39%, от 40 до 49 лет – 8,69 %. Самая малочисленная и «молодая» группа от 10 до 17 лет – 2,19 %.

4. Абсолютное большинство участников соревнований увлечены игрой в нарды уже более 5 лет – 34 человека, от 1 до 3 лет в нарды играют 9 человек и до 1 года – всего 3 человека.

В процентном соотношении это выглядит следующим образом: 71,33% опрошенных играют в нарды более 5 лет, 19,56 % занимаются игрой от 1 до 3 лет и наименьшее число играют до 1 года – 8,71 %

5. Вопрос «Почему Вы играете в нарды?» подразумевал множественные варианты ответов и презентует следующие результаты. На первом месте – ради удовольствия (27 ответов), далее – личный интерес (11 ответов), общение с друзьями (10 ответов), общение с разными людьми (6 ответов), оттачивание профессионального мастерства (3 ответа). Интересным, по мнению организаторов опроса, был такой вариант ответа как «приобщение к традициям», но отмеченный только в 2 случаях.

6. Приоритеты в выборе партнёра для игры (при расстановке этнических предпочтений) достаточно разнообразны. Вопрос «С людьми, каких национальностей Вы чаще всего играете в нарды?», как и предыдущий, являлся множественным и подразумевал несколько вариантов. Ответы демонстрируют данные, что из общего количества 46 опрошенных с русскими предпочитают играть – 24 человека, с азербайджанцами – 20 человек, с татарами – 7 человек, с башкирами – 7 человек, с украинцами – 3 человека, с лезгинами – 3 человека, с чувашами – 1 человек. Играют в нарды с армянами (10 ответов). Таким образом, этническая мозаика игроков достаточно разнообразна, но, вероятно, существуют и определённые стереотипы, и предпочтения в выборе партнёра по игре.

При соотношении этнических принадлежностей респондентов и их партнёров по игре выявляются следующие закономерности.

Русские играют в нарды с представителями разных народов, но предпочитают моноэтнического партнёра, т.е. игра происходит между представителями одного народа. Друг с другом русские играют в большинстве случаев – 13 ответов. С представителями других народов играют в следующем порядке: азербайджанцы – 4 ответа, башкиры – 3 ответа, с представителями других народов, но не указавших их этническую принадлежность – 3 ответа, татары – 2 ответа, лезгины – 1 ответ.

Азербайджанцы предпочитают играть в нарды между собой – это наибольшее количество ответов – 11. С представителями других народов играют менее охотно. Например, с русскими – 5 ответов, с татарами – 1 ответ, с башкирами – 1 ответ, с другими – 4 ответа (не указали этническую принадлежность партнёров).

Достаточно разнообразная мозаика представлена татарами, играющими в нарды с азербайджанцами – 3 ответа, с русскими – 2 ответа, с украинцами – 2 ответа, между собой – 1 ответ, с чувашами – 1 ответ, с лезгинами – 1 ответ, а также 1 ответ был указан как с «другими».

Башкиры, однозначно, предпочитают видеть в качестве партнёров русских – 2 ответа, полученные от 2 участников соревнований, идентифицирующих себя башкирами.

Украинцы играют в нарды с русскими – 2 ответа и по 1 ответу – с украинцами, азербайджанцами и лезгинами.

Армяне предпочитают видеть в качестве партнёров русских – 2 ответа и азербайджанцев – 1 ответ.

Социологический комментарий

Самые крупные этнические группы игроков из представленной совокупности (это демонстрируют результаты опроса) русские – 41,3% и азербайджанцы – 36,95 %.

1. Русская группа игроков 5 % в возрасте до 17-ти лет, 31,5 % – до 29 лет, 15,7 % – до 40 лет, 10,5 % до 50 лет, 37 % – это более 50 лет.

Как презентует диаграмма № 1, что вполне ожидаемо, чем солиднее возраст игрока, тем больше его стаж игры. Данная зависимость, смеем предположить, прослеживается и для игроков других этнических групп. Интересна и другая зависимость.

Русские, играющие в нарды до 1-го года, предпочитают соперников следующих национальностей: русские – 100 %, азербайджанцев – 40 % или по 25 % лезгин, татар, украинцев, башкир (иногда указываются несколько национальностей). Выбор этнической принадлежности соперников (кроме русских), наверняка, определяется постоянным составом соперников.

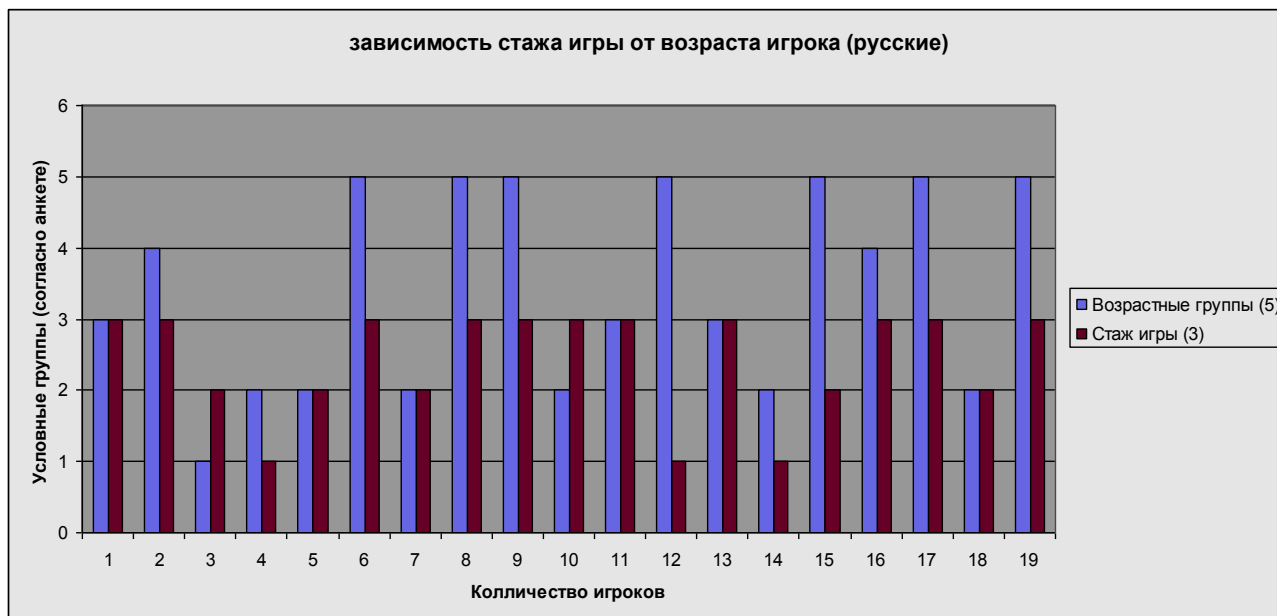

Диаграмма № 1. Русская группа игроков

Русские, играющие в нарды до 3-х лет, предпочитают соперников русских – 75 % или представителей других этнических групп – 25 %.

Русские, играющие в нарды более 5 лет, предпочитают соперников следующих национальностей: русские – 60 %, азербайджанцев – 27 %, башкир – 25 % или по 20 % татар, украинцев и представителей других этнических групп (иногда указывают несколько этнических групп). Кроме того, именно в этой группе игроки чаще всего играют ради общения с друзьями – 42 %.

Предварительно, можно предположить, что играющие в нарды русские, чем больше играют, тем больше проявляются у них чувства уважения к представителям иных этнических групп и тем больше у них появляется друзей разных национальностей, играющих друг с другом ради общения.

2. Азербайджанская группа игроков составляет 22 % – до 29 лет, 22 % – до 40 лет, 5 % до 50 лет и 51 % более 50 лет. Как видно из диаграммы № 2 большинство респондентов из числа азербайджанцев указало, что имеют стаж игры более 5 лет, вне зависимости от возраста (в отличие от русских).

Азербайджанцев, играющих в нарды до 1 года, в описываемой совокупности нет. Азербайджанцы, играющие в нарды до 3-х лет, играют ради личного удовольствия и предпочитают равное число соперников следующих национальностей – русские, азербайджанцы, башкиры.

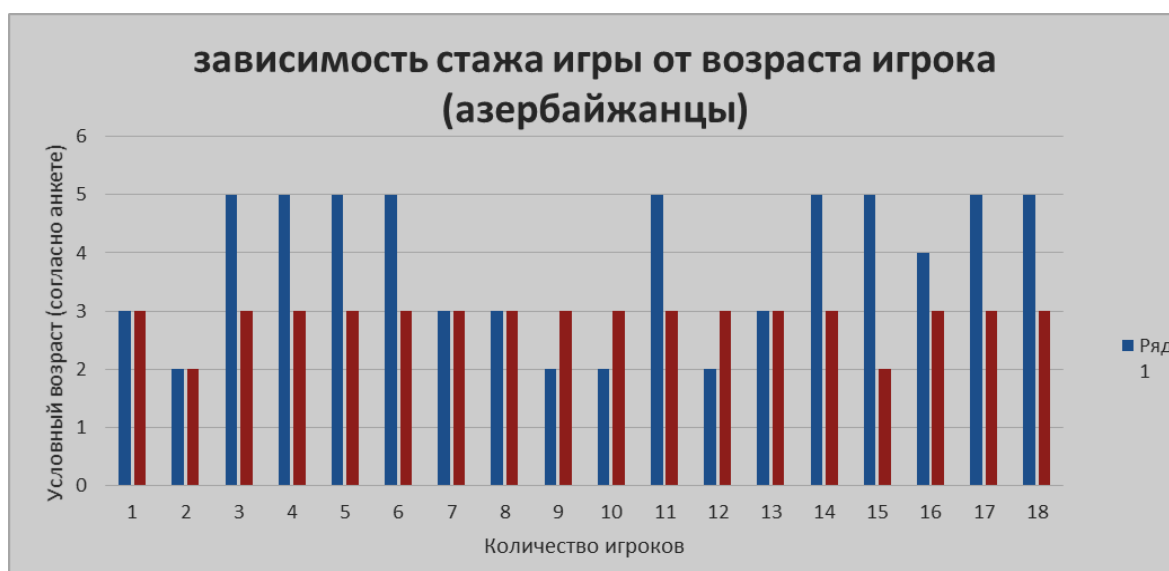

Диаграмма № 2. Азербайджанская группа игроков

Азербайджанцы, играющие в нарды более 5 лет, предпочитают соперников следующих национальностей: русские – 27 %, азербайджанцев – 80 % или 11 % представителей других этнических групп (иногда указывают несколько национальностей). 55 % этой совокупности играют ради удовольствия, а 22 % играют ради общения с друзьями. Игрой в нарды увлечены более 5 лет абсолютно все.

Заклучение

Очевидно, что у русских игроков прослеживается некая зависимость: чем дольше человек играет – тем больше безразличие к этнической принадлежности своего соперника. У азербайджанских игроков данная зависимость также прослеживается, но слабее. Однако мы видим, что азербайджанцы, чем дольше играют – тем больше ценят общение с друзьями, а это является рычагом влияния на националистические настроения. Подобные процессы, безусловно, приводят к межэтнической коммуникации и взаимному общению людей, идентифицирующих себя с разными этническими группами.

Можно ли говорить о влиянии нарда на воспитание национального взаимоуважения? Пока нет, поскольку необходимы дальнейшие исследования, закон больших чисел (чем больше респондентов, тем точнее результат) не отменён. Но мы видим, что прослеживаются некие корреляционные зависимости, требующие проверки и доказательства. Очевидно, что при дальнейшем исследовании возможно вскроются не только проблемы, но и рычаги влияния на националистические и ксенофобские настроения. Кроме того, необходимы не только социологические исследования, но, видимо, и этнографические изыскания с применением различных методик (например, включенного наблюдения). Перспективы у исследования однозначно есть.

Говоря о нардах мы, прежде всего, подразумеваем игру для двух игроков, т.е. людей, объединённых / увлечённых общим делом, не обращающих внимания на этническую принадлежность партнёра, также как и на его цвет волос или глаз. Во время игры не задумывающихся о конфессии или других характеристиках своего соперника.

Игра в нарды, безусловно, является диалогом, выстраиваемым между игроками. Неслучайно, во Владикавказе на одной из площадей установлен памятник именно двум горожанам, играющим в нарды. Исследование данного диалога – это перспектива изучения социокультурной ситуации и поиск решения определённых проблем, сопровождающих современное общество. Нарды, как язык общения, могут стать одной из связующих нитей, объединяющих наше полиэтничное и поликонфессиональное государство, что отвечает стратегии национальной политики.

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО И ТУРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

УДК 7
ББК 85

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТОК-ШОУ КАК МАРКЕР ОБРАЗА КРЕАТИВНОГО ГОРОДА

М.А. Беляева, Е.А. Ефремова
Екатеринбургская академия
современного искусства (институт)
2012marysia@mail.ru
trankusha1984@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется такая форма городского досуга как интеллектуальное ток-шоу, авторы описывают его типичные характеристики и анализируют существующий опыт г. Екатеринбурга на примере 4-х проектов: «Умная среда», «Бойцовский клуб», «Мозгобойня», «Куча речи», большее внимание уделив проекту «Куча речи». Авторы размышляют над мотивацией участников, над значимостью таких форм досуга для разных групп населения (особенно студенческой молодежи) и города в целом. Главный вывод отражен в названии статьи: популярность интеллектуальных ток-шоу добавляет ярких мазков к образу креативного города.

Ключевые слова: креативный город, креативный класс, интеллектуальное ток-шоу, нетворкинг, маркер образа города.

INTELLIGENT TALK SHOW AS A MARKER OF AN IMAGE OF A CREATIVE CITY

Maria A. Belyaeva, Ekaterina A. Efremova
Ekaterinburg Academy of contemporary art (institute)
2012marysia@mail.ru
trankusha1984@gmail.com

Abstract. This article analyzes this form of urban recreation as intelligent talk show, authors describe its typical characteristics and analyse existing experience of Ekaterinburg on the example of 4-h projects: «Umnaia Sreda» «Boicovskiy Klub», «Mozgobojnja», «Kucha Rechi», greater attention with the project «Kucha Rechi». The authors speculate on the motivation of the participants, over the significance of such forms of leisure activity for different groups of people (especially students) and the city as a whole. The main conclusion is reflected in the title of the article: the popularity of a smart talk show adds a bright smear the image of the creative city.

Key words: Creative City, creative class, intelligent talk shows, networking, image of the city.

В негласном соревновании российских городов-миллионников все имеет значение: как люди работают, как учатся, как отдыхают. Среди популярных форм отдыха жителей российских мегаполисов свое место заняли и интеллектуальные ток-шоу. Можно ли рассматривать их в качестве маркеров, указывающих на динамичность развития того или иного города, на его успешность и креативность?

Согласно Ричарду Флориде, автору теории креативного класса, для того, чтобы иметь экономический рост, города должны привлекать креативных интеллектуалов и создавать для них благоприятные условия, которые автор символически выразил в концепции «Трех Т»: технология, талант, толерантность. Новаторство во всех сферах городской жизни зависит от того, насколько эти три составляющие присутствуют в организации профессиональной

деятельности, быта и досуга. Интеллектуальные ток-шоу, на наш взгляд, отвечают концепции «Трех Т».

Под интеллектуальным ток-шоу мы подразумеваем такую форму активного досуга, которая: проводится в режиме реального общения на постоянной площадке; предполагает не физическую, а когнитивную активность, и, как ее результат, получение нового знания одними участниками от других; предполагает, что любой участник может играть и роль зрителя, и активного создателя этого шоу; имеет регламент проведения (временной, ролевой и др.), в том числе может содержать игровую и соревновательную составляющую; имеет характер клубной деятельности, подразумевающей общие интересы, наличие постоянного «ядра» участников, открытость для новых, в том числе разовых, участников; возможность прямого диалога между всеми участниками независимо от их роли в шоу и социальных статусов; не предполагает большого числа участников (типичные границы от 20 до 200 человек), т.е. носит камерный характер.

Для привлечения участников используются общие для событийного маркетинга приемы «раскрутки» таких форм досуга: собираться на известной площадке в центре города; сочетать интеллектуальные удовольствия с гастрономическими (еда, напитки, в том числе алкогольные); приглашать местных и заезжих «звезд» (артисты, политики, известные в своем сообществе профессионалы); активно задействовать сетевую рекламу.

Перечисленным характеристикам отвечает несколько екатеринбургских проектов: «Умная среда», «Бойцовский клуб», «Мозгобойня», «Куча речи» (полноту списка авторы не гарантируют).

Проект «Умная среда» позиционируется организаторами (журнал «Бизнес и жизнь») как образовательный проект – ток-шоу, собирающее экспертов на вдумчивый и откровенный разговор на широкий спектр тем (воспитание, образование, культура, политика, хобби, и отношение к религии, толерантность в обществе и бизнес и т.д.). Смыслы этого проекта – сравнение разных точек зрения и опыта, решение вопроса по-новому. Например, 21 февраля 2018 г. состоялось очередное заседание клуба, обсуждались тренды современного «оскароносного» кино. Проект некоммерческий, целевые группы четко не определены. Скорее всего, это студенческая молодежь и интеллигенция всех возрастов.

Проект «Бойцовский клуб» (организаторы: «Центр Бизнес Образования» (ЦБО) и Журнал «Бизнес и Жизнь») – специализированный образовательный проект для управленцев, где можно бескровно «оттачивать искусство управленческой борьбы». Целевые группы: управленцы всех уровней и сфер занятости. На каждый сезон набирается группа – 12 игроков (плюс секунданты) на весенний сезон и вторая группа – 12 игроков (плюс секунданты) на осенний сезон. Заседания «Бойцовского клуба» проводятся 2 раза в месяц. Например, 3 марта 2018 г. состоялось очередное заседание клуба. Каждый игрок получает возможность сыграть за сезон одинаковое количество игр с разными соперниками, а также проверить себя в разных ролях: игрок, наблюдатель-ученик, секундант, судья. По итогам каждого сезона выбираются 4 лучших игрока в своей группе. Проект коммерческий, цена индивидуального участия в одном сезоне – 12000 рублей. Для партнеров есть партнерские пакеты (90 тыс. руб. за сезон).

Проект «Мозгобойня» – интеллектуальная командная игра. Целевая группа: от 25 до 50 лет. Формат игры предполагает определенное количество команд (от 5 до 10 человек). Игра делится на 7 раундов, посвященных различным тематикам – науке, искусству, творчеству, литературе, живописи и т.д. От участников требуется широкий кругозор, логическое мышление, сообразительность. После каждого тура оглашаются результаты, и по итогам игры выбирается команда-победитель. Эта игра реализуется в Екатеринбурге в рамках франшизы по частной инициативе, а придумана она в Минске и существует в 40 городах мира; в Екатеринбурге – проходит на ресторанных площадках («Мама Азия», «Максимилианс», «Агава») с периодичностью 2-3 раза в месяц. Это коммерческий проект, вход – 300 руб.

Подробнее остановимся на проекте «Куча речи» (Kucha Rechi). Это общегородской языковой (английский) клуб, функционирующий в формате коммерческого интеллектуального шоу. Клуб существует уже более двух лет и возник как проект группы

единомышленников (в число которых входит и один из авторов данной статьи – Е.Е.), заинтересованных в создании креативной площадки для студентов и состоявшихся профессионалов из различных областей, а также всех, кому есть, что сказать, кто нацелен на новые знания и встречи с интересными людьми. Заседания клуба проходят в выходные дни, в дневное время, на площадке музыкального клуба-ресторана «Everjazz» (Екатеринбург, ул. Тургенева, 22). В период 2016-2018 гг. состоялось 12 заседаний клуба.

Формат общения предполагает выступления 6-то спикеров: 10 минут выступление и 10 минут – обсуждение с аудиторией. Язык общения – английский, но есть и русскоязычная версия, которую периодически посещают известные персоны города, в том числе мэр Екатеринбурга – Е.В. Ройзман. Выбор тем свободный и зависит от увлечений и профессиональных познаний спикеров, но каждый раз их объединяет общая широкая тема. Например, на последнем заседании клуба «Куча речи» (11.02.2018), в преддверии праздника всех влюбленных актуальны были темы про любовь: «Любовь к Екатеринбургу»; «Любовь к искусству».

На этом заседании один из авторов (Е. Ефремова) выступала с докладом на тему: «Yekaterinburg through the prism of contemporary art». Цель была в том, чтобы убедить слушателей, почему стоит посетить Екатеринбург, в чем его культурная значимость и перспективы развития, где находятся самые популярные площадки современного искусства. Спич вызвал живой отклик у публики, было много вопросов.

Следует отметить, что основа этого интеллектуального ток-шоу – конкурс спикеров, и здесь главное – понравиться публике, потому что каждый участник, уютно устроившись за столиком в зале джаз-клуба, оценивает спикеров и заполняет анкету. Автор уже дважды одерживала победу в этом проекте, но в этот раз заняла второе место, т.к. благодаря личному обаянию, прокаченному английскому и мелодичному пению (это сильный козырь!) победителем был признан другой докладчик. Среди участников тоже разыгрывается конкурс – на лучший вопрос. Как известно, хороший вопрос – показатель креативного мышления, а в случае ток-шоу «Куча речи» – еще и показатель владения английским языком.

В этом проекте участвует много студентов екатеринбургских вузов, редко в роли спикеров, чаще – участников. Для них это шоу – пример интеллектуальных форм досуга, где можно поучиться ораторскому мастерству, узнать что-то новое, попрактиковаться в английском и получить очередной стимул для его изучения. Участие платное – 500 руб.

Отдельно следует осветить вопросы менеджмента и маркетинга интеллектуальных шоу. Скрытая «кухня» проекта «Куча речи» состоит в следующем. Партнерами «Кучи Речи» являются различные организации и предприятия города Екатеринбурга, которые заинтересованы в продвижении собственного бренда или товаров, которые в процессе шоу анонсируются со сцены перед широким кругом лиц и СМИ (например, постоянным спонсором мероприятия является Хладокомбинат № 3, отсюда главный приз для лучшего спикера – торт-мороженое). Площадка, на которой проводятся мероприятия, предоставляется бесплатно, т.к. ресторан заинтересован в публике. Проект зарабатывает деньги не столько на продаже входных билетов, сколько на размещении рекламы организаций и предприятий-спонсоров на буклетах, афишах и в устных анонсах во время заседаний клуба. Проект имеет свой паблик в социальных сетях (<https://vk.com/club76581526>), где анонсируются темы заседаний, участников и другая полезная информация, а также информация размещается на главном общественном СМИ Екатеринбурга «Е1.ru».

В отличие от всех выше перечисленных проектов «Куча речи» случается реже: раз в три месяца. Чаще проводить такие события мешают следующие обстоятельства: сложности с подбором спикеров, обладающих достаточным уровнем английского языка и способных быть увлеченными и яркими докладчиками; занятость самих организаторов, т.к. все совмещают этот проект с основными видами профессиональной деятельности.

В целом, несмотря на отдельные трудности, этот опыт доказывает эффективность нетворкинга (networking) как механизма реализации общественных инициатив. В нетворкинге воплощена русская пословица: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», в том смысле, что

любые цели достижимы за счет личных и профессиональных связей. Благодаря инициативной высоко мотивированной группе организаторов и сети контактов их друзей и знакомых, которым интересна какая-то общая идея, можно на «пустом месте» создать свое дело. Потенциал нетворкинга впервые был научно обоснован еще в 70-е гг. XX века в теории «влияния социального доверия на снижение операционных издержек» американского экономиста Оливера Уильямсона (Oliver E. Williamson), который в 2009 году был удостоен Нобелевской премии. Полагаем, что нетворкинг наиболее продуктивен именно в крупных городах и может широко использоваться для различных культурных проектов, в том числе интеллектуальных ток-шоу.

Почему среди прочих вариантов досуга горожане выбирают такую форму отдыха? Жители большого города много работают или учатся, ходят по театрам и музеям, на книжные презентации и творческие встречи с интересными людьми, и в какой-то момент, наряду с пассивным потреблением новой информации, появляется желание активно демонстрировать свои знания, сравнивая себя с другими участниками, узнавая о самом себе что-то новое. Этим потребностям в полной мере отвечает формат интеллектуального ток-шоу. Он рассчитан на людей, стремящихся к профессиональным и личным достижениям, ищущих разных форм признания, стремящихся к известности, надеясь, что приобретенная известность будет достойно монетизирована. Конечно, «гламурный флер» в виде модных мест и стильных людей, а также геймификация тоже способствуют привлечению интереса к интеллектуальным шоу. Если шоу будет скучным, то сразу потеряет своих участников, которые не обязаны присутствовать (в отличие от планового образовательного процесса и научных конференций).

И чем больше в конкретном городе ярких интеллектуальных шоу, тем больше в городском пространстве амбициозных людей, а их высокая концентрация – залог развития города. Креативные люди стремятся в креативный город и делают его еще более креативным. Распространение такой формы досуга указывает и на определенное качество жизни населения, которое может позволить себе тратить свободное время не на дополнительный заработок или бесплатные формы отдыха, а на развлечения, требующие не только материальных, временных и эмоциональных вложений, а иногда и длительной подготовки (к игре, к выступлению). Фактор пресыщенности пассивным потреблением услуг других учреждений культуры, как это имеет место быть в г. Екатеринбурге, также способствует росту популярности интеллектуальных шоу.

На наш взгляд, ценность успеха входит в число приоритетных ценностей участников таких шоу. Люди, стремящиеся быть успешными (что вкладывать в это понятие, в данной статье не обсуждается), хотят жить в успешном городе, в котором есть условия для личных достижений. Интеллектуальные ток-шоу рассматриваются ими как «когнитивный тренажер», «фитнесс для ума», хорошо дополняющий фитнес для тела (успешному человеку кроме интеллекта нужно и «успешное тело»).

Таким образом, в негласной гонке городов за конкурентные преимущества интеллектуальные ток-шоу могут служить маркером образа успешного креативного города, т.к. факт предложения такой услуги и спроса на нее наглядно характеризует городское сообщество как стремящееся к развитию и видящее прямую связь между новым знанием, новыми контактами и новыми личными перспективами. Кроме того, интеллектуальные ток-шоу – это потенциальные площадки общественных обсуждений и рождения общественных инициатив для выработки нестандартных решений различных локальных и глобальных проблем, которые вслед за Элвином Тоффлером (Alvin Toffler), принято сегодня называть «вызовами современности».

Интеллектуальные ток-шоу не только дают возможность продемонстрировать свои знания и таланты, но и учат быть терпимыми к иной точке зрения, способствуя становлению институтов гражданского общества, и формируя, в той или иной мере, все составляющие индекса креативности: технологии, талант, толерантность, необходимые креативному городу.

ПУТЕВОДИТЕЛИ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ЛОКАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА¹

А.В. Кузнецова
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Allartian@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможностей путеводителей как источников по изучению социально-культурного локального пространства. Привлечены пять путеводителей, упоминающих о специфическом локальном пространстве (деревне Окунево). Показано, что в путеводителях, помимо освещения достопримечательностей, отражены особенности коллективных представлений о месте. Путеводители, изданные в разные годы, отражают и динамику изменений локального пространства в период перехода от советской к постсоветской эпохе.

Ключевые слова: путеводитель, коллективные представления, деревня Окунево, социально-культурное локальное пространство, образ места.

GUIDES-BOOK LIKE THE HISTORICAL SOURCES IN RESEARCH OF LOCAL CULTURE SPACE²

Alla V. Kuznetsova
Omsk State University. F. M. Dostoevsky
Allartian@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to capabilities of using guide-books like the historical source in research of "local culture space". There are five guide-books that contain the information about some specific local space (Okunevo village). The author is demonstrated special aspects of collective visions about this space that included in guide-books, above the list of sights. The guide-books of various publication are presented to dynamic of changes in local culture space from the Soviet to the post-Soviet era.

Key words: guide-book, collective visions, Okunevo village, local culture space, the image of space.

В историко-культурных исследованиях в последние десятилетия усиливается внимание к локальным объектам, появляется новая проблематика исследований междисциплинарного характера. Все более важным для исследователей гуманитарных областей науки становится расширение круга источников. В комплекс источников, помимо традиционных (письменных, статистических, делопроизводственных, и др.) нередко включаются фото- и видео-документы, материалы устной истории, художественная литература. В этой связи интерес ученых – культурологов, историков, лингвистов - все чаще обращается и к такому виду источников, как путеводители, которые соединяют в себе тексты и их визуализацию.

Например, Ю.М. Давыдов, изучая путеводители по Ленинграду 1920-70-х гг., говорит о значимости этого источника, включающего в себя и статистическую информацию, и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-09-00329

рекламные приложения, и фрагменты делопроизводственных и мемуарных источников¹. Л.Н. Киселева рассматривает путеводители как семиотические объекты (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.)²; И.И. Руцинская и Я.М. Цыганова обращаются к путеводителям при изучении образов Поволжья XIX – начала XX вв.³. А.А. Трошин с помощью сравнительного анализа нескольких путеводителей рассматривает трансформацию социальных отношений в СССР в 1950-е гг.⁴. И.В. Сибиряков на примере советских путеводителей по Севастополю показывает, как с помощью этих изданий создавался «идеологически правильный» образ региона⁵. О.Н. Сидорчук проанализировала путеводители XIX-XX вв. Российской Империи и СССР, особое внимание уделив их визуальной составляющей – рисункам и фотографиям, являющимся неотъемлемой частью путеводителей⁶.

Путеводитель, согласно российскому энциклопедическому словарю, это «краткое справочное издание, содержащие сведения о стране, городе, туристском маршруте, историко-художественных памятниках и т. п.»⁷. Однако наличие справочной информации – это лишь одна сторона путеводителей. Их создают с целью привлечения туристов в какой-либо регион (музей, место), нередко приукрашивая реальность. И выборка достопримечательностей, исторических событий и значимых имен в путеводителях с одной стороны, отражает уже сложившиеся представления о месте, а с другой стороны – путеводитель и сам участвует в формировании образа места в глазах читателей. Это делает путеводители значимым источником при изучении коллективных представлений о прошлом и настоящем какого-либо региона. Содержащаяся на страницах путеводителей информация может быть полезной и при изучении истории повседневности.

Рассмотрим возможности использования путеводителей как источников при изучении социально-культурного локального пространства, а также трансформации коллективных представлений о нём на примере деревни Окунево, расположенной на северо-востоке Омской области.

Обращение общественного и туристического интереса к деревне Окунево начинается с 1992 г., когда Расма Розитис, последовательница индийского гуру Бабаджи, объявила Окунево местом, где триста тысяч лет назад существовала развитая цивилизация и храм индуистского божества – Ханумана. С этого момента здесь формируется новый сакральный центр, деревня «обрастает» все новыми и новыми легендами и мифами, что в совокупности с

¹ Давыдов Ю.М. О путеводителях как источнике по истории и культурной жизни Ленинграда // Вспомогательные исторические дисциплины. Российская академия наук, Отделение истории, Археографическая комиссия, С-Петербургское отделение. Санкт-Петербург, 1993. С. 126-137;

² Киселева Л.Н. Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в. // Сборник статей «Репрезентация Эстонии в иноязычных путеводителях XIX-XXI вв.: риторика и идеология. Тарту: Тартуский государственный университет, 2008. С. 20-21;

³ Руцинская И.И. Образы поволжских городов в региональных путеводителях второй половины XIX – начала XX в.: особенности самопрезентации// Город и время: Интернациональный научный альманах «Life sciences». 2012. Т.1. С.57-63; Цыганова Я.М. Среднее Поволжье в историко-культурном пространстве российской империи второй половины XIX - начала XX вв.: автореферат дис. ... к.и.н.: 07.00.09 / Цыганова Яна Михайловна. Самара, 2017. 22 с.;

⁴ Трошин А.А. Путеводители 1950-х гг. как источник по культуре повседневности и социальной истории СССР// Вопросы культурологии. 2013, №6. М.: «Панорама»: 2013. С. 22-25;

⁵ Сибиряков И.В. Образ Севастополя для советских туристов: советские справочники-путеводители об особенностях туристических маршрутов в Севастополе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки», 2016. № 4. Т. 16. С. 58–63;

⁶ Сидорчук О.Н. «Энциклопедия впечатлений»: источниковедческий потенциал путеводителей XIX–XX вв. // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ . Новосибирск: Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 2017. Т.6, №1. С. 31-35; Сидорчук О.Н. «Диалог прошлого с настоящим»: визуальное пространство путеводителей XIX-XX веков // Дела и дни: Сибирь, Россия, мир в исследовательском и образовательном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Е.И. Соловьевой. Под ред. В.А. Зверева. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2017. С.176-181;

⁷ Российский энциклопедический словарь: в 2 кн./Гл. ред. А.М. Прохоров. Кн. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 1276;

благоприятными для развития туризма природными условиями – чистейшими озерами, сосновыми и смешанными лесами – делает Окунево к настоящему моменту одним из самых посещаемых и перспективных туристических объектов Омской области, в который съезжаются туристы не только из России, но и из других стран.

Пока еще не было издано путеводителя, посвященного конкретно деревне Окунево (существует только приложение-путеводитель «Окунево» для iPhone с платной подпиской), но этому месту уделяется внимание и в путеводителе по Муромцевскому району, и в различных путеводителях по Омской области и Сибири в целом. Эти путеводители отражают особенности сложившегося образа деревни и ее окрестностей в представлениях туристов и местных жителей, показывают наиболее значимые элементы социально-культурного пространства.

Нами были просмотрены 5 путеводителей: путеводитель «Туристские маршруты по Омской области», изданный в 1971 г.; путеводитель серии Petit Fute / Пти Фюте «Омская область», изданный в 2006 году; путеводитель «Вокруг света. Сибирь» 2006-го года издания; путеводитель по Муромцевскому району «Окунись в тайну Вселенной», изданный администрацией района в 2015 г. и путеводитель по Омской области, выпущенный в 2015 г. Центром развития туризма «Увлечен и Я».

Сравнительный анализ путеводителей разных лет позволил выявить признаки изменений социально-культурного локального пространства этого специфического сельского поселения, происходящих в переходный период от одной исторической эпохи к другой (от советской эпохи к постсоветской).

Обратимся к наиболее раннему путеводителю из вышеназванных: это путеводитель «Туристские маршруты по Омской области» 1971 года издания. Его авторами были опытные туристы, краеведы, научные работники Омского педагогического и физкультурного институтов. Во вступительной статье «Туристские возможности родного края», помимо краткой информации об особенностях и преимуществах туризма в Омской области, упоминаются и наиболее значимые, на тот период, туристические объекты. Среди озер названы Салтаим – самое большое озеро в Омской области, соседние с ним Тенис и Ик, а также соленые озера Эбейты и Ульжай. Таким образом, видим, что знаменитые в настоящее время озера, расположенные вблизи Окунево – Данилово, Щучье, Линево, Шайтан, и, тем более, вымышленное пятое озеро Потаенное – не отмечены авторами данного путеводителя среди особо значимых достопримечательностей Омской области. Естественно, и о самой деревне Окунево здесь не упоминается.

Однако это не означает, что эти места совсем не обозначены, как подходящие для туризма. После вводной статьи путеводитель содержит маршруты возможных туристских путешествий в Омской области. И один из предлагаемых маршрутов - «к Данилову озеру» - включает в себя посещение рабочего поселка Муромцево, близлежащих деревень, а также Данилова озера. Среди достопримечательностей этих мест, которые необходимо посетить туристам, помимо самого озера названы: крахмало-паточный завод; звероферма норок и серебристых лисиц в Петропавловке; могилы партизан в Муромцево, Кондратьево и Самохвалово; памятник убитому кулаками Василию Ефремовичу Николаеву; колхоз «Заветы Ильича» в селе Артын. Озеро Данилово описано очень красочно, но ни словом не упоминаются легенды о его метеоритном происхождении (что показывает, что эти истории возникли гораздо позже). Единственное, что можно отнести к намеку на будущие легенды об этом озере, это фраза: «жители соседних деревень считают местную воду лечебной. Окончательного ответа на вопрос: целебна ли вода этого озера, наука еще не дала»¹.

Следующий в хронологическом порядке путеводитель - путеводитель серии Petit Fute / Пти Фюте «Омская область», изданный в 2006 году. Несмотря на то, что путеводитель издан в Москве, среди его авторов фигурируют и сибиряки: это Александр Васильевич Юдин и Ирина Анатольевна Раннинен (в то время советник по

¹ Путеводитель «Туристские маршруты по Омской области». Омск: Западно-Сибирское книжное издательство, омское отделение, 1971 г. С. 44;

туризму заместителя Председателя Правительства Омской области).

Видим, что ситуация изменилась: Окунево упомянуто уже на обложке издания, рядом с Омском, Тарой, Большеречьем, Ачаирским монастырем, и другими значимыми объектами области. В главе «Регион туристический» деревне Окунево посвящен абзац с названием «В погоне за тайнами», где говорится, что здесь сосредоточено наибольшее число тайн и загадок Омской области: это и легенды о «энергетическом центре земли», и о храме Ханумана, и о летающих тарелках, и о мыслящем кристалле, и «о воде из пяти потаенных озер, исцеляющих от всех болезней»¹.

Уделяется внимание Окунево и пяти озерам также в разделе с названием «Что есть что», в котором описываются достопримечательности области. Особого внимания заслуживает описание туристического маршрута по окрестностям Окунево. Вступление к этому разделу звучит так: «Можно было бы не обратить внимания на небольшую территорию на севере Омской области, но огромный интерес, вызванный публикациями в СМИ, оправдывает наличие этого маршрута в путеводителе»². Здесь приводится подробная информация о приезде Расмы Розитис, основанном ей Ашраме Бабаджи. При этом основываются авторы путеводителя явно не на газетных публикациях и слухах – в их описании фигурируют реальные фамилии и факты, которые не тиражировались в СМИ. Многочисленные слухи и мифы здесь тоже приводятся: например, при описании озер в этом путеводителе большое внимание уделяется окружающему их легендам: о метеоритном происхождении, целебной силе «живой» воды; о Ершове, якобы написавшем «Конька-Горбунка» под влиянием слышанных им слухов об этих озерах. Однако общий ракурс повествования выбран такой, при котором читателям становится понятно, что правды в этих рассказах мало. Для примера приведем несколько цитат: «Надо сказать, что «раскрутке» этих мест способствует специфическая пресса [...], печатающие измышления штатных журналистов и письма в разной степени безумных читателей»; «Для создания полноценного мифа надо непременно связать современные байки с древностью, реальной или воображаемой, да еще бы хорошо дать какой-либо сенсационный прогноз»³.

Следующий путеводитель - «Вокруг света. Сибирь» - интересен нам в первую очередь потому, что является путеводителем по Сибири, а не только по Омской области, что позволяет увидеть, насколько значима деревня Окунево и ее окрестности для туризма уже в масштабах Сибири (применительно к 2006 году, когда был издан этот путеводитель). Это издание достаточно объемное – 624 страницы. Однако Окуневскому феномену в нем уделено немного - чуть больше двух страниц. Окунево упоминается в абзаце под названием «в погоне за тайнами», где помимо Окуневских легенд перечисляются и другие загадки Омской области, например тайна Колчаковского золота. И в конце раздела «Омская область» есть небольшие главы «Окунево» и «Пять озер», где приводятся и факты из истории деревни, и мифы, составляющие ее образ. Большая часть текста один в один повторяет фразы путеводителя серии «Пти Фюте», рассмотренный нами ранее – что не удивительно, ведь автор этого путеводителя - Александр Васильевич Юдин – входит и в авторский коллектив путеводителя Пти Фюте. Однако здесь более лояльная риторика – отсутствуют отсылки к науке и фразы, снижающие доверие читателей к существующим легендам.

Теперь обратимся к путеводителю по Муромцевскому району «Окунись в тайну Вселенной». Само название показывает, что окуневским загадкам здесь отведено значительное место. Очень красочно описаны озера и легенды, связанные с ними, причем авторы путеводителя не только не стремятся развенчивать существующие слухи, но и наоборот, подтверждают их правдивость: «считается, что Ленёво - озеро метеоритного происхождения. Возможно это действительно так, поскольку выглядит словно круглая воронка посреди

¹ Путеводитель Petit Fute «Омская область». М.: Авангард, 2006. С. 19;

² Там же. С. 152;

³ Там же. С. 160.

соснового леса»¹ (интересно, что в этом путеводителе озеро названо «Ленево», а не «Линево», как в других). Во всех рассмотренных нами путеводителях упоминались легенды о целебности воды в озерах, здесь же данная информация получила некоторое развитие: «Вода считается целебной [...], укрепляет нервную систему и повышает работоспособность»². «Многие люди, побывавшие в этих местах, восстанавливали потерянное здоровье, искупавшись в определенном порядке в озерах, чья вода и донный ил обладают доказанными лечебными свойствами»³. Используется здесь и прием, который часто применяют в СМИ: когда употребляются такие обороты, как «по мнению ученых», «по словам археологов» - а дальше говорится о не относящихся к науке вещах, о которых никакие ученые в действительности не говорили. В этом путеводителе говорится о том, что в районе Окунево активно ведут раскопки омские археологи. А дальше следует фраза: «По мнению части исследователей, сотни тысяч лет назад на территории Западной Сибири существовала цивилизация, причины исчезновения которой пока неизвестны»⁴. У читателей создается, таким образом, впечатление, что это слова омских ученых-археологов, хотя на самом деле это не так.

В отличие от предыдущих рассмотренных нами путеводителей, здесь присутствует и информация, имеющая практическую значимость для туристов: описание гостинных домов с фотографиями, стоимостью и контактами, предлагаемые экскурсии по Окунево и окрестностям. Уделяется внимание также фестивалю «Солнцеворот» прошедшему в Окунево в 2014 и 2015 годах (фестиваль проводился в Окунево и раньше, начиная с 2009 года, но имел другое название – «Солнцестояние» - и других организаторов. В данном путеводителе об этом не упоминается, авторы говорят только о фестивале «Солнцеворот»).

Последний путеводитель, к которому мы обратимся - путеводитель по Омской области, выпущенный в 2015 г. Центром развития туризма «Увлечен и Я». Создатель путеводителя – Анна Статва, доцент кафедры географии ОмГПУ, в 2015 году была руководителем центра развития туризма «Увлечен и Я», сейчас является заместителем министра культуры Омской области и курирует вопросы внутреннего туризма. Легенды об Окунево упоминаются уже в аннотации к этому изданию. Затем в разделе «10 причин приехать в Омск», третья причина звучит так: «Чтобы искупаться в озерах, увидеть НЛО и зарядиться энергией таинственного села Окунево»⁵. Информация об Окунево дается в главе «сельский туризм». Здесь приводятся факты из истории деревни, краткие сведения о создании здесь ашрама, и о ведущихся здесь археологических раскопках – при этом приводится достоверная информация о датировке найденных археологических объектов (конец бронзового – начало железного века), в отличие от рассмотренного нами путеводителя по Муромцевскому району, где авторы удревляют историю заселения этих мест. Значительное место археологическим раскопкам в окрестностях Окунево отводится и в разделе «археологический туризм». Пять озер упоминаются в главе «экологический туризм», а также в разделе «Туры по Омской области», где авторы путеводителя приглашают на сплав по реке Тара «Гайна пяти озер», а также на однодневную экскурсию в эти места. Легенды об озерах и самой деревне в этом путеводителе не расписываются подробно – в основном, приводятся только общие фразы о таинственности и загадочности этого места. При этом в экскурсии по этим местам помимо знакомства с окуневскими легендам включены и многие другие развлечения: мастер-классы, участие в народных играх и забавах, анимационная программа в Центре русской культуры «Родники сибирские», и другое.

Итак, мы рассмотрели пять путеводителей, имеющих отношение к Омской области, и можем сделать следующие выводы. В 1971 году, когда был издан путеводитель «Туристские

¹ Путеводитель по Муромцевскому району. Окунишь в тайну Вселенной.... Муромцево: МБМУК СКИАЦ «Портал», 2015. С. 51;

² Там же, С.51;

³ Там же, С. 56;

⁴ Там же. С. 54;

⁵ Путеводитель по Омской области. Омск: Центр развития туризма «Увлечен и Я», 2015. С. 14.

маршруты по Омской области», Окунево и озера в его окрестностях еще не были ассоциированы ни с какими мистическими легендами. При этом озеро Данилово уже считалось интересным туристическим объектом, к которому существовали разработанные туристические маршруты. Мы видим, насколько отличались наборы достопримечательностей, которые предлагалось посетить туристам советской эпохи, от современных: туристический интерес вызывали могилы партизан и другие знаковые объекты, связанные с революцией и гражданской войной, а также колхозы и заводы.

Путеводители, изданные в 2006 году, уже говорят об Окунево и пяти озерах как о значимой достопримечательности Омской области и Сибири в целом. Интересно, что в путеводителе серии Пти Фюте по Омской области авторы не стремятся ради привлечения туристов приукрашивать реальность и преподносить легенды как абсолютную истину, а наоборот, опровергают некоторые существующие мифы. В путеводителе же по Сибири эти моменты отсутствуют, вероятнее всего, из-за необходимости сократить материал и дать краткую обзорную характеристику достопримечательностей.

Наибольшее место Окуневскому феномену отведено в путеводителе по Муромцевскому району 2015 года. Путеводитель издан администрацией района, и очевидно, что одна из основных целей издания – привлечение туристического потока, что имеет большое значение для развития этой территории. Видимо поэтому здесь минимален критический подход к существующим мифам и легендам, все силы авторов направлены на то, чтобы заинтересовать читателей и побудить их приехать в это удивительное место. Но эта ситуация отражает также и изменения в коллективных представлениях об Окунево, показывает, что в 2006 г. загадки и тайны воспринимались обществом более критически, чем в 2015 г. Ведь путеводитель, как мы уже отмечали, не только сам участвует в формировании образа места, но и отражает те коллективные представления о месте, которые уже сложились. Таким образом, можно заключить, что мифологизация Окуневского пространства с годами набирала обороты, и скептическое отношение к мистике теряло свою актуальность.

Однако в путеводителе по Омской области, созданном центром развития туризма «Увлечен и Я» легенды фиксируются, но не акцентируется внимание на их обоснованности. В то же время, здесь нет и явных опровержений. Скорее, выбран срединный путь – показана некая загадочность этого места, но без конкретики. Авторы этого путеводителя в первую очередь стремятся заинтересовать потенциальных туристов не чем-то эфемерным и фантастическим – а вполне реальными красотами Омской области и созданными ими интересными экскурсионными программами.

Таким образом, проанализировав три путеводителя по Омской области, один - по Сибири и один по Муромцевскому району Омской области, мы смогли увидеть трансформацию наиболее значимых элементов социально-культурного локального пространства деревни Окунево и ее окрестностей в период перехода от советской к постсоветской эпохе, а также изменение коллективных представлений об этом месте.

ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТРОИЦКА

Р.Н. Гизатуллин
г. Троицк, Челябинская область
rauf-gizatullin@mail.ru

Аннотация. Автор отмечает, что в научной литературе практически не уделяется внимания театральной жизни малых городов. В статье реконструированы наиболее значимые события театральной жизни города Троицка Челябинской области. Автор привлёк большой информативный материал о театральных деятелях, известных постановках местных театров.

Ключевые слова: театр, театральная культура, малые города, провинция.

FROM THE THEATRICAL LIFE OF DREVOLUTION TRINITY

Rauf N. Gizatullin
Troitsk city, Chelyabinsk region
rauf-gizatullin@mail.ru

Abstract. The author notes that in the scientific literature little attention is paid to the theatrical life of small towns. In the article the most significant events of the theatrical life of the town of Troitsk in the Chelyabinsk region were reconstructed. The author has attracted a lot of informative material about theatrical figures, famous performances of local theaters.

Key words: theater, theater culture, small towns, province.

Скоро будет маленький юбилей указа Президента, по которому 2014 год был объявлен Годом культуры в России. В документе говорилось, что Год культуры проводится с целью «...привлечения внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во всем мире». Одним из признанных достижений отечественной культуры, навсегда вошедшим в сокровищницу мировой культуры, является русская классическая литература. Нельзя не сказать, что главной её особенностью, придавшей ей «всечеловеческий характер» является глубокая философичность.

Специфика развития России такова, что философские идеи находили свое выражение в литературе и литературной критике. Говоря об особенностях русской философии, С.Л. Франк писал: «Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных. Наша проникновенная, прекрасная литература, как известно, – одна из самых глубоких, философски постигающих жизнь: помимо таких общеизвестных имен, как Достоевский и Толстой, достаточно вспомнить Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя; собственно литературной формой русского философского творчества является свободное литературное произведение». Иначе говоря, русская философская мысль XIX в. развивалась во многом внутри художественной литературы, что взаимообогащало обе формы духовного творчества.

Парадоксально, но, почему-то менее известно то, что «золотой век» русской словесности породил и такое явление, как русский театр. В течение XIX в. были созданы величайшие произведения классической драматургии, русская актерская школа и режиссерский театр, воплотившийся в деятельности К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. Театр не только играл заметную роль в общественной жизни, по популярности он обошёл даже беллетристику; по крайней мере, проявление чувств к последней было не столь экзальтированным, хотя некоторых актёров (а особенно актрис) публика буквально носила на

руках. Увлечение театром не могло не коснуться и российской провинции, в том числе нашего региона.

Тема эта до сих пор малоизученна – большинство исследований написаны о развитии театрального дела в крупных губернских городах (Пермь, Уфа, Оренбург). Первой значительной работой об истории южно-уральских театров, стала монография М. Незнамова «Старейший русский театр на Урале», посвященная Оренбургскому драмтеатру. Из исследований позднесоветского времени можно отметить работы И.Ф. Петровской и А.Я. Альтшуллера, посвященные общим проблемам провинциального театра. И.Ф. Петровская определяет русский провинциальный театр как «самостоятельное культурное явление в русле общественной жизни страны». А.Я. Альтшуллер значительное внимание уделяет роли русского театра в культурной жизни провинции на рубеже XIX–XX вв. и рассматривает провинциальный театр как средство общественно-политического воспитания, оказавшего влияние на развитие демократической народной культуры.

Лишь в последние десятилетия стали появляться публикации, в которых затрагиваются различные вопросы истории театрального дела в малых городах, рабочих посёлках или даже в крупных сёлах (волостных центрах) Южного Урала; как правило, в контексте истории благотворительной и культурно-просветительской деятельности местной интеллигенции, отдельных меценатов или земских учреждений.

О театре в Троицке первое и, пожалуй, единственное упоминание есть у маститого краеведа Е.И. Скобелкина; вот, что он писал: «...драматический театр ... был открыт в 1881 году. Сцена для профессиональных актёров этого театра была представлена в здании дворянского собрания, или, как его стали называть впоследствии, зимнего клуба (ныне здание ГДК). О том, какую популярность имел у троичан драматический театр, можно судить хотя бы по тому факту, что в начале нынешнего столетия общественность Троицка поставила перед городской думой вопрос о строительстве специального театрального здания...».

Заметим, однако, что в дореволюционных источниках здание современного ГДК (СКО «Центр Досуга») называлось и общественным (городским) собранием, и купеческим или зимним клубом, но никогда – дворянским собранием.

Что же касается «специального театрального здания», то, как нам кажется, здесь речь идёт о «Народном доме» Троицкого уездного комитета «Попечительства о народной трезвости». Попечительство это было введено в России одновременно с казенной монополией на продажу алкоголя (1894 г.), главной целью, которой являлось увеличение государственных доходов. Комитеты Попечительства представляли собой государственные учреждения, созданные «для ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками» и действовавшие в составе департамента неокладных сборов Министерства финансов.

Поэтому Попечительство должно было, прежде всего, осуществлять контроль над продажей крепких напитков. Однако его практическая деятельность имела социально-благотворительный характер и состояла, прежде всего, в изыскании средств на проведение культурно-просветительной и нравственно-религиозной работы в народе для отвлечения от пьянства и осуществления безалкогольного досуга. Содержались Попечительства Министерством финансов на доходы от винной монополии, на пожертвования и сборы, на средства, вырученные от продажи антиалкогольных изданий, билетов на гуляния и представления, театральных программ. Губернскими комитетами руководили губернаторы, уездными – местные предводители дворянства. Троицкий комитет возник в 1895 г., уже через год он открыл воскресную школу. Согласно отчёту за 1900 г., Попечительствами в губернии было открыто 20 чайных и при них 10 читален. Цена одного стакана чая с куском сахара везде была определена в 1 коп., бедным его отпускали бесплатно. В чайных также продавали булки и хлеб, а иногда и другие напитки: молоко (крынка 6 коп.), кофе (стакан 5 коп.), фруктовый квас (бутылка 20 коп.), сельтерскую (бутылка 11 коп.). Кроме народных чтений в Троицке регулярно устраивались танцевальные вечера и спектакли, а для бедных детей – елки с подарками. Целью каждого уездного Комитета было открытие Народного дома – помещения, приспособленного под проводимые мероприятия. В Челябинске Народный дом был построен

в 1903 г. по проекту Р. Карвовского (здание совр. ТюЗа). В Троицке, по отчёту 1900 г., постройка Народного дома ещё оставалась «главной мечтой... Впрочем, комитет, через особую комиссию, приступил к составлению плана и сметы». Начавшееся сооружение не менее грандиозного, чем в Челябинске, здания Народного дома, в котором предусматривался зрительный зал со сценой, было прервано I Мировой войной и последующими социальными потрясениями. Сейчас, в этом здании (угол ул. Советской и Пионерской), достроенном в конце 1920-х годов, располагается 2-й корпус УГАВМ.

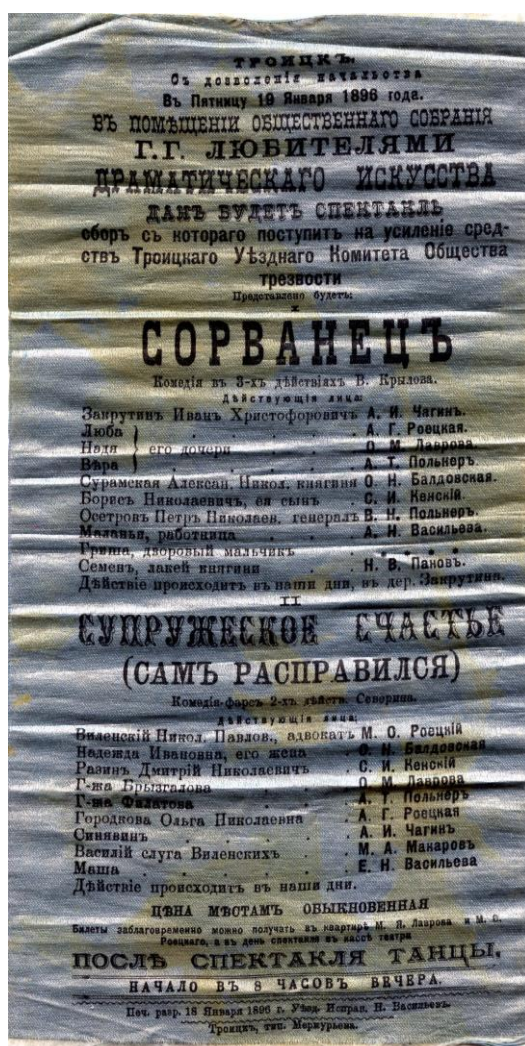
Здание народного дома в 1930-х гг.

Не вызывает, пожалуй, сомнения только дата «открытия театра» (1881 г.), т.к. в 1885 г. корреспондент губернской газеты сообщал как о чём-то будничном: «...В декабре, в зале «общественного собрания» нашими любителями драматического искусства дан был спектакль «Не в свои сани не садись», комедия в 4-х действиях, соч. Островского. Из действующих лиц более или менее хорошо играли И.В. Б-в и Н.Д. Б-ва. Об остальных лицах я ничего не могу сказать. На рождественских праздниках будет дано ещё два или три спектакля, тоже любителями. Желательно, однако, цены на спектакли видеть доступными». За указанными инициалами скрывался 26-летний и.д. секретаря съезда мировых судей Троицкого округа Илиодор Васильевич Бисарнов. Вот, что говорится о нём в справочнике: православный, на службе с 1875 г., не имеющий чина (классного), жалованье – 300 руб., столовые – 150 руб., квартирные – 150 руб. Постановки, как видим, были все любительские, да это и не удивительно – в Троицке, того времени, профессиональный театр просто бы не выжил. Даже гастроллирующие труппы, как правило, выступали в крупных городах.

Летом, в период работы ярмарки, в Троицк наезжали обычно циркачи, комедианты и кукольники. В холодное время года уездный городок артисты посещали только транзитом, обычно, это были выступающие индивидуально медиумы, спириты, фокусники и прочие: «Проездом из Сибири чрез наш город известный престижиджигатор и спирит Леон Певзнер дал нам три представления и поехал в Оренбург, доставив нам много удовольствия...», и там же: «На днях в Троицк прибыл ещё гость, тоже престижиджигатор, Жорж Роде. Он будет давать представления на святках, и, кажется, оренбуржцам известен».

Подтверждением того, что в конце XIX в. троицкий театр был любительским, служит афиша за январь 1896 г., переданная в начале 2014 г. известным южноуральским краеведом

В.И. Завершинским в дар Троицкому краеведческому музею. Оформление афиши само по себе оригинально, текст отпечатан голубой атласной ленте.

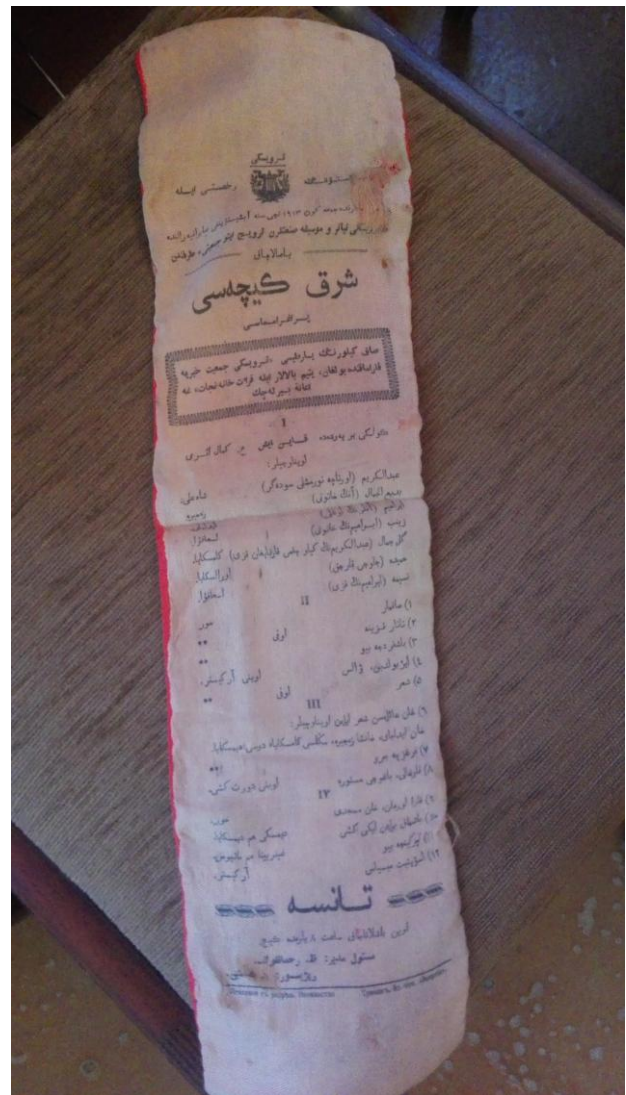
Афиша 1896 г. из коллекции В.И. Завершинского (Москва)

Интересен состав актёров, занятых в постановках. Это, прежде всего, супруги Роецкие. Глава семейства – Михаил Иосифович (по-местному – Осипович), на тот момент имел чин коллежского секретаря, трудился присяжным поверенным. На юридическую стезю он ступил ещё в начале 90-х; будучи действительным студентом, служил судебным следователем 1-го участка Оренбургского уезда. Его отец – Иосиф Петрович Роецкий, из польских дворян Подольской губернии, родился в 1853 г., в 1870 г. окончил Каменец-Подольскую гимназию. Получил медицинское образование, с 1876 г. работал младшим ординатором Оренбургского военного госпиталя, одновременно врачом Оренбургского учительского института. В 1888 г. он уже младший врач госпиталя, надворный советник. В 1896 г. он защитил докторскую диссертацию.

Остальные актёры также связаны с кругом троицких юристов – О.М. Лаврова – дочь статского советника Михаила Яковлевича Лаврова, прокурора Окружного суда, члена троицкого уездного отделения губернского тюремного комитета. А.Т. Польшнер – жена губернского секретаря Владимира Николаевича Польшнера, служившего секретарём уголовного отделения Троицкого суда. Молодых людей играл Сергей Кенский, годом раньше закончивший Троицкую гимназию. В дальнейшем он окончил Юрьевский университет, в чине действительного студента служил секретарём при прокуроре Окружного суда, в 10-е гг. отставной титулярный советник Кенский стал известным троицким адвокатом. Его жена, Е.А.

Кенская, после смерти родителей в 1914 г., стала владелицей «Пивоваренного завода А.П. Лорец». Кстати, на должностях секретарей городской управы, вместе со старшим братом Сергея Ивановича – статским советником Иосифом Кенским, служил ещё один актёр-любитель – 44-летний коллежский регистратор Николай Павлович Макаров. Возможно, именно он и привлёк брата своего сослуживца к театральной самодеятельности...

Остаётся добавить, что юные актрисы А.Н. и Е.Н. Васильевы, игравшие служанок – дочери уездного исправника (т.е. начальника полиции) коллежского советника Николая Игнатовича Васильева, давшего разрешение на спектакль и подпись которого, украшает эту афишу. Впрочем, подобные продукты троницкой полиграфии, представлявшие, видимо, одновременно и программки, и билеты, использовались до, как минимум, начала I Мировой войны. Это видно на примере программок «Восточных вечеров», организуемых «Мусульманским музыкальным обществом».

Театральные программы. Из семейного архива Р.И. Абубакирова (Троицк)

Другое его название – «Троицкое общество поощрения татарского сценического искусства и музыки», во главе его стоял завянутый театрал – фельдшер городских школ и «Объединённой Пупышевской больницы-богадельни» Давлетша Мухаметшин (Давлетшах Мухаммедшахович Мухин) уроженец (1873-1921) Чистопольского уезда Казанской губернии. Впрочем, о татарском театре расскажем ниже...

Учителя медресе Мухаммадия, 1911 г. Верхний ряд, второй слева – Д.М. Мухин

Как видим, судейские, чиновники прокуратуры и полиции Троицка, а также адвокаты и купцы (потенциальные клиенты всех вышеперечисленных), играли вместе не только за ломберным столом, но и на сцене, причём зачастую с членами своих семей. Объяснить это можно тем, что большинство из них имело высшее юридическое образование, которое можно было получить в крупных городах. К тому же многие были выходцами из западных губерний Империи, где была развитая театральная культура. Но, не следует полагать, что троичане постигали прекрасное только в балаганах на ярмарочной площади.

С театральным действием горожане знакомились ещё во время учёбы, прежде всего в городских училищах и гимназиях. В «Исторической записке» к 25-летию мужской гимназии пишется, что в последнее десятилетие XIX в. её учениками были поставлены: «комедии «Ревизор» и «Женитьба» Гоголя, «Свои люди, сочтёмся» Островского и др. «Хорошее знание ролей и недурное исполнение юных артистов доставили не малое удовольствие публике, состоявшей преимущественно из учеников и учениц гимназии и прогимназии и их родителей, и родственников». С большим воодушевлением играли спектакли в женской гимназии, соответственно мужские роли в них, судя по фотографиям, исполняли гимназистки, иногда специально приглашённые гимназисты или молодые люди из числа местной интеллигенции. Не лишним будет сказать, что в гимназии, в 1914-1921 гг. училась народная артистка России, Лауреат госпремии СССР, драматическая актриса Анастасия Спиридоновна Лескова-Кирьякова (урождённая Соплакова). С тринадцати лет она участвовала в благотворительных спектаклях, сначала школьных, а затем и городского театра. Дебютировала Анастасия Спиридоновна в 1921 г, после окончания театральной

Гимназистки 8 класса после спектакля «Тудовой хлеб» (по А.Н. Островскому)

студии при гороно, на сцене Троицкого государственного драматического театра в пьесе «Гибель Надежды». Отметим, что до Отечественной войны у троичского драмтеатра, как и до революции, были 2 сцены – зимняя и летняя, а труппа составляла (вместе с разъездной группой) почти 40 человек. С 1937 г. Лескова работала в театрах Кургана, Куйбышева, Днепродзержинска, Москвы. Затем, с 1967 г., она играла на сцене Челябинского драматического театра имени С. Цвиллинга. Лауреат Государственной премии СССР (1952), народная артистка РСФСР. Родилась она 22.12.1903 г. (по др. версии – 1901), скончалась в 18.01.1990 г., похоронена на Успенском кладбище Челябинска.

Драматической актрисой стала и гимназистка Хаджар Юсуповна Илялова (7.3.1902, г. Троицк – 14.4.1980, Казань). Её муж, тоже троичанин, выпускник мужской гимназии (1918) Исхак Губайдуллин Илялов, стал известным татарстанским режиссёром и педагогом. Хаджар свою сценическую деятельность начала в 1919 г. в Троицком татарском театре. В 1922–26 гг. она служила актрисой татаро-башкирского театра в Уфе, в 1926–28 гг. – узбекского театра в Ташкенте, в 1928–30 гг. – Астраханского татарского театра, в 1931–33 гг. – Уральского татаро-башкирского рабочего театра. В 1933–35 гг. работала в Татарском академическом театре (Казань), а затем вновь помогать становлению молодых национальных театров. В 1935–42 гг. – Узбекского академического театра драмы им. Х. Хамзы (Ташкент), в 1942–46 гг. – Хорезмского областного музыкально-драматического театра. Была актрисой большого сценического обаяния, драматического темперамента, обладала певческим голосом. Основные роли: Офелия («Гамлет» У. Шекспира), Амалия («Разбойники» Ф. Шиллера), Адельма («Принцесса Турандот» К. Гоцци), Майсара («Голубая шаль» К. Тинчурина), Гульюзум («Наёмщик» Т. Гиззата), Сара («Мирза Хусаин» Ф. Бурнаша), Гульбахор («Бай и батрак» Х. Хамзы), Варвара («Гроза» А.Н. Островского), Шурка («Егор Булычов и другие» М. Горького), Ильтани («Загмук» А.Г. Глебова), Панова («Любовь Яровая» К.А. Тренёва) и др.

Ученицы Дарульмугаллимата после спектакля. Третий слева сидит – автор пьесы Газиз Адгамов, пятый – Исмагил Илялов, 1916 г. Фото из личного архива И. Шамсутдинова (г. Троицк)

Возвращаясь к женской гимназии, скажем, что в годы Гражданской войны на сцене актового зала этого учебного заведения шли спектакли, поставленные петроградскими школьниками. Несколько сот столичных подростков приехали отдохнуть и подкормиться (в т.н. питательных колониях) на Южный Урал к самому началу «белочешского мятежа» и застряли здесь, в Миассе. Осенью колония разместилась в пос. Тургояк; когда стало ясно, что домой быстро вернуться не удастся, а запасы денег растаяли из-за бешеной инфляции, миасскую колонию разделили и отправили на зиму в Петропавловск (Казахстанский), Курган, Уйск и Троицк.

Северная группа зиму 1918-1919 гг. пережила в Тюмени, Ирбите и Томске. В ещё спокойный и сытый Троицк приехало около сотни подростков и надо отдать должное городским властям – детей они разместили в лучших (чистых и тёплых) помещениях женского монастыря, обеспечили едой, зимней одеждой и обувью, а местные школы приняли за свои парты колонистов. Более того – на сцене женской гимназии, где учились старшие девочки из Петрограда (илл. 10), они поставили великолепно костюмированный спектакль «Электра» (илл. №11, №12) – трагедию Софокла, древнегреческого драматурга V в. до н.э. Главную роль блестяще сыграла Евгения Копосова. После Гражданской войны, театральные традиции гимназии, судя по воспоминаниям её выпускницы Марии Исаковны Левертовой, продолжились в выпусках «живгазеты», «синей блузы» и в труппе Троицкого ТЮЗА (при городском русском драматическом театре).

Всеобщее увлечение театром, в многонациональном Троицке не могло не задеть и мусульманскую общину. Ещё в 20-е гг. XIX в. Карл Фукс (1776 – 1846) – известный врач и этнограф, в 1823 – 1827 гг. ректор Казанского университета, писал: «Татары охотно принимают участие и в наших публичных увеселениях, в театрах и маскарадах, а некоторые из почетных сограждан бывают на обедах, даваемых по какому-нибудь случаю Казанским

купеческим обществом». В 1907–1908 гг. участниками литературно-музыкального собрания мусульманской молодежи «Шарык Кичляре» («Восточные вечера») в Троицке ставились

Петроградская школьница Евгения Копосова в роли Электры

любительские спектакли. В этот период в городе работали приехавшие из Казани, Перми и Уфы по приглашению предпринимателей Бакировых, М.Ф. Валеева, Яушевых специалисты в области торговли (бухгалтера, товароведы, квалифицированные учётчики), многие из которых ранее участвовали в самодеятельных театральных постановках. В 1909 г. ими был создан драматический кружок, в который вошли и представители местной молодежи; был поставлен спектакль, средства от которого переданы семье полицейского пристава, погибшего при исполнении служебных обязанностей. В январе 1910 г. было официально зарегистрировано «Троицкое общество поощрения татарского сценического искусства и музыки» (рук. Д.М. Мухин, его зам.- член Троицкой городской управы З.Х. Рахманкулов-Загиров). В печатных источниках встречается и другое название - «Мусульманское музыкальное общество», т.к. в составе театрального коллектива действовал впервые организованный в Троицке струнный оркестр (рук. С. Айманов), в котором выступали около 20 музыкантов, игравшие на гитарах и мандолинах. В числе первых постановок общества – пьеса Г. Камала: «Первое представление» (1910 г., роль Вали исполнил Л. Аитов, впоследствии ставший известным татарским театральным деятелем), драма «Несчастный юноша» (1911 г.); пьесы С. Рамеева.

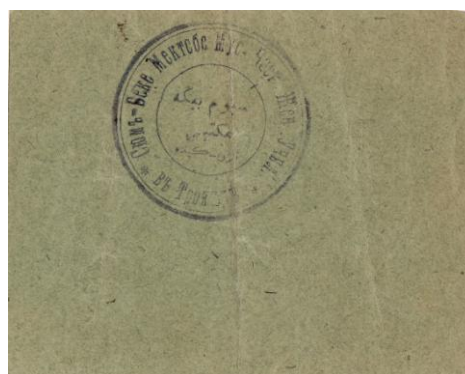
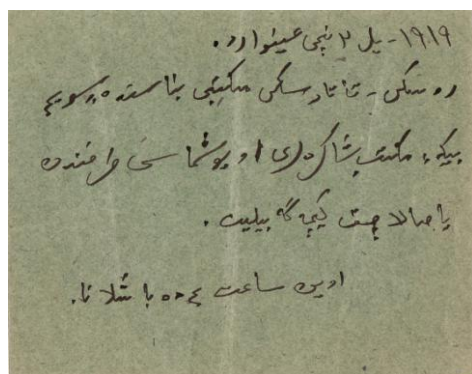
При обществе была создана детская труппа; в 1912 г. ими поставлен 1-й детский спектакль «У страха глаза велики» (перевод с русского языка). Представления регулярно (в основном, по пятницам) давались на сцене Общественного собрания, а также в городских гимназиях. Газета «Троичанин», которая финансировалась обоими пивоварами – Я. Зуккером и А. Лорецом, писала в 1913 г.: «Восточный вечер, прошёл с большим материальным и художественным успехом. Программа была разнообразна и интересна: спектакль, оркестр балалаечников-мусульман и т.д... Зрительный зал был переполнен по преимуществу мусульманами, среди которых было много женщин...». Тапёром в постановках театра выступала Рабига Абдулвалеевна Яушева – младшая дочь известного купца. Она не имела специального музыкального образования, но, обладая от природы хорошими музыкальными способностями, неплохо исполняла музыкальные пьесы на фортепьяно. Активным

участником самодеятельности был и Гариф Фатыхович Бурнаев (1888-1962) уроженец д. Сая Казанской губернии, работавший приказчиком в Торговом доме Яушевых. Женившись на Рабиге, он переехал в Челябинск, где вместе с женой организовал Мусульманское

Татарский оркестр народных инструментов. Из фондов Троицкого краеведческого музея

драматическое отделение при Челябинском музыкально-драматическом обществе, а позже и Челябинский татарский театр. Даже в трудное смутное время городская молодёжь не бросала увлечение театром. Это можно судить по самодельному (война всё же) пригласительному билету на Новогодние праздники, выданному ученице частного татарского училища «Сююмбика» (в это время 5-я Красная Армия с тяжёлыми боями берёт губернскую столицу). Мероприятие назначено на 16.00 часов 2 января 1919 г., при этом в программе среди прочих увеселений указано «уеннар», что можно перевести и как игра, подвижные игры и как представление, спектакль.

Приглашение на новогодний праздник 2 января 1919 г. в здании I русско-татарского училища Лицевая и оборотная стороны

Ну и немного о советском времени. Троицкое мусульманское сценическое общество в августе 1919 г. было преобразовано в профессиональный драматический театр, который летом 1931 г., после успешного выступления на театральном фестивале в Свердловске, решением Уральского обкома ВКП(б) был переведен в областной центр, получив название «Уральский областной татаро-башкирский передвижной рабочий театр». Его коллектив гастролировал по всей тогдашней области (территории современных Свердловской, Пермской, Челябинской и Курганской областей). В конце 1933 г., в связи с расформированием Уральской области, театр был закрыт. Часть его актеров вошла в состав труппы Челябинского татарского театра, в феврале 1935 г. получившего статус «передвижного колхозно-совхозного», часть вернулась в Троицк. Здесь, в 1937-38 гг. театр, не имевший собственного помещения и материальной базы, размещался в татарском клубе – здании бывшей мечети № 3, а затем русском театре (видимо, совр. ГДК).

Мечеть Гайсы Юшева (мечеть № 3). Из личного архива И. Шамсутдинова (г. Троицк)

С началом Великой Отечественной войны Троицкий татарский театр был закрыт. Многие его бывшие актеры и музыканты стали профессиональными артистами, выступали на сцене Татарского академического драмтеатра (Казань), сыграли большую роль в становлении национальных театров в бывших мусульманских регионах СССР; в их числе режиссёр и педагог И. Альмяшев, Ш. Мавлютов, И. Чанышев, А. Юнусов и др. Упомянутый Исхак Илялов (в 1918-22 гг. актер, в 1931-33 гг. художественный руководитель троицкого татарского театра) стал одним из основателей узбекского профессионального театра; его брат Исмагил Илялов в 1911-24 гг. служил артистом оркестра троицкого татарского драматического театра, работал в Казанской филармонии и Узбекском академическом театре (Ташкент), участвовал в создании башкирского отделения и татарской студии при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Артисты Капан Бадыров и Сералы Кожамкулов, некогда учившиеся в Троицке, начинали играть в татарском театре, позже выступали на сцене Казахского театра драмы им. М. Ауэзова (Кзыл-Орда, Алма-Ата), явились основателями казахского профессионального театра. После войны театральные традиции продолжил

И.М. Альмяшев. Фото 6 января 1914 г.

Учащиеся Вазифы. 1-й слева в нижнем ряду сидит – С. Кожамкулов, справа от него – Б. Майлин, между ними – К. Бадыров, 1914 г. Из личного архива Г.Х. Самигулова.

Троицкий самодеятельный татарский театр, которым в 1941-77 гг. руководила профессиональная актриса Ф.Ш. Губайдуллина.

Троицкий русский драматический театр, успешно работавший до начала войны, по преданиям также закрыли, сославшись на финансовые проблемы и необходимость размещения Магнитогорского театра им. А.С. Пушкина (предполагалось, что в Магнитку, в свою очередь, эвакуируют театры из Минска и Орла). Многие сотрудники распущенных провинциальных коллективов – русских (Курганского, Кыштымского, Шадринского), татарских (Оренбургского колхозно-совхозного, Бузулукского колхозно-совхозного) и др. театров были призваны на фронт или в трудовую армию.

Так закончился определённый, во многом развивавшийся органично ещё с дореволюционных времён, этап истории театров Южного Урала. Театральное дело старого Троицка с конца 1950-х годов продолжил народный драматический театр «Наш ковчег» (организатор и режиссёр Андрей Михайлович Крамовский (Тепляков). Уроженец Сарапульского уезда (1900-1971), он начинал актёрскую карьеру в Кустанае, как артист украинской музыкальной комедии (сейчас режиссёр театра, вернувшегося в родные стены – О.Г. Полуянова)...

ВКЛЮЧЕНИЕ АРТ-ПРАКТИК В ГОРОДСКИЕ ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ: ОПЫТ КРАСНОУФИМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Т.А. Ладыгина
Красноуфимский краеведческий музей
muzey-kr.okn@mail.ru

Аннотация. В данной статье представлен практический опыт реализации проекта Красноуфимского краеведческого музея в партнерстве с Детской школой искусств им. П.И. Осокина городского округа Красноуфимск, в котором музей реализует экскурсионную деятельность, сочетая ее с арт-практиками, а именно – организацией городского пленэра. Проект находится в стадии реализации, в статье подведены предварительные итоги.

Ключевые слова: краеведческий музей, историческое наследие, городской туризм, туристический маршрут, арт-практики, пленэр.

THE INCLUSION OF ART PRAKIK IN URBAN TOURIST ROUTES: THE EXPERIENCE OF KRASNOUFIMSKY MUSEUM OF LOCAL LORE

Tatiana A. Ladygina
Krasnoufimsk Local History Museum
muzey-kr.okn@mail.ru

Abstract. This article about presents a practical experience in the realization of the project of Krasnoufimsky regional Museum in partnership with children's School of arts. P. Osokina Krasnoufimsk urban district, which sells Museum excursion activities, combining it with art practitioners, namely organization of city plener. The project is in the implementation stage, preliminary results have been summarized in the article.

Key words: Museum of local lore, historical heritage, urban tourism, tourist route, art practice, plein air.

Развитие внутреннего туризма – это актуальная задача, которую призваны решать разные культурные институции, в том числе краеведческие музеи. Что может предложить современный музей, если он расположен не в мегаполисе, а малом городе, где объективно меньше ресурсов и больше организационных трудностей? Наш опыт показывает, что и в этих непростых условиях можно реализовать интересный и полезный проект.

Отметим, что туризм в Красноуфимске пока не получил должного развития. Город не входит ни в один областной маршрут, а для внутреннего потребителя и случайных немногочисленных гостей города предлагаются: посещение краеведческого музея и Музея земской больницы; обзорная автобусная экскурсия по городу; пешеходная экскурсия по исторической части города; тематическая экскурсия по православным храмам.

Краеведческий музей, учитывая современные тренды¹ в последние годы стремится выйти за пределы своих стен и активно принимает участие в культурной жизни города, как при подготовке крупных городских событийных мероприятий, так и выступая в роли инициатора собственных проектов: различных тематических квестов, массовых мероприятий, интернет-викторин, конференций, чтений, туристических маршрутов.

В этой статье мы рассмотрим опыт проведения культурно-познавательного музейного проекта «Пленэр ДШИ-2017: прогулки по земскому городу», имеющего прямое отношение к

¹Ершова Д.Е. Новая музейная коммуникация в пространстве сетевой культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. №2. С. 181-184.

проблеме городского туризма и разработки новых туристических маршрутов для целевых аудиторий.

Данный проект был рассчитан на детей подросткового возраста, обучающихся в детской школе искусств (Детская школа искусств им. П.И. Осокина городского округа Красноуфимск, далее по тексту – ДШИ), которая выступала в качестве партнера проекта. Одна из ключевых идей проекта – совместить арт-практики с экскурсией по городу, т.к. обычная экскурсия по городу оказывается для детско-юношеской аудитории утомительной, скучной.

Арт-практики – это «соединение творчества и социальной деятельности»¹. Нам близко определение арт-практик как «художественное творчество, нацеленное не только и не столько на создание художественного продукта (произведения искусства), но на удовлетворение многих потребностей личности или конкретных сообществ, а также на решение каких-либо социокультурных задач, когда занятие искусством превращается в арт-терапию, арт-игру, используется как маркетинговое средство и т.д.»².

Арт-практики все шире применяются в социальной работе, восстановительной медицине, образовании и в том числе туристической индустрии. В нашем случае мы задействовали потенциал изобразительного искусства для приобщения детей к истории своего города через нестандартно организованные городские экскурсии³. Причем, для участников и ДШИ, как партнера проекта, пленэр первичен, а экскурсионный контент вторичен. Для организаторов (музея), наоборот, пленэр не самоцель, а средство, помогающее в новом формате проводить экскурсионную работу, решая, как локальные задачи (например, повысить посещаемость музея), так и глобальные – обеспечить культурную преемственность поколений.

Плановые сроки проекта «Пленэр ДШИ-2017: прогулки по земскому городу» июнь (2017 г.) – май (2018 г.). Два из трех этапов проекта уже реализованы. Этап 1 – пленэрный (июнь, август-сентябрь), на котором предполагалось проведение пленэров в соответствии с разработанной преподавателями ДШИ и сотрудниками краеведческого музея программой, в которую вошло создание этюдов городских пейзажей и знакомство с историей города и конкретных зданий в ходе обзорных и тематических экскурсий по городу. Во время 2-го этапа – конкурсно-выставочного (октябрь-ноябрь) – была оформлена выставка юных художников в краеведческом музее, проведен конкурс выставленных работ по разным номинациям в двух форматах: экспертном и общественном. Работы оценивались и профессиональным жюри, и жителями города. Далее была организована передвижная выставка, которая за период с ноября 2017 по февраль 2018 года побывала в МКУ «Служба единого заказчика» и МАДОУ «Дворец творчества», запланированы и другие площадки, в том числе в марте 2017 г. выставка в течение месяца экспонируется в Екатеринбургской академии современного искусства. На третьем этапе – контрольно-аналитическом (май 2018) будут подведены итоги реализации проекта.

Ожидаемые результаты: новая форма экскурсионной работы музея; новые знания участников проекта; передвижная выставка «Прогулки по земскому городу»; продвижение бренда «Красноуфимск – город земских традиций» (свою концепцию формирования бренда Красноуфимска мы изложили в ряде статей⁴).

¹ Югай И.И. Арт-практика FLUXUS соединение творчества и социальной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2014. №2. С. 676.

² Беляева М.А., Самкова В.А. Азы имиджелогии: имидж личности, организации, территории. Учебное пособие для вузов. Изд. 2-е дополненное. – Москва. Екатеринбург: Кабинетный ученый. 2017.– 228 с.

³ Романова С.А., Беляева М.А. Как сделать подростка активным гражданином // Культура открытого города: новые смыслы и практики /матер. научно-практ. конф.; МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства». – Екатеринбург, 2017. С. 87-90.

⁴ Ладыгина Т.А. Роль краеведческого музея в брендинге малого города: коммуникативный аспект (из опыта Красноуфимска) // Открытый город: через вовлеченность – к изменениям / матер. научно-практической конференции. – Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. – С. 39-43.

Данный проект отвечает стратегической цели, которую ставит перед собой Красноуфимский краеведческий музей: активизировать местное сообщество через вовлечение в арт-практики и добровольческую деятельность для сохранения исторического наследия города и формирования его уникального бренда¹. Эта цель включает много задач, в том числе: разработку и апробацию новых форм внутреннего городского туризма для взрослых, детей и юношества; включение культурно-познавательной деятельности по изучению истории родного города в различные формы работы организаций общего и дополнительного образования (например, как в данном проекте, через организацию пленэра юных художников ДШИ).

Юным художникам необходимо было наработать умение писать этюды на открытом воздухе, а музей предложил добавить к этой работе исторического содержания, в связи с чем каждый день дорога от школы искусств до места проведения пленэра сопровождалась экскурсией специалиста краеведческого музея. Нередко к экскурсионной группе присоединялись и жители города.

Завершился пленэрный этап обзорной экскурсией по городу. Во время путешествия на комфортабельном автобусе юные художники вспомнили летние пешеходные прогулки, подвели своего рода промежуточные итоги проделанной работы и наметили некоторые планы на будущее.

За время проведения пленэра ребята отобразили красоту многих объектов культурного наследия Красноуфимска: здания железнодорожного вокзала, павильона земской больницы, часовни св. Иосифа Песнописца, больших торговых рядов, домов по ул. Интернациональной и Советской. Три дня работали в городском парке им. Блюхера. Итог данного проекта, как уже было отмечено, выставка этюдных работ юных художников.

Информация о ходе пленэра с краткими историческими справками об объектах ежедневно публиковалась в социальных сетях «Одноклассники»² и «ВКонтакте»³ в тематической группе «Красноуфимск – город земских традиций» и других городских сайтах⁴ по типу дневниковых заметок.

Мы полагаем, что дети, участвовавшие в проекте, овладели не только новыми компетенциями, связанными изобразительным творчеством, но и новым краеведческим знанием, что способствует формированию городской идентичности молодых жителей Красноуфимска, пробуждению чувства личной сопричастности к истории своего города, пониманию его уникальности и неповторимости.

В процессе рабочих взаимодействий в ходе проекта укрепились партнерские связи между музеем и школой искусств, а также другими представителями разных городских сообществ. Например, состоялось взаимодействие с владельцами и арендодателями зданий исторической застройки. Здания оказались в центре внимания, открывая новые возможности для их использования в туристической индустрии при условии сохранения исторической подлинности архитектурного облика.

Мы планируем продолжить эту инициативу в 2018 г., возможно расширив границы целевых групп, и полагаем, что новые формы работы музеев с городскими сообществами должны быть полифункциональны, одновременно решая несколько задач, в которых заинтересован не только музей, но и город, его жители. Наш проект работает исключительно на внутреннего потребителя, но арт-практики – это универсальный инструмент, способный привлечь внимание к туристическим маршрутам различного рода и масштаба.

¹Семенова Д.М. Формирование городской идентичности в малых городах России // Современные исследования социальных проблем. 2015. №6 (50). С. 54-63.

²Тематическая группа в социальной сети «Одноклассники» [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: <https://ok.ru/group/53149175775408> - 21.03.2018.

³Тематическая группа в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: <https://vk.com/zemstvokruf1870> 21.03.2018.

⁴Новости Красноуфимск [Электронный ресурс]: Режим доступа: WWW. URL: <https://ksk66.ru/2017/09/07/пленэр-юных-художников-дши-им-осокина> - 21.03.2018.

НОВЫЕ СИМВОЛЫ В МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1990-е – 2000-е ГГ.: СООРУЖЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ¹

С.С. Наумов
Омский государственный
университет им. Ф. М. Достоевского
naumov_s_s@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы, связанные с появлением в 1990-2000 гг. в локальных пространствах городов Западной Сибири (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул) мест памяти о жертвах политических репрессий в СССР 1930-1950-х гг. Восстановлена хронология деятельности по сооружению памятников, раскрывается их символическое значение. Отражена роль историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал».

Ключевые слова: мемориальная культура, локальное пространство города, памятник, памятный знак, памятная доска, жертвы политических репрессий, общество «Мемориал».

NEW SYMBOLS IN THE MEMORIAL SPACE OF THE CITIES OF WESTERN SIBERIA IN THE 1990th – 2000th: CONSTRUCTION OF MONUMENTS TO VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION²

Sergei . S. Naumov
Omsk State University. F. M. Dostoevsky
naumov_s_s@mail.ru

Abstract. The processes connected with the places of memory of victims of political repressions in the USSR 1930th – 1950th emergence in the local spaces of the cities of Western Siberia (Omsk, Novosibirsk, Tomsk, Barnaul) in 1990th – 2000th are considered in the article. The chronology of activities for the construction of the monuments is restored, their symbolical value is revealed. The role of historical, educational and human rights society «Memorial» is reflected.

Key words: memorial culture, the local space of the city, monument, memorial sign, memorial plaque, victims of political repression, the society «Memorial».

Состояние постсоветской мемориальной культуры стало предметом исследования новейшей российской историографии совсем недавно. Подробным образом этот сюжет анализируется в монографии культуролога, профессора Московского педагогического государственного университета А.В. Святославского «История России в зеркале памяти». Автор рассматривает постсоветскую мемориальную культуру России как ряд направлений или «формально-смысловых парадигм, за которыми стоят определённые мировоззренческие установки, иногда пытающиеся отмежеваться друг от друга, а иногда причудливо сливающиеся в массовом сознании»³.

Как компенсаторное обозначает А. В. Святославский одно из основных направлений – реакцию на официальную советскую мемориальную культуру, исключавшую из

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329.

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-09-00329.

³ Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. С. 413.

коммеморативного поля фигуры крупных исторических персон (царей, государственных и военных чиновников Российской империи, «реакционных» деятелей науки и искусства). Свои теоретические выводы учёный подкрепляет значительным фактическим материалом, территориально в большей степени относящимся к столичным городам (Москва и Санкт-Петербург) и городам центральной России. В указанную схему вписываются и изменения мемориального пространства сибирских городов, разумеется, с особенностями их исторического развития.

Рубеж конца 1980-х – начала 1990-х гг. привлекает внимание исследователей «преимущественно накалом политических событий, масштабами гражданской общественно-политической активности»¹. Политика гласности и открытости периода перестройки и последующий затем отказ от идеи строительства коммунистического общества, масштабные демократические преобразования в политической, экономической, социальной сферах, появление свободы слова кардинальным образом отразились на формировании исторического сознания российского социума. Произошли глубокие перемены и в интеллектуальной, духовной жизни людей. Отказ от мононауки, которой являлась советская историография, отказ от цензуры в средствах массовой информации, культуре (литературе, музыке, живописи, кино и т. д.) и, в частности, отказ от «ленинского плана монументальной пропаганды» как программы развития советского монументального искусства позволили по-новому осмыслить историю своей страны. Столь стремительный скачок из несвободы к свободе почти абсолютной (в особенности на «бытовом» её уровне), не мог не повлечь за собой кризисных явлений исторической идентификации и серьёзных трансформаций коллективных представлений о прошлом у советского, а затем уже у постсоветского человека.

Остывание общественных дискуссий, как и проявление радикализации происходили попеременно на протяжении практически всего периода с 1985 до начала 2000-х гг. Всё это проявилось в деятельности региональных историко-культурных сообществ и общественных просветительских организаций, многие из которых сами были рождены непростой эпохой перемен в России в конце XX в.

Наиболее болезненной в общественном дискурсе перестроечных и постперестроечных лет стала проблема оценки периода правления И. В. Сталина в целом и массовых репрессий 1930-х – 1950-х гг. В монографии А. В. Святославского, мемориализация жертв политических репрессий 1930-1950-х гг. в СССР определяется как явление компенсаторного характера, и потому относимое к направлению постсоветской мемориальной культуры, в основе которого лежит реакция на советскую официальную политику памяти: «... Формально репрессии были осуждены ещё самой партийной властью в 1956 г. (XX съезд КПСС), но при этом ни полномасштабной реабилитации невинных жертв той политики террора, ни, тем более увековечения их памяти не последовало»².

В условиях ослабления политики всеобщего государственного контроля над жизнью общества, в 1987 г. в Москве возникает неформальная организация «Мемориал», которая 28-29 января 1989 г. в ходе учредительной конференции была преобразована в Международное историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал». Многие региональные филиалы этой организации были образованы инициативными группами единомышленников, которые начали свою деятельность ещё до официального создания организации. В крупных центрах Западной Сибири (Омск, Новосибирск, Томск, Барнаул) свои «Мемориалы» действовали уже в 1988 г. Практически все местные отделения на своих учредительных конференциях выдвинули в качестве одной из главных задач - установку в

¹ Рыженко В.Г. Комплексная общественная экспертиза «Омск-90» и культурное пространство города в конце XX – начале XXI века // Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России. Омск: Изд. дом «Наука», 2013. – С. 17.

² Святославский А.В. Указ. соч. С. 416.

областных центрах монументов памяти жертвам политических репрессий¹.

Один из первых таких памятников в Сибири был открыт в Томске 25 октября 1992 г. по инициативе Томского областного общества «Мемориал», при поддержке администрации города, на средства из городского бюджета и пожертвования горожан. Предыстория его появления такова. 14 июня 1989 г. в сквере, разбитом на территории бывшей тюрьмы НКВД на проспекте Ленина состоялся траурный митинг. В нём приняли участие первый секретарь Томского горкома КПСС В. М. Кетов, председатель Томского горисполкома Б. А. Ковригин, члены «Томского Мемориала», бывшие репрессированные, представители городской интеллигенции, студенты. После митинга под звуки траурной мелодии был открыт памятный камень из серого гранита. На нем была прикреплена доска со словами: «На этом месте будет оборудован сквер памяти жертвам политических репрессий». Летом 1989 г. решением Томского облисполкома был объявлен конкурс на составление проекта памятного сквера. Председатель областного совета общества «Мемориал», профессор Л. Ф. Печурин рассказывал: «Нужно продумать именно решение всего сквера, включающего в себя памятный знак, использование стены, сам сквер, музей... Надо помнить о нашей сверхзадаче: восстановление нравственности и исторической памяти. Этому будет способствовать и сквер памяти»².

В 1990 г. был проведён открытый конкурс проектов памятника жертвам политических репрессий, где было представлено более 20 работ. Лучшим проектом был признан памятник в виде православной часовни. Однако этот замысел претворить в жизнь не удалось. Помешали протесты со стороны представителей татарской общины, мусульман города. Свою роль сыграла экономическая ситуация в стране в 1991 -1992 гг.

Несмотря на это, члены «Томского Мемориала» продолжали сбор средств на строительство сооружения. В ходе продолжавшихся обсуждений проекта памятника начальник главного управления архитектуры и градостроительства облисполкома, архитектор В. Ф. Косоногов предложил оставить закладной камень и сделать его доминантной составляющей памятника, соорудив над ним символическую мраморную арку с текстом. Памятник был открыт осенью 1992 г.: «Свыше шестисот человек собрались в воскресный полдень 25 октября на открытие памятника «Камень скорби» на месте недоброй памяти горотдела НКВД, где ныне расположен Сквер памяти... Перед людьми предстала арка, облицованная светлым мрамором на которой начертаны слова: «В память убиенных на томской земле в годы большевистского террора установлен этот Камень Скорби».

Текст надписи был согласован и предложен членами «Мемориала». Наибольший резонанс обещал вызвать эпитет «большевистский» перед словом «террор». Если в начале перестройки репрессии официально именовались сталинскими, то достаточно скоро ретроспективный анализ прошлого подтвердил, что террор начался в Советской России до полновластия Сталина и отнюдь не кончился с его смертью. Он назван большевистским потому, что тираны в России менялись, а верный им «орден меченосцев» оставался у власти до самого краха СССР»³.

Такая же дискуссия «о формулировках» возникла и в «Омском Мемориале». В отличие от Томска, «города студентов и учёных», крупного научного центра страны, единственного в Сибири имевшего университетские традиции, обращённые в дореволюционное прошлое, а значит и непременно обладавшего определённой аурой свободомыслия и интеллектуального вольнодумства, город «военных и чиновников» Омск оказался в этом плане более консервативным. Представители омской гуманитарной интеллигенции, многие из которых

¹ ГИАОО (Исторический архив Омской области). Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 55. Л. 2; ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

² Памятник жертвам политических репрессий на Томской земле [Электронный ресурс] Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». - Режим доступа: http://nkvd.tomsk.ru/projects/regional_memorials_and_tablets/memorials_memrial_tablets/The_Memorial/. (дата обращения: 26.02.2018.)

³Кашеев Н. Над камнем Скорби – мраморная арка // Томский вестник. 1992. 28 октября.

сотрудничали с «Омским Мемориалом» никак не могли подобрать к наименованию монумента необходимую «примирительную» интонацию. Из названия «жертвам тоталитарного коммунистического режима» сначала исчезло слово «коммунистического», заменённое на «тоталитарного». Затем «режим» превратился в «тоталитарные сталинские репрессии». Через некоторое время репрессии стали только «сталинскими», а затем «массовыми политическими». Вероятно, эти метания в отделении «Омского Мемориала» можно объяснить не только желанием изобрести компромиссный вариант, не превращая создание памятника в акт гражданской розни, но и тем, что в отличие от властей Томска, омские чиновники не спешили помогать «мемориаловцам» в деле увековечивания памяти репрессированных.

С начала 1990 г. «Омский Мемориал» организует сбор средств на установку памятных знаков. К этому времени, благодаря статьям в периодике, организация уже получила известность в городе. Началось сотрудничество с омскими промышленными предприятиями (большинство крупных заводов города были построены в 1930-1950-е гг. руками заключенных). Обществу помогали: омское отделение железной дороги, производственное объединение им. П. И. Баранова, ПО «Полёт», шинный завод и др. Одним из горожан «Мемориалу» был подарен камень-валун для использования его в качестве памятного знака жертвам репрессий. В октябре 1991 г. напротив здания Омского горисполкома состоялся двухчасовой пикет, организованный членами регионального отделения общества «Мемориал». В день памяти политзаключённых «мемориаловцы» выразили протест против волокиты городских властей, которые в течение длительного времени не сумели определить место для установки камня «под основание будущего памятника жертвам сталинских репрессий»¹.

За пикетом 30 октября последовало ещё несколько. Только после этого, тогдашний руководитель города Г. А. Павлов выдал разрешение на установку памятного камня. Камень с доской с надписью: «Жертвам политических репрессий» был установлен на территории Первомайского сквера, напротив областного управления КГБ (бывшего здания НКВД на ул. Ленина). 24 ноября 1991 г. памятник был торжественно открыт и освящён при большом стечении народа².

В 1992 г. начался сбор средств на сооружение большого скульптурного памятника. По итогам открытого конкурса предпочтение было отдано проекту архитектора М. М. Хахаева. Несколько раз сроки открытия памятника переносились, но 16 октября 1994 г. обществом «Мемориал» при поддержке областной администрации в сквере им. Павлика Морозова напротив здания Главпочтамта был открыт памятник «Жертвам массовых политических репрессии». Композиция представлена в виде открытой часовни, состоящей из четырёх арок, соединённых крестообразной крышей, с куполами на небольшой круглой колонне. «На опорах установлены мемориальные доски со списком лагерей и тюрем, с мест расположения которых была привезена земля и засыпана в крипту под полом часовни. Из этой земли сквозь плиту пола пробивается росток. Вверху укреплен безъязыкий колокол с надписью «Исповедуемся перед всемогущим Богом и людьми – мы были невиновны»³. В городской газете «Вечерний Омск» в те дни вышла статья Е. Стреленко под заголовком «Простите наше бездействие!», рассказывающая об открытии памятника: «Воскресный день выдался светлым, как светла сама память о погибших. Прошлое не вернёшь. Но нельзя забывать его уроки. Наверное, не полностью осмысливали всё происходящее в парке внуки и правнуки тех, кто когда-то чувствовал на своей щеке дыхание смерти. А они – мужья, жёны, дети, которых ангелы-хранители защитили от гибели, – обращались к праху своих близких: «Простите наше

¹ Хотят узнать, куда поставить камень // Сибирская газета. 1991. 11-17 ноября.

² Дорогой убитых отцов (К 25-летию деятельности омского отделения «Мемориал»). Омск, 2013. С. 3.

³ Назарцева Т.М. К вопросу о монументальных памятниках и городской скульптуре Омска // Проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия в памятниках Омского Прииртышья. – Омск: ОГИК музей, 2005. – С. 60.

молчание. Простите наше бездействие»¹.

В первой половине 1990-х гг. установление памятных камней-валунов стало одной из наиболее масштабных форм деятельности общества «Мемориал». Эта традиция имела символическое значение: осенью 1990 г. в Москве в сквере возле Политехнического музея был открыт памятник жертвам репрессий, известный как «Соловецкий камень». Он представлял собой гранитный валун, привезённый с территории Соловков, где располагался один из первых и наиболее известных советских концлагерей – СЛОН. Эту традицию решили продолжить члены Новосибирского отделения общества «Мемориал». Наиболее последовательным воплощением идеи сооружения в Новосибирске памятника жертвам репрессий стал тогдашний руководитель отделения Общества Л. С. Трус. С конца 1980-х гг. он обращался в администрацию райисполкома Железнодорожного района Новосибирска с предложением по созданию памятника. Было определено место для установки - Нарымский сквер на пересечении улиц Советской и 1905 года, где раньше располагалась пересылочная тюрьма. Согласно принятому решению – в основе памятника должен был находиться валун, привезённый с каменоломен в п. Ложок Искитимского района, где в годы репрессий находились особые лагерные пункты № 4 (ОЛП-4) и № 2 (ОЛП-2) СибЛАГа. Лагерь ОЛП-4 считался штрафным и был известен среди заключённых под названием «Искитимского»².

Работу над проектом возглавил архитектор А. А. Бернов. Он вместе с бывшими узниками Искитимского лагеря выбрал камень, в который была вмонтирована памятная табличка, и до принятия окончательного архитектурного решения, камень был установлен в Нарымском сквере. Однако реализация идеи растянулась почти на 10 лет. Только в начале 1998 г. постановлением главы администрации области был объявлен конкурс проектов памятника жертвам политических репрессий. В марте 1998 г. в Новосибирской архитектурно-художественной академии прошла выставка, на которой было представлено 14 проектов: «Вот на круглом бетонном островке посреди бассейна стоят четыре одиноких силуэта, окружённых чёрными крестами-колоннами. Вот конструкция из бетонных брёвен – то ли нечто разрушенное, то ли недостроенное... Скульптура «Пепел» представляет собой сидящего на земле человека, он состоит только из внешней оболочки, внутри него ничего нет... Вроде бы есть человек и в то же время вместо него мы видим нечто иное. Так, наверное каждый попавший в застенки НКВД и не чувствующий за собой вины думал: “Или произошла ошибка, или этот несчастный на тюремных нарах – не я!”»³.

Но ни одна из этих скульптурных композиций в итоге не стала частью исторического ландшафта Новосибирска. В начале 2000-х гг. архитекторы В. М. Пивкин и А. А. Гамалей предложили архитектурное решение – постамент и ротонда из полированного серого гранита высотой 4,5 м, надпись на чёрной мраморной доске – «Граждане Новосибирска – жертвам политических репрессий». На постаменте высечены названия самых крупных лагерей ГУЛАГа. Торжественное открытие памятника состоялось 30 октября 2003 г., в «День политзаключённых»⁴.

Любопытен тот факт, что затянувшаяся работа по созданию мемориала репрессированным в «столице Сибири» никоим образом не отразилась на появлении новых мемориальных объектов в городах Новосибирской агломерации и городах (и даже поселках) области. Во многом уникальным событием стало открытие 3 июня 1990 г. (т. е. почти за полгода до установки «Соловецкого камня» в Москве) в д. Боровушка Тогучинского района Новосибирской области памятника эстонцам, погибшим в годы репрессий. Памятник представляет собой двухметровую стелу с прикреплённой плитой, на которой крупными

¹ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 18.

² Памятник жертвам политических репрессий. Архитектура Новосибирска. URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2539>. - (дата обращения: 27.02.2018).

³ Бойко С. Жертвам репрессий // Советская Сибирь. 1998. 18 марта.

⁴ Мемориальный комплекс жертвам политических репрессий Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=812>. (дата обращения: 27.02.2018).

буквами начертано «Родные! Мы помним вас» и список из 46 человек. Средства на строительства памятника собрали сами жители деревни. Стелу памятника и надписи изготовили рабочие кооператива «Глериа»¹.

В день памяти жертв политических репрессий 30 октября 1994 г. в г. Искитиме на месте бывшего лагеря был открыт памятник «Поклонный крест» (авторы: художник Н. Г. Койнов, архитектор Е. А. Блинкевич). Крест высотой 2 м 20 см (размах средней крестовины – 1 м) был отлит из чугуна. С фасадной части постамента на мраморной плите надпись: «Жертвам политических репрессий. Мир праху, честь имени невинно погибших»². В этот же день в г. Куйбышев Новосибирской области был торжественно открыт «Мемориал землякам - жертвам репрессий» (автор – художник П. В. Мартыненко)³.

История установки памятника репрессированным в Барнауле существенно отличается от описанного выше. Временной промежуток между созданием эскиза будущего памятника и его торжественным открытием составил 22 года. Макет памятника, получившего символическое название «Прощание», был создан алтайским скульптором П. А. Щетининым в конце 1980-х гг. В 1989 г. Алтайское республиканское региональное отделение общества «Мемориал» выдвинуло инициативу установки в Барнауле памятника жертвам сталинских репрессий. В 1996 г. общественники добились установки закладного памятного камня на площади Свободы – в довоенное время это была центральная городская площадь. Камень представлял собой стелу на бетонном постаменте, надпись на которой гласила: «На этой площади будет установлен памятник жертвам политических репрессий. Июнь 1996 г.»⁴. В последующие годы, было несколько попыток объявить конкурс, собрать средства на памятник, однако успехом эти действия не увенчались.

О реализации идеи установки мемориала репрессированным в Барнауле рассказывает присутствовавший на открытии памятника, кандидат исторических наук, известный политический деятель В. А. Рыжков: «Сама идея очень старая, она родилась еще в 1989 году, когда мы, тогда еще студенты Алтайского университета, впервые после 1937 года вскрыли массовые захоронения на так называемой Барнаульской горе, под стенами городской тюрьмы. Именно туда ночами в крытых грузовиках возили трупы расстрелянных... А три года назад... во время экспедиции в Монголию вместе оказались банкир Александр Лебедев, художник Анатолий Щетинин и я. Анатолий Щетинин рассказал, что его отец еще в 1987 году сделал макет памятника жертвам репрессий под названием «Прощание». Мы посмотрели фотографию макета, нам очень понравилось, и Лебедев сказал, что готов внести первый взнос – с этого все и закулилось»⁵.

В отличие от своих собратьев в Омске, Новосибирске и Томске, барнаульский памятник «Прощание» не отталкивается в основе от памятного камня и не является символической композицией. Это реалистическая скульптура, представляющая собой изображение мужчины со связанными руками, на котором повисает сын, видящий отца в последний раз. Бронзовый монумент высотой в 4,5 метра был выплавлен на заводе «ЗиЛ» в Москве, красный гранит постамента доставлен из Финляндии и отшлифован в Санкт-Петербурге. Проект памятника подготовили архитекторы А. О. Крылов и Е. П. Крылова. Благоустройство территории мемориала было проведено администрацией города Барнаула. Торжественное открытие памятника состоялось 4 ноября 2010 г. в День народного единства⁶.

¹ Барсуков А. Мы памятью и дружбою сильны // Ленинское знамя (Тогучин). 1990. 14 июня.

² Рябчиков И. Будь проклята ты, Кольма! // Искитимская газета. 1994. 9 ноября.

³ «Нас семьдесят лет учили, что жизнь – это бой, по новым данным разведки, мы воевали сами с собой...» / запись С. Мерзликиной // Ведомости Новосибирского Совета депутатов. 1994. 3 ноября.

⁴ Памятник «Прощание. Жертвам политических репрессий посвящается». Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?id=220&t=photo>. (дата обращения: 28.02.2018).

⁵ Соколов М. В Барнауле открыт памятник репрессированным. Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/2210512.html>. (дата обращения: 28.02.2018).

⁶ Памятник «Прощание. Жертвам политических репрессий посвящается». ВизитАлтай. РФ. - URL: http://www.visitaltai.info/where_visit/objects/monuments/8369/. (дата обращения: 28.02.2018).

Появлению в мемориальном пространстве городов Западной Сибири памятников жертвам политических репрессий способствовала рождённая демократическими преобразованиями идея общенационального покаяния. Одно из основных принятых на учредительной конференции «Мемориала» в Москве в январе 1989 г. положений гласило: «В целях нравственного очищения общества Конференция считает необходимым признать массовые репрессии против человечества и провести общественный суд над Сталиным и всеми виновными в репрессиях, в интересах гуманности и милосердия отказавшись от уголовного преследования оставшихся в живых»¹.

Из данной установки, можно сделать вывод, что реализация проектов по сооружениям в российских городах памятников «жертвам политических репрессий» не должна была стать символом грядущего торжества принципа «око за око». Жертвы террора и их потомки, в большинстве своём, не были обуреваемы жадной запоздалой мести. Об этом свидетельствует хотя бы то, что Западная Сибирь в 1990-е гг. (в отличие, например, от схожего по накалу идеологических баталий периода 1920-х гг.) оказалась регионом социально спокойным: сибирские города избежали войны с памятниками и памятью, как это было в Москве и ряде других городов. И в Омске, и Новосибирске, и в Томске, и в Барнауле спокойно ужились в едином культурном пространстве, как памятники жертвам репрессий, так и многочисленные изваяния В. И. Ленина, которого уже к 1992 г., и официальная печать, и многие «мемориаловцы» называли не иначе как «родоначальником и вдохновителем террора в стране».

Насколько успешной оказалась попытка общественной дискуссии на тему политических репрессий в СССР судить сложно. Многие факты свидетельствуют о неконструктивности данного диалога. В июне 1991 г., камень на месте будущего памятника жертвам репрессий в Томске подвергся атаке вандалов: с него была сбита табличка². После создания полноценного мемориала, памятник в Томске осквернялся ещё трижды: в 2000, 2015 и 2016 гг.³ В разгар работ по строительству памятника жертвам репрессий в Омске, летом 1994 г., руководство «Омского Мемориала» было вынуждено обратиться к начальнику УВД Администрации Омской области Е. А. Стороженко с просьбой о принятии мер по охране строящегося объекта. Основанием для такого обращения стали «анонимные звонки с угрозами взорвать памятник, а также угрозы в адрес автора проекта, областного архитектора М. М. Хахаева»⁴. В интервью 1998 г. под заголовком «Время покаяния ещё не наступило», опубликованном в «Вечернем Новосибирске», председатель координационного совета Новосибирского областного общества «Мемориал» Л. С. Трус замечал: «Но страшно то, что эра всеобщего покаяния не наступила до сих пор. С трибун Госдумы сейчас раздаются голоса: что, мол, мы носимся с этими репрессированными... Ещё недавно членов общества «Мемориал» забирали в милицию. Несколько раз срывали табличку с заложенного камня в Нарымском сквере»⁵. Не наступило время покаяния, судя по всему и к 2010 г., поскольку установка памятника в Барнауле также вызвала неоднозначные реакции⁶.

История сооружения в городах Западной Сибири памятников жертвам политических репрессий в сталинском СССР имела своё логичное развитие в условиях, происходивших в России демократических изменений 1980-х – 1990-х гг. Во всех городах значимость монументов репрессированным была тесно привязана к базовой идеологической концепции тех лет – общенародного раскаяния, примирения и нравственного очищения общества от идеи принятия насилия, как двигателя социального развития. Важной функцией этих памятников стала их нравственная составляющая – очищение скорбью. Безвинно пострадавшие люди

¹ ГАНУ. Ф.Р-600. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

² Пересветов И. Осквернённые могилы // Томский вестник. – 1991. – 25 июня.

³ Памятник жертвам политических репрессий на Томской земле... Указ соч.

⁴ ГИАОО. Ф.П-9704. Оп. 1. Д. 79. Л. 22.

⁵ Бобров С. Время покаяния ещё не наступило // Вечерний Новосибирск. – 1998. – 12 марта.

⁶ Для чего в Барнауле открыт памятник жертвам репрессий? PolitBoard. URL: <http://www.inomnienie.ru/debate/3091/>. (дата обращения: 28.02.2018).

были наконец-то восстановлены не только в юридических, но и в моральных правах, а их родственники обрели места, куда могли теперь приходить, чтобы почтить память своих близких, от которых зачастую не осталось даже символических могил. И если идеологическая оценка роли этих мемориалов в новейшей российской истории пока не может быть однозначной, то свою гуманистическую миссию памятники жертвам репрессий в большей степени выполняют, став при этом неотъемлемой частью мемориального пространства городов Западной Сибири.

ГОРОД КАК ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

А.А. Павильч
Белорусский государственный
экономический университет
pavilch@tut.by

Аннотация. В статье анализируется исторический и современный опыт изучения социокультурного своеобразия городов. Представлена методология интерпретации города как текста культуры и мультикультурной целостности. Раскрыта значимость семиотического и компаративного подходов в целостной репрезентации культуры городской среды. Выявлена динамичность семиотического пространства города, показана подвижность знаково-символического содержания городского текста.

Ключевые слова: городской текст, мультикультурная целостность, семиотическое пространство, городской ландшафт, историко-культурные объекты, символы.

CITY AS A TEXT OF CULTURE AND MULTICULTURAL INTEGRITY

Alexander A. Pavilch,
Belarus State Economic University
pavilch@tut.by

Abstract: The article analyzes the historical and modern experience of studying the socio-cultural originality of cities. The methodology of city interpretation as a text of culture and multicultural integrity is presented. It reveals the importance of semiotic and comparative approaches in a holistic representation of the culture of the urban environment. The dynamism of the semiotic space of the city is revealed, the mobility of the symbolic content of the city text is shown.

Key words: urban text, multicultural integrity, semiotic space, urban landscape, historical and cultural objects, symbols.

Своеобразие социокультурной организации и самобытной жизни отдельных городов отмечалось с древнейших времен, о чем особенно свидетельствуют библейские тексты и сочинения античных мыслителей (Аристотеля, Гиппократа, Геродота и др.). В древнеримский период именно наличие или отсутствие городской цивилизации определяло особенности восприятия чужеземцев и являлось основным критерием оценки их развития. В сочинении Тацита «О происхождении и местожительстве германцев» представлена характеристика жизнедеятельности германских племен, заметно контрастирующая с культурной реальностью цивилизованных римлян. По свидетельству Тацита, германцам была неведома городская цивилизация, они селились в отдалении друг от друга, использовали необработанный строительный материал, не заботились о красоте и изяществе своих построек. В описаниях образа жизни и коммуникативных особенностей германских племен заметна их дистанцированность и замкнутость, прагматическая простота и неприхотливость в повседневных потребностях. В то же время, сравнивая уровни культурного развития цивилизованных римлян и примитивных германцев, Тацит показал, что приобщение к благам цивилизации может идти вразрез с нравственностью и духовным обогащением людей¹.

Системное и последовательное изучение феномена города как текстовой и мультикультурной целостности началось в XIX веке. Французский писатель Стендаль в своих

¹ Тацит. *Анналы. Малые произведения. История / Тацит*; пер. с лат. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Ладомир, 2001. 992 с.

путевых заметках («Прогулки по Риму»), представляющих собой богатейший опыт компаративных наблюдений в европейском культурном пространстве, считал возможным выявление отличительных особенностей любой локальной целостности только с помощью контрастного фона другой культурной среды. По его определению, только французские или английские нравы способны оттенить и подчеркнуть все индивидуальные характеристики итальянской культуры¹.

Типичной особенностью осмысления мультикультурной реальности в XIX – нач. XX в. была редукция социокультурного бытия локальных культур к психофизической реальности, наглядным подтверждением чего является концепция культуры Освальда Шпенглера. Он отождествлял все великие культуры с душевными организациями, воплощенными в разнообразии символических форм, в которых реализуются исторические судьбы и творческий потенциал народов как душевных единств. Такими же живыми органичными единствами представлялись О. Шпенглеру города и деревни, которые в свою очередь «различаются не размерами, а наличием души»².

Обладание города множеством культурных напластований и собственным знаково-символическим измерением позволяет одновременно воспринимать его в качестве мультикультурной целостности и сложноустроенного текста культуры. Опыт компаративных исследований культурного разнообразия дает основание для отождествления культурной целостности со структурно-функциональным и содержательно-смысловым образованием, сформировавшимся в динамике развития определенной общности (историко-культурной, социальной, этнонациональной, конфессиональной) и обладающим совокупностью универсальных форм социокультурной организации и признаков уникальности³. П.А. Сорокин неслучайно назвал всю культуру «некой совокупностью, которая создана или модифицирована в результате сознательной или бессознательной деятельности»⁴.

Методологическую основу интерпретации города как мультикультурной целостности составляют *компаративный и семиотический* подходы, позволяющие выявить и соотнести структурные уровни и содержательно-смысловые компоненты культурного пространства города, определить способы индивидуальной маркировки его архитектурной организации, постичь символическое измерение социокультурной, политической, религиозной, художественной среды. Компаративный подход обеспечивает целостное восприятие и объяснение культурного разнообразия города на уровне теоретического анализа и обобщения фактов эмпирической реальности (интерпретации структурных, морфологических, ценностно-смысловых, знаково-символических, коммуникативных, идеологических, регулятивных и других аспектов городской среды)⁵.

По определению К. Леви-Строса, установление существенных различий между Парижем и Марселем как городскими комплексами Франции является примером сопоставления «двух культурных единиц» внутри одной культурной целостности⁶.

Объектами специальных исследований давно стали известные в мире городские тексты (афинский, римский, парижский, лондонский, пражский, мюнхенский, Санкт-Петербургский, московский, крымский и др.). Уникальность социокультурной среды каждого города

¹ Стендаль. Собрание сочинений. Прогулки по Риму / Стендаль; под общ. ред. А. А. Смирнова, Б. Г. Реизова; пер. Б. Г. Реизова. М.-Л.: Гос. изд-во худож. лит. 1949. Т. 12. С. 296.

² Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер; пер. с нем. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1: Гештальт и действительность. С. 114.

³ Павильч, А.А. Компаративные исследования культурного разнообразия: методологический опыт и коммуникативная проекция. Минск: МГЛУ, 2017. С. 46–47.

⁴ Сорокин, П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. Сорокин; пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: РХГИ, 2000. С. 19.

⁵ Павильч, А.А. Сравнительная культурология. Минск: МГЛУ, 2015. С. 29.

⁶ Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; под ред. В. В. Иванова; пер. с фр. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 307–308.

обосновывается влиянием *духа местности* или *духа ландшафта* (лат. *genius loci*)¹. В. Шубарт считал дух ландшафта одним из основополагающих факторов межкультурных различий, которые в свою очередь определяют многообразие духовных измерений мировой культуры².

В монографическом исследовании О.М. Соколовой «Минский текст: проблематика культурной памяти столичного города в условиях цивилизационного помежья», опирающемся на разнообразные научные, философские, исторические, фольклорные и литературно-художественные источники, обоснован статус *минского городского текста*³. В этой работе представлена комплексная репрезентация Минска как гениального места, обладающего своей уникальной духовной средой наряду с другими известными знаковыми городами мира. Автор последовательно проследил динамику семиотического пространства Минска и выявил ценностно-семантические изменения в культурном ландшафте города, обусловленные разными историческими, социальными и идеологическими факторами. Исследование О.М. Соколовой производит такое впечатление, что привлеченных для анализа историко-культурных фактов и объектов гораздо больше, чем их есть в реальности. Автор не мог и не хотел упустить ни одного факта и детали, чтобы не потерять ощущение целостности. Обилие историко-культурных артефактов Минска, бесспорно, искушало уход в фактические подробности, но в то же время не лишало возможности их глубокого семантико-семиотического постижения.

Культурная среда Минска давно стала весьма привлекательным объектом исторических, краеведческих, этнографических и искусствоведческих исследований, каждое из которых вносит весомый вклад в изучение национального достояния и в сохранение историко-культурного наследия. Для современной культурологии исключительную научную значимость представляет системный анализ семиотического пространства Минска, являющегося знаково-символическим выражением национальных ценностей и носителем памяти белорусской культуры, исторические основания и ключевые маркеры которой традиционно связываются со столицей.

Город, как и другая культурная целостность, исключает абсолютную однородность своей конституции, поскольку коммуникативные процессы, в определенной степени затрагивающие каждую культуру, способствуют, по определению Р. Якобсона, «внесению разнообразия в свой код» и приводят к «сочетанию в себе различных кодов»⁴. Сложная структура и многоуровневость минского текста дает основание для рассмотрения его в качестве интертекстуального образования. Целостность и системность исследования семиотического пространства Минска обеспечивается анализом его разных измерений (мифологического, историко-культурного, этнокультурного, конфессионального, государственно-политического, социально-экономического, повседневного, интернационального, поэтического).

Семиотическое пространство Минска включает разные историко-культурные слои, каждый из которых представляет собой совокупность значимых культурных объектов, обладающих собственным символическим измерением и информационной сущностью (культурным кодом). Элементы национальной культуры воплощены в знаково-символической составляющей семиотического пространства, связанной с ценностно-маркированными культурными объектами, их глубинными значениями и смыслами (сакральными местами, архитектурными символами, монументальным искусством, памятниками и скульптурами, мемориальными досками, музеями, знаковыми местами, усадьбами, ландшафтными композициями и др.).

¹ Казначеева, Т.А. Понятийный статус концепта «*Genius loci*» и его функции в тексте культуры города Мюнхена: автореф. дис.... канд. культурологии: 24.00.01 / Т.А. Казначеева; КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 2009.– 20 с.

² Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт; пер. с нем. З.Г. Антипенко, М.В. Назарова. 2-е изд. М.: Альманах «Рус. идея», 2000. С. 17.

³ Соколова, О.М. Минский текст: проблематика культурной памяти столичного города в условиях цивилизационного помежья. Минск: БГУКИ, 2017. 417 с.

⁴ Якобсон, Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 313.

Семиотическое пространство Минска выстроено из множества официальных, ритуальных, сакральных, поэтических, образно-символических, природно-ландшафтных текстов, которые в свою очередь достаточно динамичны и способны к трансформации. Это прежде всего подтверждается подвижностью семиотики архитектурного пространства, поскольку город неоднократно менял свой облик. С середины XVI в. деревянное зодчество заменяется каменным, а после вхождения города в состав Российской империи произошла существенная перепланировка, изменились функции многих культовых сооружений.

В результате разных исторических событий происходило смещение или переименование символических центров Минска, что определялось действующим государственным строем и его идеологией. Так, при польской оккупации 1919–1920 гг. главная улица Минска была переименована с *Советской* в улицу *Адама Мицкевича*, а во время немецко-фашистской оккупации (с 1 августа 1941 г. по 24 марта 1944 г.) главный проспект назывался *Hauptstraße* (Хауптштрассе). С 25 марта 1944 г. до 3 июля 1944 г. – «25 марта». Такое название было принято оккупационной администрацией по предложению Белорусской Центральной Рады в честь Дня провозглашения независимости Белорусской Народной Республики 25 марта 1918 г. После освобождения Минска главной улице снова вернули ее прежнее название – *Советская*. Затем проспекту присвоили имя *Сталина* (1952 г.), переименовали в *Ленинский* (1961 г.), после распада СССР – проспект *Франциска Скорины* (1991 г.), с 2005 г. – проспект *Независимости*. В современный период в праздновании национальных праздников главная роль отведена проспекту *Победителей*, на который не случайно был перенесен с центральной оси города музей Великой Отечественной войны.

Поликультурный колорит пространства Минска отражается в многочисленных названиях его улиц. Многие исторические названия, впоследствии переименованные, связаны с разными этническими группами (немецкая, лютеранская, еврейская, большая и малая татарская, турецкая). Интернациональный колорит советских времен подтверждается названиями улиц *Авакяна*, *Азизова*, *Асаналиева*, *Искалиева*, *Кульман*, *Мельникайте*, *Судмалиса*, *Рафиева*, *Чигладзе* и др. Этнокультурные компоненты присутствуют также в названиях многочисленных скверов, торговых центров, магазинов и учреждений общественного питания.

В потоке современного информационного изобилия важно всегда оставаться избирательным и критичным по отношению к отдельным популярным источникам¹, которые представляются очень спорными, субъективными или вообще сомнительными в плане интерпретации истории Минска и его знаковых объектов. Часто проводятся аналогии между структурой Минска и утопического «Города солнца» Томазо Кампанеллы, где осью города является *Проспект Солнца*, а верховным правителем – жрец-метафизик с тремя соправителями (*Мудростью*, *Могуществом*, *Любовью*). Их архетипы с невероятной убедительностью обнаруживают во многих минских площадях. Площадь *Независимости*, охватывающая Дом правительства, мэрию, главные корпуса Белорусского государственного и педагогического университетов, отождествляется с *мудростью*. Но при этом с архетипом мудрости никак не соотносят Академию наук, расположенную на главной оси города. *Площадь Победы* связывается с *могуществом*, в то время как на *Октябрьской* площади расположен Дворец Республики – один из символов власти народа, а к той же *Октябрьской* площади примыкает здание бывшей резиденции Президента. Площадь *Калинина* отождествляется с площадью *Любви*. Почему именно она, можно догадаться и согласиться, если учесть ее близость к парку Челюскинцев и Ботаническому саду, которые долгое время были основным местом встреч и развлечений молодежи. Но рекреативные возможности и ресурсы современного города расширились. Почему бы с семантикой любви не связать площадь *Независимости* в районе торгового центра «Столица» (место массового скопления молодежи и туристов) или же *Октябрьскую* площадь с ее Александровским сквером – популярным местом отдыха и встреч. Предлагаемые соотношения и аналогии очень

¹ Клинов, А. Минск: путеводитель по Городу Солнца. М.: Ad Marginem Press, 2013. 128 с.

противоречивы, поскольку семантика этих площадей всегда была подвержена десемантизации и смысловой трансформации. Все это подтверждает нелинейность смысловых схем, невозможность полного соответствия заданному стандарту «Города Солнца». С одним нельзя не согласиться, что любой *Город Солнца*, а потому и

Минск в определенной степени, строился именно для зрителя, как своего рода декорация с ограниченностью ее использования. Ведь горожанин не всегда может свободно прилечь на лужайке сквера или парка, разместиться на его обычной скамейке, посидеть у любого городского памятника в летнюю пору, наслаждаясь стихией городской жизни, так как подобное поведение может быть расценено как нарушение правопорядка. Наша городская реальность далека от демократичных принципов жизни, где человек ясно осознает свое право быть не только зрителем, но и полноправным субъектом городского пространства.

Соотношение семиотического пространства, культурного ландшафта и культурного кода разных городов позволяет установить их типологическое сходство, выявить отличительные особенности духовных оснований разных городских текстов и определить специфику знаково-символической организации культурного пространства. Практическая значимость результатов семиотической и компаративной интерпретации городских текстов выражается в возможности их использования для повышения туристической привлекательности городов, обладающих богатейшим историко-культурным наследием, уникальным обликом и духовной атмосферой. Альтернативные подходы в репрезентации городских текстов способны дополнить традиционные и не всегда эффективные методы историко-культурной фактологии в экскурсионной деятельности, позволят обеспечить целостный обзор пространства городской культуры.

ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ К ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И В ФОКУСЕ ПАРАДИГМЫ ПАМЯТИ¹

В.Г. Рыженко
Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского
valentina948@mail.ru

Аннотация. Представлена концепция коллективного проекта. Его цель разработка и апробация экспериментальной исследовательской модели выявления специфики изменений в локальном культурном пространстве разных типов поселений (город-центр, малый город, специфическое сельское поселение). Модель позволит получить новое знание о социокультурных процессах, происходящих в переходный период от символики советской эпохи к новым образам и символам памяти о прошлом. Основные теоретико-методологические опоры соединяют в русле интеллектуальной истории варианты структурирования поселенческого локального культурного пространства и матрицу трехуровневой иерархии фигур памяти.

Ключевые слова: междисциплинарная исследовательская модель, культурное пространство поселения, loci-совокупность, иерархия мест и фигур памяти, образы прошлого, символы советской эпохи

POSSIBILITIES OF STUDYING TRANSFORMATIONS OF LOCAL CULTURAL SPACES IN CONDITIONS OF TRANSITION FROM THE SOVIET EPOCH TO POST- SOVIET RUSSIA AND IN THE FOCUS OF THE PARADIGM OF MEMORY²

Valentina G. Ryzhenko
Omsk State University. F. M. Dostoevsky
valentina948@mail.ru

Abstract. The article are presented the concept of a collective research project. The purpose of the project is the development and approbation of an experimental research model for identifying the specifics of changes in the local cultural space of different types of settlements (main town, small town, specific rural settlement). It is shown that the model will provide new knowledge about the sociocultural processes that take place in the transition period from the symbols of the Soviet era to new images and symbols of the memory of the past. The main theoretical and methodological pillars connect in the mainstream of intellectual history the options for structuring the settlement local cultural space and the matrix of the three-level hierarchy of figures of memory.

Key words: interdisciplinary research model, cultural space of settlement, loci-totality, hierarchy of places and figures of memory, images of the past, symbols of the Soviet era

Наше исследование отвечает внутренней логике развития науки. На современном этапе расширяются возможности исторического познания, укрепляется тенденция к полидисциплинарной кооперации исторической науки с другими научными областями. Актуализируется разработка междисциплинарных моделей, которые позволят получить новое знание о социокультурных процессах, происходящих в переходный период от одной исторической эпохи к другой (от советской эпохи к постсоветской России), а также о

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-09-00329

динамике изменений сложных объектов (городов и поселений разных типов).

Актуальность заявленной темы определяется: 1) фундаментальной потребностью в получении нового знания об изменениях поселенческого пространства / среды повседневного обитания людей в условиях исторических переходов и смены общественного устройства, идеологических, социокультурных установок, политики памяти и коммеморативных практик формирования образов и символов прошлого; 2) обострением влияния глобальных процессов на трансформации поселенческой среды (в первую очередь городской) и на проблемы идентификации ее обитателей (как на общероссийском, так и на региональном и локальном уровнях); 3) усилением тенденции в современных гуманитарных исследованиях, в том числе, в исторической науке к междисциплинарным (полидисциплинарным) исследованиям и к разработке авторских исследовательских моделей; 4) расширением исследовательского инструментария и источниковой базы, включением в ее состав ранее слабо используемых комплексов (картографических и визуальных материалов, устной истории). Научно-практический аспект связан с современными способами исторического обоснования поиска брендов и туристической привлекательности локальных культурных объектов (городов и поселений различных типов).

Наш проект носит полидисциплинарный характер, что предполагает краткую характеристику состояния исследований в тех областях, которые связаны с данной проблематикой. Начнём с исторической науки. Учитываются такие ее направления: интеллектуальная история, новая локальная история, история памяти, история повседневности. Для составления полидисциплинарного проблемного поля важны подходы гуманитарной географии с её вниманием к образам и имиджам территорий и союзом с культурологией. К обозначенным составляющим примыкают историческая урбанистика, региональная история и семиотика пространства.

В настоящее время состояние исторической науки и, шире, исторического познания активно обсуждается в профессиональном сообществе, о чем свидетельствует появление концептуальных и историографических трудов¹. Особенности изучения историками проблематики, связанной с историей памяти, обобщены недавно О.Б. Леонтьевой². Исследовательница подчеркивает, что в настоящее время российские авторы при теоретико-методологическом обосновании своих исследований опираются на труды зарубежных "отцов-основателей" мемориального поворота (М. Хальбвакса, Я. Ассмана, Б. Андерсона, Э. Хопсбаума, Й. Рюзена, П. Нора и его соратников). Она также делает акцент на разноплановой структуре источниковой базы истории памяти. Особо О. Б. Леонтьева выделяет значение обобщающего труда А.С. Святославского³. Об истории памяти в контексте истории науки пишет Отто Герхрд Эксле, анализируя немецкую историографию⁴. Для нас весьма важна оценка значимости вклада пионеров исторической локалистики, русской урбанистики и истории повседневности петербургских исследователей И.М. Гревса и Н.П. Анциферова. По мнению Эксле, «история памяти» в аспекте самого понятия «места памяти» началась отнюдь не в Париже 1980-х годов, она возникла в Санкт-Петербурге/Петрограде 1920-х, это факт, который история исторической науки обязана учитывать. Это подтверждает и другой немецкий историк Карл Шлэгель, который в 2003 г. перевёл на немецкий язык книгу Н.П. Анциферова «Душа Петербурга» и который является приверженцем топографического метода

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.; Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы/ под ред. Л.П. Репиной. М.: изд-во ЛКИ, 2011. 608 с.; Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX - XXI вв./ отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. 406 с.; Вжосек Войцех. Культура и историческая истина / Пер. с польск. К.Ю. Ерусалимский. М.: «Кругъ», 2012. 336 с. и т.д.

² Леонтьева О.Б. "Мемориальный поворот" в современной российской исторической науке // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 50. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 59-96.

³ Святославский А.С. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: "Древлехранилище", 2012. 502 с.

⁴ Эксле Отто Герхард «История памяти» - новая парадигма исторической науки // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. С.75-90.

в исторических исследованиях.

Направления и результаты изучения истории повседневности представлены в работах Н.Л. Пушкаревой¹. Теоретические аспекты истории локуса уже несколько лет активно и плодотворно разрабатывают С.И. Маловичко и М.Ф. Румянцева. Обобщенная историографическая характеристика этой проблематики представлена авторами в ежегоднике "Регіональна історія України. Збірник наукових статей"². На содержание заявляемого проекта оказали большое влияние успехи гуманитарной географии в области междисциплинарного изучения образов пространства, в том числе такого типа поселения, как город³. В 2011 г. статья была опубликована вторично в электронном научном издании «Аналитика культурологии», что подтверждает ее научную значимость и актуальность поднятых автором проблем).

Новейшему состоянию исторической урбанистики посвящены материалы научного сборника⁴. Заметим, что там же в статье И.В. Стася «Историческая урбанистика в Сибири» характеризуются сложившиеся научные школы в отечественной урбанистике, делается акцент на ситуации в Омске, отмечается вклад Д.А. Алисова и В.Г. Рыженко. Внимание к возможностям междисциплинарного изучения города уделяется в недавней публикации "Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития"⁵.

В начале XXI века происходит дальнейшее расширение общего проблемного поля, связанного с темой проекта за счет исследований в рамках визуальной антропологии, в частности, поставившей вопрос о городских картах памяти⁶. Нами учитывались новейшие публикации по проблемам, связанным с политикой памяти, выполненные историками, социологами и политологами⁷. Из осмысления накопленного историографического опыта анализа городских и прочих локальных культурных пространств определилась цель нашего проекта. Наше внимание сосредоточено на поэтапном выявлении признаков трансформаций локального культурного пространства в период перехода от символики советской эпохи к образам и символам современной России и установить степень их зависимости от типа поселений. Отсюда определились задачи проекта:

- разработка и апробация экспериментальной модели, соединяющей имеющиеся в современной литературе концепции структурирования поселенческого локального культурного пространства и матрицу трехуровневой иерархии фигур памяти;

¹ Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник. 2007. М.: РОСПЭН, 2008. С. 9-54; и др.

² Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Випуск 6. К.: 2012. С. 9–22; Они же: История локуса в классической, неклассической и постнеклассической моделях исторической науки (Продолжение) // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Випуск 7. К.: 2013. С. 39-54.

³ Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М., 2006; Дахин А.В. Город как место памятования // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Выпуск 4 / сост., отв. ред. Д.Н. Замятин, М.: Институт наследия, 2006. С. 164-179.

⁴ Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города / Сборник научных статей Всероссийской конференции с международным участием (г. Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2015. 820 с.

⁵ Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития. Материалы межрег. конф., приуроч. к 280-летию г. Челябинска, 30 сентября – 1 октября 2016 г. / сост: Ю.В. Краснова. Челябинск, 2016. 322 с.

⁶ Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П.В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2009; и др.

⁷ Малинова О. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 208 с.; Ваньке А.В., Полухина Е.В. Политика памяти и военные мемориалы в России: сравнявая Поклонную гору в Москве и Мамаев курган в Волгограде // XVI Апрельская конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. Кн.2 Отв. Ред. Ясин Е.Г. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. С.171-180; Абрамов Р.Н., Терентьев Е.А. Символическое пространство культуры памяти: два топонимических кейса // ИНТЕР, 2014. Т.1. № 8. С.73-85.

- составление программ натуральных обследований применительно к специфике каждого из выбранных типов поселений;

- сбор (в том числе, с помощью натуральных обследований) и систематизация информации об образах и символах памяти о прошлом, запечатлённых и/или исчезнувших из локального культурного пространства. Создание в процессе исследования своеобразных постоянно пополняемых "карт памяти", с подразделением на вариант динамики конкретно-исторических реалий и вариант ее виртуального отражения в интернет-ресурсах;

- составление архива баз данных проекта, справочника визуальных, картографических материалов, свода локальной топонимики, указателей "имиджевых ресурсов", реестра образов утраченной памяти о прошлом.

Намеченные цель и задачи выдвинули на первый план гипотезу о степени зависимости интенсивности и характера трансформаций локальных культурных пространств от типологических признаков поселения. Проверка данной гипотезы осуществляется на материалах разных типов поселений (город-центр, малый город, специфическое сельское поселение). Выбор конкретных поселений в качестве объекта исследования связан с их местоположением на транспортных и/или торговых путях сообщения, а также с их символической ролью в региональном пространстве. Участники проекта обращаются к культурно-цивилизационному ландшафту двух городов-центров Сибири, на темпы развития которых оказала особое влияние Сибирская железная дорога (Омск и Новосибирск, которые до настоящего времени соперничают за символический статус "столицы Сибири"), четырех малых городов условного западно-сибирского региона, находящихся на Московско-Сибирском тракте (Ишим, Тюкалинск, Тара, Куйбышев - он же Каинск). В качестве специфического локального поселения рассматривается деревня Окунево Муромцевского района Омской области (зона притяжения к Московско-Сибирскому тракту).

Учитывается, что территория города-центра имеет несколько самостоятельных локальных культурных пространств, что даёт возможность провести дополнительное сравнение трансформаций внутри каждого из выбранных городов-центров. Намеченная исследовательская стратегия, объектно-предметная область, выделенные проблемные поля отсутствуют в имеющихся исследованиях.

Базовым подходом служит полидисциплинарность (interdisciplinarity, по Л.П. Репиной), что позволяет рассматривать междисциплинарную исследовательскую модель в качестве важного способа культивирования особого типа современного научного знания. Используются принципы дополнительности, контекстуальности, актуализации научного наследия отечественных и зарубежных ученых. Учитывается необходимость сочетания микро- и макроанализа, а также представления о социокультурной динамике как многомерном и разномасштабном процессе. Наша экспериментальная модель соединяет имеющиеся в современной литературе концепции структурирования поселенческого локального культурного пространства (Locī-совокупность по А. Дахину: общепоселенческая, топонимический язык, институциональная инфраструктура мест поселенческих коммемораций) и матрицу трехуровневой иерархии фигур памяти в нашей авторской модели (первый, он же высший уровень, - фигуры национально-государственной памяти; второй, он же средний, - "капитал региональной уникальности", третий (низовой) - символические фигуры локального масштаба, определяющие уникальность места). Проблемное поле осуществляемого исследования находится на пересечении таких научных направлений, как: интеллектуальная история, новая локальная история, региональная историография, гуманитарная география, историческая урбанистика. Ключевой парадигмой служит парадигма памяти. Используются методики натурального обследования, топографического описания, устной истории.

За последние 5-15 лет участники проекта индивидуально и коллективно обращались к различным аспектам обобщённой в проекте полидисциплинарной проблематики (Теоретические, социокультурные и историко-культурологические характеристики поселенческого пространства, преимущественно городского). Второй ракурс наших

исследовательских интересов был связан с осмыслением конкретно-исторического материала в контексте парадигмы памяти (с различением мест и фигур памяти, а также соотношения памяти коллективной и политики памяти, отраженной в отношении к историко-культурному наследию прошлого, включая советскую эпоху). Начиная с 2003 г. нами активно востребовалось «забытое» теоретико-методологическое наследие российских исследователей И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, Л.А. Велихова¹. В фокусе нашего внимания оказались топонимический язык локального пространства, а также инфраструктура образа города, способы формирования региональной и локальной идентичности. Разработана исследовательская модель "Культурно-цивилизационный ландшафт - опорная матрица образа города"². Предложена условная классификация фигур памяти, получившая поддержку научного сообщества³. На значимость такого подхода обратила внимание Л.П. Репина⁴. Дальнейшая апробация сконструированной модели изучения локального культурного пространства в контексте истории повседневности использована в монографии А.В. Жидченко, В.Г Рыженко⁵.

В последние годы инфраструктура матрицы культурно-цивилизационного ландшафта образа города расширена за счёт специального внимания к роли музеев в пространстве поселений⁶.

Деятельность местной интеллигенции по сохранению исторической памяти о прошлом изучает более семи лет С.С. Наумов. Результаты представлялись им в почти трех десятках статей и тезисов докладов. Топонимический язык городского пространства на протяжении трех последних лет изучается К.В. Демьяновым (семь публикаций по теме). Сельский локальный ландшафт уникального символического места (деревня Окунево Муромцевского района Омской области) стал объектом внимания А.В. Кузнецовой, которая начала комплектование личного архива фотоматериалов. Социокультурные аспекты влияния транспортных артерий на локальные поселения рассматриваются И.А. Шепелевым. Таким образом, поэтапная реализация замысла нашего проекта в итоге должна проверить гипотезу о различиях в степени зависимости трансформаций локального культурного пространства от типа поселения (город-центр, малый город, особое символическое поселение), а также в соотношении советских и постсоветских координат («старых» и «новых» образов и символов прошлого) в современных локальных культурных пространствах.

¹ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города: вопросы теории, истории, историографии и методов исторического исследования Екатеринбург-Омск. Изд-во Уральского ун-та, 2003. 370 с.: Раздел 2, подраздел 2.2. С.135-159.

² Он же. "Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах (региональный аспект). Омск: Изд-во Ом. гос. Ун-та, 2010. 340 с.

³ Он же. "Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы "Присвоение прошлого" // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: изд-во ЛКИ, 2011. С. 330-342.

⁴ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.С. 179-180.

⁵ Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950-е - 60-е гг. Омск, 2013; 2-е изд.,испр. - Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 482 с.

⁶ Рыженко В.Г. Возможности историко-культурологической модели изучения музеев в пространстве современного города и в «ментальной карте» региона // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: мат. Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3-5 октября 2011 г.) / отв. ред. В.А. Ламин, Н.М. Щербин. Новосибирск, 2011. С. 237-247

КУЛЬТУРА – КАК ДРАЙВЕР ТЕРРИТОРИЙ

В.А. Самкова
Екатеринбургская академия
современного искусства (институт)
alina.artbog@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется «геобрендинг», как технология продвижения позитивного, привлекательного бренда города. Данный феномен является актуальным и значимым не только в туризме, но и в политике и бизнесе. Основными акторами или игроками брендинга в туристической индустрии могут выступать Центры культуры, Центры развития туризма, Туристические информационные центры, Туристические компании и многие другие участники. Исторические региональные бренды, бренды общественных пространств, принимают участие в создании привлекательного имиджа региона и города для презентации во внешнем мире.

Ключевые слова: брендинг, геобрендинг, драйвер, привлекательный имидж

CULTURE – AS A DRIVER OF TERRITORIES

Valentina A. Samkova
Ekaterinburg Academy
of contemporary art (institute)
alina.artbog@yandex.ru

Abstract. This article about «Geobranding» as technology to promote a positive, attractive brand is relevant and significant not only in tourism, it is relevant in politics and business. The main actors or players in branding in the tourism industry can act as Centers of culture, Centers of tourism development, Tourist information centres, Travel companies and many other participants. Historical regional brands, brands of public spaces, take part in the creation of an attractive image of the region and the city for presentation in the outside world.

Key words: branding, re-branding", attractive image, draiver.

Город Екатеринбург, как утверждают журналисты, писатели, политтехнологи, социологи и культурологи, город с женским именем и мужским характером, он живет своей жизнью, расширяет границы, растет, развивается и каждый из нас вносит свою посильную лепту в его историю и имидж. Сегодня город Екатеринбург – европейский город, он вышел на новый виток своего развития. «Екатеринбург – это не только город возможностей для каждого, это Город – создающий бренды, опережающие время». Об этом и еще о многом другом говорили участники форума Culturalica, прошедшем в городе Екатеринбурге в феврале 2018 года. Форумы, конкурсы, фестивали, проводимые в течение ряда последних лет в городе, были направлены на формирование новых культурных и туристических кластеров, ориентированных на жителей и гостей региона, а также на потенциальных туристов. «Форум — это качественно новое пространство для обсуждения и презентации мировых трендов, масштабных проектов и глобальных проблем в сфере культуры. А также место „приземления“ высоких идей, определения актуальных направлений социально-культурного движения, площадка для встречи власти, бизнеса и креативного класса», говорили участники форума.

Расположенный в самом сердце России, на пересечении торговых путей, Екатеринбург играет особую роль в развитии Российского государства. В качестве конкурентных преимуществ Екатеринбурга выделяют не только географическое положение – на границе Европы и Азии, но и обеспеченность природными ресурсами, в том числе водными и

энергетическими, высокий научный и кадровый потенциал, высокую инновационную и деловую активность. Указом Президента РФ с 2000 года Екатеринбург наделен статусом центра Уральского Федерального округа.

Сегодня поменялся формат управленцев не только в бизнесе, туризме, он поменялся и в культуре, по природе своей управленцы уже лидеры, яркие, зажигательные. Как показывает опыт и практика проходящих в городе форумов «Большой Урал», Culturalica, ЭКСПО, как правило, организаторы, участники, спикеры – управленцы – убедительные ораторы, они щедро делятся знаниями, тезисами, которые прорастают в плоть региональных брендов, один из них стал просто основным: «Культура – как драйвер территорий!»

Такое определение культуры вызвало живой отклик в аудитории, у специалистов, работающих в области креативных индустрий, в том числе в туристическом сегменте, в сфере геобрендинга. Да, культура должна стать драйвером территорий и здесь она понимается больше чем системная программа обеспечения коммуникаций или взаимодействия. Культура города Екатеринбурга представлена основными ресурсами, сформированными на протяжении 4-х веков, в каждом свои достижения, достойные исторической памяти. Город закладывается как «завод-крепость», город трех Екатерин, включая двух императриц, каждая наделяла город привилегиями, а третья, будучи духовной покровительницей, хранила город и горожан от бед и напастей.

Исторический центр привязан к Плотинке, она является знаковым местом и визитной карточкой города. Город-завод – образец промышленной архитектуры и дизайна, город привязан к реке Исети, и все его величие и красота отражается в ее зеркале, более 25 памятников архитектуры расположено по берегам Исети, в город ежегодно приезжает более миллиона туристов.

Специалисты по геобрендингу рассматривают «Бренд» как эффективный метод изучения региона и города в целом. Они используют «Бренд» не только как способ и метод исследования, они используют культурные и исторические бренды в коллаборации креативных идей, представленных в различных проектах, формах деловой документации (фото, vox populi, интервью с экспертами – градостроителями, архитекторами, чиновниками мэрии, краеведами, историками, художниками, активистами, литераторами и т.д.

Бренды активно используются теми, кто непосредственно, создает, осваивает или возвращает региону и городу утраченное прошлое, определяя перспективу развития в будущем. Для нас принципиально важно понимать, что геобрендинг – это технология продвижения позитивного, привлекательного бренда в культуре, экономике, политике и туризме, где основными акторами или игроками выступают не только Отделы культуры, Центры развития туризма и Туристические информационные центры.

Ведущие ВУЗы региона активно проводят исследования в области сохранения и совершенствования культурного потенциала региона, они создают и реализуют актуальные социокультурные проекты. Проекты, выполненные при участии специалистов по геобрендингу высоко ценятся на рынке, они занимают ведущие позиции в проектной работе, помогают решению проблем реновации и ребрендинга культурных и туристических объектов. Результаты их исследований и результаты проектной деятельности становятся достоянием города и являются инструментом закрепления позитивного имиджа региона и города.

Сегодня город Екатеринбург открытый город для гостей, прибывающих не только в преддверии проведения «Чемпионата мира по футболу-2018», но и гостей, приезжающих с целью ознакомления с культурным и туристическим потенциалом Свердловской области, тех гостей, которые ориентированы на качественный досуг и отдых. Привлекательность региона в целом, и города Екатеринбурга в частности, зависит от компетенций ряда специалистов досуговой сферы, специалистов туристической индустрии, отельеров, специалистов в гастрономической индустрии, а также специалистов по геобрендингу. Команда компетентных и креативных специалистов направляют свою творческую энергию на разработку новых маршрутов, на популяризацию исторического и культурного наследия Свердловской области, а также на популяризацию малоизвестных и вновь созданных туристских объектов. Что в итоге должно

обеспечить стабильную загрузку существующих объектов туристской индустрии не только на время проведения Чемпионата Мира (ЧМ) по футболу в 2018, но и в последующие за Чемпионатом годы. В туристические маршруты на картах-схемах для гостей-болельщиков могут быть включены новые туристские объекты показа, объекты туристской инфраструктуры, расположенные на территории Свердловской области.

В преддверие ЧМ по футболу открытие новых ТИЦ будет способствовать расширению границ туристической агломерации и в большей степени укреплять имиджевый потенциал региона. Сегодня при информационной поддержке Государственного бюджетного учреждения Свердловской области «Центр развития туризма Свердловской области на территории работают более 30 ТИЦ, которые представляют информацию о всех существующих маршрутах. Вся сопровождающая информация размещена на сайте Центра развития туризма и страницах

Центра развития туризма в социальных сетях (Facebook, VK), а также на сайтах Партнеров и различных СМИ. Центром развития туризма были проведены конкурсные мероприятия по определению лучших маршрутов, объектов. Были проведены презентации маршрутов на туристских ярмарках, конгрессно-выставочных мероприятиях. Основными задачами ярмарок, конкурсов являлось предоставление туристских маршруты по г. Екатеринбургу и Свердловской области для гостей города и региона, болельщиков и туристов «Чемпионата мира по футболу-2018». Были определены проекты интересных, креативных маршрутов по различным туристским направлениям, способных повысить туристскую привлекательность региона среди болельщиков и туристов, прибывающих в Екатеринбург на матчи «Чемпионата мира по футболу-2018». Были проведены ряд мероприятий по выявлению и поддержке новых туристских инициатив по развитию внутреннего и въездного туризма.

Если продвижение экскурсионных объектов и популяризация туристских маршрутов является сферой компетенций специалистов по геобрендингу и менеджеров в сфере туризма, то полное информационное обеспечение осуществляют ЦРТ и ТИЦ, а также СМИ. Они обеспечивают всех игроков туристического кластера информацией и качественными анонсами, буклетами, сборниками картами туристских маршрутов по Свердловской области, что, в свою очередь, способствует популяризации и продвижению туристических объектов на внутреннем и международном туристском рынке.

На туристической карте Свердловской области появились новые объекты, которые продолжают популяризацию культурного наследия и привлекают внимание к истории региона и персоналиям, творившим эту историю. До недавнего времени такие имена как Клер, Козел-Поклевский, Строгановы, Турчаниновы, Яковлевы оставались в сфере компетенций узкого круга специалистов, историков, этнографов, музейных экспертов. Сегодня эти имена являются теми маркерами брендинга, позволившими сформировать новые туристические маршруты в регионе, повысив привлекательность туристических кластеров. Специалистами были разработаны новые культурные и туристические бренды «Урал – Алтарь Вселенной» (Самкова Валентина), «Горнозаводская Цивилизация» (Алексей Иванов), «Малахитовая дипломатия» (Будрина Людмила), «Железо Саввы Яковлева » (Лузина Елена), «Екатеринбург в зеркале И(сети)» (Самкова Валентина), и многое другое, что позволило сформировать не только культурные кластеры, но и открыть новые туристические маршруты.

Нам остается вспомнить, что впервые в тезаурус академическую формулировку «горнозаводская цивилизация» ввел профессор Пермского университета, доктор наук Павел Богословский. Было это в двадцатых годах XX века. Богословский возглавлял кафедру русской литературы, изучал фольклор и этнографию. Он первым сказал, что горнозаводский Урал — уникальный феномен русского мира, а не просто провинция со старыми заводами. Урал - самая индустриализованная зона планеты Земля. Тотальная индустриализация региона началась здесь с реформ Петра I. При Екатерине II благодаря Уралу Российская империя вышла в мировые промышленные лидеры - в отечественной истории подобное случилось только один раз. К этому времени на Урале было построено больше двух сотен горных заводов.

Держава горных заводов породила культурный феномен, который в XX веке уже с подачи Алексея Иванова – писателя, нашего современника, будет закреплен как "горнозаводская цивилизация". Это вариант русского мира, но с особым типом менталитета, системой ценностей, с особой мифологией, с особыми культурными героями. Алексей Иванов говорит, что «Горнозаводская цивилизация» — хорошо уравновешенная поэтическая метафора, определяющая формулу уральской региональной идентичности.

Исторически Уральские заводы четко делились на левые - те, что к западу от Урала, - строгановские, и правые - к востоку, - демидовские. Строгановы и Демидовы издавна представляли собой два древнейших рода промышленников, но и два противоположных стиля управления. Строгановы были рачительными хозяевами, хотели сохранить свои заводы у себя в роду, берегли рабочих, не выедали дочиста месторождения. Они сохраняли свои заводы в своем владении почти до самой революции. Строгановские рабочие не были озабочены выживанием, имели некоторое свободное время, из их семей порой выходили иконописцы, церковные певчие. Это был прототип провинциального интеллигента - человека, знавшего, что о нем позаботятся, инициативного, образованного, занятого тонким ремеслом или искусством. Мы помним имена архитектора Владимира Воронихина и его ученика Михаила Малахова, первый был крепостным графа Строгонова.

Заводчики, не коронованные короли, Демидовы были «хищники и рвачи», месторождения использовали экстенсивным способом, быстро выедавая и бросая, о рабочих не заботились, так что те постоянно существовали на грани выживания и вынуждены были постоянно что-то придумывать, как-то вертеться, чтобы выжить. Этот стиль управления породил другой человеческий тип - мастера, изобретателя, человека инициативного и хитроумного. Из демидовских рабочих вышли изобретатели паровоза – Черепановы, художники, мастера по росписи подносов, создатели «хрустального» лака - Худояровы. В Демидовских вотчинах нашли прибежище мастера иконописных дел, выходцы из центральной России, старообрядцы по вероисповеданию Богатыревы.

Символом власти Демидовых стала знаменитая Невьянская башня, история которой окутана тайной. В мифах о ней множились и пересказывались легенды о крутом норове заводчиков: в ней чеканились не только серебряные рубли, множившие богатства, в подземельях башни хранилась энергия жизни заводов. Жители Невьянска трепетно относились к своей башне, ревностно следили за сменой хозяев завода. Так Прокопий Демидов, старший сын Акинфия, страстный и властный, подлый, но склонный к широким жестам, не имеющий никакой охоты к «размножению и содержанию заводов» продал в 1769 году Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхнетагильский и Шайтанские заводы Савве Яковлеву, откупщику-миллионеру. Он долго судился с братом Никитой, получил в наследство родовое гнездо, но назло предкам и живущим родственникам, желавшим, чтобы Невьянская округа была навеки демидовской, все заводы продал. Но в памяти людской заводы и земли до сегодняшнего дня считают Демидовскими.

Сегодня старые заводы Урала – основа «Горнозаводской цивилизации», культурного феномена и промышленного социума, являются основными брендами Туристической карты региона. Особой популярностью у гостей региона пользуются минералогические и геологические маршруты, которые знакомят гостей с историей открытия несметных богатств уральской земли «Изумрудные копи», «Русское золото». Сегодня специалистам по геобрендингу предстоит огромная работа по формированию и продвижению брендов, работающих на позитивный имидж региона.

Приложение. Лучший городской туристический маршрут по Свердловской области, автор проекта Самкова Валентина Александровна, специалист по геобрендингу, ЦРТ Свердловской области

**ГОРОДСКОЙ
ТУРИСТИЧЕСКИЙ МАРШРУТ**

**Екатеринбург
в зеркале И(сети)**

Расположенный в самом сердце России, на границе между Европой и Азией, на пересечении главных торговых путей, Екатеринбург играет особую роль в развитии Российского государства. Задуманный Петром I, как важный центр промышленности, Екатеринбург за триста лет своей истории превратился в высоко развитую территорию с огромным научным, образовательным и культурным потенциалом. Многофункциональность города, уникальность его географического положения, интересная история и культура привлекают в Екатеринбург самых разных людей со всего мира. Приглашаем Вас прогуляться по городу, познакомиться с его достопримечательностями. И перед вами предстанет яркий и интересный — современный Екатеринбург.

- 1 Дворец игровых видов спорта
- 2 Макаровский мост
- 3 Управление РЖД
- 4 Улица Ельцина, Октябрьская площадь, Ельцин-центр
- 5 Свердловский академический театр Драмы
- 6 Дом Горного Начальника
- 7 Обер-Бергамт
- 8 Капсула времени
- 9 Геологическая аллея
- 10 Екатеринбургский музей изобразительных искусств
- 11 Музей архитектуры и дизайна
- 12 Городская плотина
- 13 Музей природы Урала
- 14 Памятник Василию Татищеву и Вильгельму де Геннину
- 15 Площадь Труда
- 16 Часовня Во Имя Святой Великомученицы Екатерины
- 17 Тарасовская набережная, усадьба купца Тарасова
- 18 Дом Севастьянова
- 19 Горная Аптека
- 20 Главпочтамт
- 21 Кинотеатр «Коллизей»
- 22 Храм во имя Всех Святых в земле Российской просиявших (Храм Памятник на Крови)
- 23 Усадьбы Расторгуева – Харитонова
- 24 Церковь Вознесения Господня
- 1 Информационно-туристская служба Центра развития туризма Свердловской области

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

И.В. Сибиряков
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
sibirjkovig@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные образы города Севастополь, которые сформировались в культурной памяти российского социума в XX-XXI вв. Особое внимание уделено последовательности возникновения этих образов, причинам эволюции и основным направлениям трансформации образов; предпринята попытка выявить факторы, определившие удивительную историческую прочность ряда образов (город-крепость, город-защитник, город-мечта) Севастополя.

Ключевые слова: культурная память, образ, Севастополь, социум, эволюция

EVOLUTION OF THE CITIES OF SEVASTOPOL IN THE CULTURAL MEMORY OF THE RUSSIAN SOCIETY

Igor V. Sibiryakov
South Ural State University
(National Research University)
sibirjkovig@mail.ru

Abstract. The main images of the city of Sevastopol are analyzed in the article, formed in the cultural memory of the Russian society in the twentieth and twenty-first centuries. Special attention is given to the sequence of occurrence of these images, reasons evolution and the main directions of the transformation of images; an attempt was made identify the factors that determined the surprising historical strength of the series images (city-fortress, city-defender, city-dream) of Sevastopol.

Key words: cultural memory, image, Sevastopol, society, evolution

Образ города как особое социокультурное явление имеет сложную природу. «Город – это не только и не столько географическое пространство. Город всегда нечто большее, чем населенный пункт. Для города характерны семантическая нагруженность, смысловая сгущенность, эмоциональное напряжение, рациональная упорядоченность. Город – это место, которое всегда насыщено смыслами, своей историей, знаками и ценностями»¹.

Образ города конструируется из множества элементов, среди которых чаще всего встречаются памятники архитектуры, географические объекты, скульптурные композиции, музейные комплексы и т.д. В процессе создания образа эти элементы отражаются в литературных и музыкальных произведениях, фотографиях и кинофильмах, в научных исследованиях и в устном народном творчестве и т.д.

Образ города формируется и разрушается на протяжении многих лет. У различных групп населения в силу целого ряда объективных и субъективных причин в одно и то же время могут формироваться различные образы одного и того же города, которые при определенных условиях начинают взаимодействовать между собой, что приводит к возникновению новых конструкций. А при переходе образа города из оперативной памяти

¹Гурин, С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты – URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm (дата обращения 24.02.2018)

социума в его культурную память с образом так же могут происходить различные трансформации.

Среди наиболее значимых факторов, определяющих главные черты образа города в культурной памяти социума, на наш взгляд, следует назвать политический режим, существующий в стране, политику памяти, которую проводит государство, культурно-исторические традиции, сформировавшиеся и утвердившиеся в обществе, степень интегрированности города в основные социальные, политические, экономические процессы, происходящие в государстве, деятельность средств массовой информации, учреждений науки, культуры и т.д.

В представлениях современников и потомков в силу воздействия этих и целого ряда других факторов у каждого города формируется свой особый образ. Анализ таких образов позволяет лучше понять многие процессы, происходившие в истории страны и происходящие сегодня в социуме. При этом итоговый образ города является не столько материальной, а скорее идеальной конструкцией, в работе с ней многие методы традиционного исторического исследования оказываются малоэффективны. Именно поэтому исследователям образов города приходится разрабатывать свой собственный методологический инструментарий, включая в него как традиционные для историков культурно-исторический или сравнительно-исторический методы исследования, так и достаточно редко используемые в отечественной исторической науке методы, например, метод «плотного описания» К. Гирца или идеографические методы.

Город Севастополь занимает в военной, политической, культурной истории России особое место. В силу событий весны 2014 г. и процессов, инициированных этими событиями, интерес ко многим страницам истории Крыма заметно вырос не только в нашей стране, но и за рубежом. Значительная часть этой истории напрямую или косвенно связана с Севастополем. Уже много лет образ Севастополя, который, безусловно, представляет самостоятельную историческую ценность, является и важнейшим элементом более сложных, порой мифологических конструкций, формировавших представления нескольких поколений советских людей о крещении Руси, Крымской войне, первой российской революции, Великой Отечественной войне и т.д.

Очевидно, что сегодня Севастополь с его неофициальным статусом «русского города» это не только военно-морской порт, но и территория, которая призвана, по мнению многих представителей политической и интеллектуальной элиты России, сыграть важную роль в социокультурной идентификации русского этноса, в новой интеграции России, в формировании нового культурно-исторического постсоветского пространства. Без этой идентификации и без такой интеграции решение очень многих проблем, с которыми столкнулось российское государство в начале XXI в., выглядит очень непростой, трудновыполнимой задачей.

Возможно именно поэтому сегодня, когда в общественном сознании формируется новый образ Севастополя, особенно важно понять на каком историческом фундаменте он строится, с какими другими образами Севастополя он будет вынужден взаимодействовать, к каким близким и отдаленным историческим последствиям может привести такое взаимодействие?

Очевидно, что первый раз значительная часть населения российской империи «открыла» для себя Севастополь благодаря событиям Крымской войны 1853-1856 гг. Первая героическая оборона Севастополя для наиболее образованной части российского общества стала замечательным примером того, на что способен народ России, защищающий свою Родину. Патриотический подъем, охвативший самые разные слои российского общества в дни обороны Севастополя, набрал такую силу, что сумел «перекрыть» любые рассуждения о поражении защитников города и об итогах войны в целом. Многие представители российской интеллигенции, формулируя и выражая настроения, существующие в обществе, писали и говорили о «победе русского духа» в Севастополе, придавая сражению за город почти сакральный характер. Одним из первых такую позицию зафиксировал М. Бестужев, который

уже в январе 1856 г. писал: «Севастополь пал, но с такою славой, что каждый русский, а в особенности моряк, должен гордиться падением, которое стоит блестящих побед»¹.

Примечательно, что высокая оценка нравственных качеств защитников города со стороны российской интеллигенции, не привела к быстрому восстановлению Севастополя после окончания войны. По признанию современников, даже в конце XIX в., в городе еще сохранялись многочисленные следы осады. Из памятников, которые материально «зафиксировали» героизм защитников города в XIX в. был создан только комплекс Братского кладбища защитников Севастополя, где к 1870 г. был построен храм – пирамида Святого Николая (архитектор А.А. Авдеев)².

Образ города героя, сумевшего одержать духовную победу над врагом, оказался особенно востребован на рубеже XIX-XX вв., когда в стране началась подготовка к новым крупным военным конфликтам. Еще в 1899 г. в России был создан Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны во главе с великим князем Александром Михайловичем. Определившись с проектами, комитет в 1902 г. объявил «всеобщую подписку, дабы предоставить возможность всем членам великой русской семьи участия в этом святом деле». Государственное казначейство выделило средства для осуществления задуманного «в главных его чертах»³.

В 1905 г. в Севастополе были открыты: Панорама «Штурм 6 июня 1855 г.» и Памятник затопленным кораблям. Они стали важнейшими системообразующими элементами нового образа Севастополя, который постепенно складывался в культурной памяти россиян⁴. Примечательно, что эти сооружения на протяжении многих лет оставались и остаются обязательным элементом практически любой экскурсионной программы по Севастополю⁵.

В ходе Первой российской революции в том образе города Севастополь, который формировался у современников, а затем стал частью культурной памяти, появились новые черты. Часть из них были связаны с восстанием на крейсере «Очаков» и фигурой П.П. Шмидта. Революционная страница истории города в советское время нашла свое отражение в названиях многих улиц и набережных, в памятниках, в литературных и музыкальных произведениях, и даже в кинематографе⁶. Не случайно у многих советских людей сложилось представление о Севастополе, как об одном из самых важных центров революционного движения на юге России. Примечательно, что такую же точку зрения отстаивали и некоторые советские историки.

В предвоенные годы особенно после появления романа С.Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда» образ Севастополя для наиболее образованной части советского социума оказался тесно связан с образом античной Трои⁷.

И все-таки, для абсолютного большинства советских людей, особенно военного и послевоенного поколений, Севастополь был символом героического сопротивления гитлеровским войскам в 1941-1942 гг. Вновь усилиями наиболее талантливых представителей

¹ Письма декабриста Михаила Бестужева к М. Ф. Рейнеке // Литературное наследство. Т. 60, кн. 1. М., 1956. С. 231–244.

² Пономарев, С.И. Всероссийская усыпальница. (Церковь святителя Николая и кладбище севастопольских героев). Киев, Тип. Киево-Печорской лавры, 1869. 32 с.

³ Просветов, И. Две медали к одному юбилею. URL: <https://numismat.ru/articles.shtml?id=208> (дата обращения 30.03.2018)

⁴ Сибиряков, И.В. Выжившие образы прошлого: судьба дореволюционных памятников в советском Севастополе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №4 (12). С. 63-72; Сибиряков, И.В. Картины героического прошлого Севастополя: панорама «Оборона Севастополя 1854-1855гг.» и диорама «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944г.» // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2016. Т. 16. № 2. С.40-44. и др.

⁵ Попов, А.С. Легендарный Севастополь как туристско-экскурсионный объект: история и современность // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. №3. С.52-60 и др.

⁶ Волков, Е.В., Сибиряков, И.В. "Красный лейтенант": Историческая политика и мемориальный культ П.П. Шмидта (1905 - 2005 гг.) // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 92 -110 и др.

⁷ Журавлева, Н.С. Трансформация образов Севастополя в советской литературе 1920-1930-х гг. // Вопросы литературы. 2016. №4. С.95-114.

советской творческой интеллигенции и средств массовой информации в сознании миллионов советских людей был создан образ Севастополя, как непобедимой военно-морской крепости, которая непоколебимо стояла на защите южных рубежей Родины¹.

Даже огромные потери, которые понесли советские войска, покидая город летом 1942 г., принципиально этот образ в сознании советских людей не изменили. В 1944 г. все ведущие советские газеты, рассказывая об освобождении Севастополя от немецко-фашистских захватчиков, использовали литературный оборот «город русской славы»².

А вот в первые послевоенные годы, когда город в кратчайшие исторические сроки был восстановлен из руин, его восприятие многими советскими людьми существенно изменилось. На страницах газет, в статьях и в коротких интервью, в различных литературных произведениях, посвященных Севастополю, все чаще звучали слова «севастопольское чудо», «чудо-город», «город-солнца» и т.д.³ Когда в конце 1950-х годов Севастополь был открыт для посещения советским и зарубежным туристам сотни тысяч людей смогли увидеть это чудо своими глазами. Образ морской крепости, образ одного из центров революции, образ города-героя дополнился образом города мечты, который был так востребован общественным сознанием в эпоху строительства коммунизма⁴.

Севастополь и его жители очень тяжело переживали процесс распада СССР. Попытки интегрировать город в украинское политическое, экономическое, культурное пространство особого успеха не имели, зато создали в самом Севастополе очень мощные ностальгические настроения и ожидания. В российском информационном пространстве 1990-х годов город чаще всего фигурировал лишь в контексте мероприятий, посвященных событиям Великой отечественной войны. Соответственно для нескольких новых поколений россиян сакральная составляющая этого образа стала стремительно ослабевать.

Однако события 2014 г. вновь вернули Севастополь в культурно-исторический контекст российской истории, добавив к традиционному образу Севастополя образ защитника не просто границы государства, но русской земли и русских людей. Показательно, что одна из самых популярных в Севастополе начала XXI в. песен А.М. Городницкого «Севастополь останется русским» была написана еще в 2007г. Но широкую популярность в России обрела уже после событий 2014г. На наш взгляд, ее автору удалось очень эмоционально и точно выразить те настроения, что во многом определили образ Севастополя в сознании миллионов россиян. «Этот город вернется назад, Севастополь останется русским!»⁵

Не случайно, образ корабля, который после тяжелого длительного изнурительного плавания вернулся в родную гавань, использовал в одном из своих выступлений Президент Российской Федерации В.В.Путин⁶. Образ был активно подхвачен многими средствами массовой информации и стал на некоторое время очень популярным у жителей Севастополя. Насколько этот образ будет интегрирован в систему традиционных представлений о Севастополе основной массы россиян, пока сказать очень сложно. Однако он хорошо сочетается с теми образами Севастополя, которые уже закрепились в культурной памяти постсоветского социума. Речь идет об образе города-героя, образе города - крепости, образе крупнейшей военно-морской базы российского черноморского флота.

¹ Волков, Е.В. "Не знаю, хорошая это картина или плохая, но кажется, что настоящая". Почему Александр Дейнека не получил Сталинскую премию за картину "Оборона Севастополя" // Родина. 2015. № 11. С. 123-125; Сибиряков И.В. Героическая оборона советского Севастополя: некоторые особенности официального дискурса в условиях войны // Дискурсология: методология, теория, практика. Избранные труды. Челябинск, Изд. Центр ЮУрГУ. 2015. С. 383-395 и др.

² Лавренев, Б. «Город русской славы» // Известия, 1944. 10 мая и др.

³ Давидьянц, А.А. Севастополь – город солнца. М.: Мол. гвардия, 1961. 45с. и др.

⁴ Сибиряков, И.В. Коммунистический эксперимент в Севастополе в 50-60-е гг. XX в. // V международные научные чтения памяти В.Ф. Петрушевского. Сборник статей. М.: ЕФИР, 2016. С. 36-38.

⁵ Городницкий, А. Севастополь останется русским. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=49971> – (дата обращения 24.02.2018)

⁶ Путин: Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=1388941> – (дата обращения 24.02.2018)

Возможно, в условиях современных ожесточенных информационных войн, эти образы будут дополнены другими. Для создания таких новых образов, скорее всего, будут использованы и новые технологии. Но уже сегодня в начале XXI в. разработчики компьютерных игр применяют «севастопольские сюжеты» достаточно активно. На наш взгляд, в культурной памяти нового информационного общества виртуальные образы исторических явлений могут занять доминирующие позиции.

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

*О.А. Стаина,
Екатеринбургская академия
современного искусства (институт)
staina@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью современного любительского театра (аматерного театра) как активного субъекта городской культурной жизни. Дается анонс образовательного, культурно-просветительского проекта «Любительский театр: быть или не быть?». Проект реализуется в Екатеринбургской академии современного искусства **по направлению подготовки «Искусства и гуманитарные науки», профиль подготовки «Журналистика в области культуры».**

Ключевые слова: театр, любительское творчество, актер самодеятельного театра, культурное пространство, культурно-просветительский проект.

AMATEUR THEATRE IN THE CULTURAL SPACE OF THE MODERN CITY

*Olga A. Staina,
Ekaterinburg Academy of contemporary art
staina@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the issues related to the activities of modern Amateur theater as an active subject of urban cultural life. There is the announcement of the educational, and cultural project "Amateur theater: to be or not to be?". The project is implemented in the Ekaterinburg Academy of Contemporary Art in the direction of "Arts and Humanities", the profile of "Journalism in the Field of Culture"

Key words: theater, amateur creativity, actor of amateur theater, cultural space, cultural and educational project.

В сложном конгломерате культурой жизни современного города особое место занимает любительское искусство или так называемое, «аматерное творчество», которое, в свою очередь, является не столько художественным, сколько социокультурным явлением ориентированным на формирование личности и общества¹. Любительские коллективы становятся активными участниками культурной жизни города: ставят спектакли, организуют фестивали, формируют образовательное пространство, организуя при любительских студиях детские группы и студии, устраивают мастер-классы, проводят благотворительные акции, социокультурные мероприятия и т.д.

Подтверждая свое право являться активным субъектом городской жизни, аматерный театр активно включается в актуальные практики современности. Частым явлением в жизни современного города становятся флеш-мобы и перформансы, организованные творческим любительским сообществом.

Любительские театральные коллективы имеют больше возможности для экспериментальной деятельности, т.к. любительское искусство определяется как внутренне

¹ Стрельцова Е.Ю. Художественное любительство как социокультурный феномен // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). С.145-148.

детерминированная деятельность, то есть деятельность, не навязывается извне, а обусловлено внутренними потребностями, интересами, желаниями индивида. Любительское творчество не подчиняется канонам и нормам. Для любительского театра нет проблем в организации театрального пространства в любой, казалось бы, непригодной для этого площадке, будь то холл, двор, площадь, лестничный пролет и т.д.

У любительского театрального коллектива нет ответственности перед автором текстов (пьес), поэтому они могут экспериментировать с драматургическим материалом произвольно. Деятельность любительского коллектива не ограничена какими-либо планами и отчетами, нет строгих регламентов и требований к спектаклям, к репетиционному процессу. Благодаря всему вышеперечисленному, в спектаклях любительских театров можно увидеть предпосылки возникновения новых форм и направлений развития театра как вида искусства.

Особенностью функционирования и важной составляющей работы любительского театра является общение публики с творцами вне художественного процесса, так как границы между зрителем и актером практически нет. Обсуждение спектакля после показа, капустники, общение со зрителями на страницах социальных сетей – вот основные формы взаимодействия. Именно эти формы помогают создать атмосферу неформального, искреннего, порой интимного общения со зрителем. С другой стороны, и любительский театр получает информацию о потребностях его зрителя, осуществляет обратную связь. Эта диалоговая форма общения является своеобразным вознаграждением и стимулом для актера любительского театра.

В городе Екатеринбурге любительские театральные коллективы прочно входят в культурное пространство мегаполиса. Форма организации и ведомственная принадлежность театральных любительских коллективов разнообразна. Самодеятельные театры функционируют на базе учреждений культуры (домов, центров культуры), входят в систему клубов по месту жительства, в форме любительских студий и объединений работают в образовательных учреждениях (ВУЗы, СУЗы, школы). Репертуарная политика аматерных театров Екатеринбурга разнообразна и может удовлетворить потребность и самой взыскательной публики, в том числе детской аудитории.

Изучая деятельность любительских театров, рассматривая сообщества любителей театрального искусства, мы можем определить и обозначить проблемные зоны общества, рассмотреть пути развития современного театрального искусства. Да и сам любительский театр, «выступая активным субъектом преобразований, оказывается полноценно включенным в художественно-ценностное кодирование жизни города».

При этом, современные театральные любительские коллективы, как определенная социокультурная среда (или даже микросреда), мало изучена социологами и культурологами и редко привлекает внимание театральных критиков¹. Это связано в первую очередь с тем, что в современном обществе огромная роль привлечения публики к театральному искусству отводится рекламе во всех ее проявлениях: теле-, радиореклама, реклама в печатных СМИ, афиши, анонсы, интернет. Любительскому театру доступны не все виды рекламы из-за ее высокой стоимости. Поэтому чаще всего используются афиши, Интернет, личные контакты, реже – анонсы.

Работа по осмыслению процессов, происходящих в культуре современного города, и в частности любительского театра, ведется в рамках научных исследований Екатеринбургской академии современного искусства. В последнее время было написано несколько научных статей, которые посвящены проблемам аматерного театра.²

¹ Загребин, С.С. Тухватулина, К.А. Современный российский театр: вариации коммуникативных практик // Социум и власть. 2017. № 3. С. 128-134.; Тухватулина, К. А. Современный российский театр как предмет научных исследований // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2017. № 2. С. 80-84.

² Билас К.С., Казакова Н.Д., Кузяева Т.С., Стаина О.А. Есть ли театр на Уралмаше? // Проект «Уралмаш»: культурное будущее индустриальных городов: материалы международного симпозиума. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. С.68-79; Казакова Н.Д., Стаина О.А. Театр Драмы ДК УЗТМ // Культура открытого города: новые смыслы и практики: материалы V Всероссийской конференции. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. С. 204-208.; Маякова М.С., Дудина

В Екатеринбургской академии современного искусства в рамках изучения дисциплины «Арт-критика» был создан проект «Любительский театр: быть или не быть?». Проект имеет две функции: образовательную и культурно-просветительскую. Педагогическая цель проекта состоит в том, что формируя профессиональные компетенции будущих журналистов в области культуры, с одной стороны, с другой стороны с помощью «погружения» студентов в атмосферу и проблемы любительского искусства привлечь студентов в театр, в том числе «открыть» для них любительский театр.

Главной целью образовательного проекта «Любительский театр: быть или не быть?» является исследование аматерного театрального творчества. Студенты специализации «культурная журналистика» познакомят широкую аудиторию с самостоятельными театрами Екатеринбурга, спектаклями, режиссерами, актерами - любителями. В ходе реализации проекта будет создана информационная диалоговая платформа, на которой можно будет общаться и узнавать информацию о деятельности того или иного театрального коллектива, высказывать свое мнение, отстаивать авторскую позицию.

В процессе осуществления проекта запланированы встречи с профессиональными критиками, руководителями самостоятельных театральных коллективов, зрителями, актерами-любителями. Предполагается, что будут организованы дискуссии по самым актуальным вопросам, например: «Любительский? тогда зачем билеты продаете?», «Как привлечь средства в любительский театр?», «Кто эти люди? Или портрет актера-любителя», «Фестивали любительских театров – тусовка или мастерская?» и т.д.

Одной из важных задач любительского театра является поиск и привлечение «своего» зрителя, формирование собственной зрительской аудитории. Раздел на информационном портале «В зрительном зале «три сестры и дядя Ваня» будет рассказывать об полноправных участниках театрального творчества – зрителях. С помощью данного проекта студенты помогут решить проблему наполнения зрительного зала любительских театров, так как планируется создать информационную ежемесячно обновляемую репертуарную базу, в которой будет информация о всех событиях и спектаклях самостоятельных коллективов города Екатеринбурга. Таким образом, любой житель мегаполиса сможет выбрать для себя тот или иной спектакль из единого репертуара.

В итоге проекта должна быть сформирована особая «театральная среда аматерного искусства» в Екатеринбург. Если под театральной средой понимается «пространство культуры, возникающее посредством отношений и взаимодействий совокупности субъектов, активность которых определяется театральным искусством как субстратом этой среды»¹, то любительские театры (аматерные театры) позволяют рассматривать городское пространство как единую площадку взаимодействия с различными институциональными и внеинституциональными образованиями. А сам аматерный театр становится открытой платформой для диалога, не только сценического, но и социального «диалога смыслов и форм, диалога времени, диалога поколений и человеческих судеб»².

М.М Любительский театр в пространстве культуры Екатеринбурга // Культура открытого города: новые смыслы и практики: материалы V Всероссийской конференции. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, С. 222-226.

¹ Точилкина А. С. Театр в жизни современного города: концептуальное осмысление понятий «театральная культура» и «театральная среда» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 3 (43). С. 60–67.

² Точилкина А. С. Театр в жизни современного города: концептуальное осмысление понятий «театральная культура» и «театральная среда» // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 3 (43). С. 60–67.

КОМПЛЕКТ ВИДОВЫХ ОТКРЫТОК КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ГОРОДА ЧЕЛЯБИНСКА 1960-1980-х ГОДОВ

С.О. Ткаченко
Челябинский государственный
музей изобразительных искусств
st-mus@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется видовая открытка советского времени как средство репрезентации города. Проводится анализ визуального ряда комплектов открыток «Челябинск» 1960-1980-х годов. Выявляются основные сюжеты и приводятся данные по частоте их использования в контексте формирования визуального образа Челябинска.

Ключевые слова: открытое письмо; видовая открытка; комплект открыток; серия открыток; визуальная репрезентация; тематические группы, информационная ценность.

A SET OF PICTURE POST-CARDS AS A MEANS OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE CITY OF CHELYABINSK 1960-1980 YEARS

Stanislav O. Tkachenko.
Chelyabinsk state Museum of fine arts
st-mus@mail.ru

Abstract. The article analyzes the topographical card of the Soviet time as a means of representation of the city. The analysis of the visual series of sets of postcards "Chelyabinsk" 1960-1980-ies. The article reveals the main subjects and provides data on the frequency of their use in the context of the formation of the visual image of Chelyabinsk.

Key words: postcard; topographical card; a set of postcards; a series of postcards; visual representation; thematic groups, information value.

Исследование вопросов репрезентации образа города базируется на анализе различных документальных источников. Одним из наиболее доступных визуальных исторических материалов является видовая открытка. При этом, внимание исследователей обычно обращено на почтовые карточки 1900-1910-х и 1920-1930-х годов, обладающих высокой информационной ценностью в силу утраты многих изображенных объектов. В работах, посвященных видовой открытке начала XX века, указывается на значение иллюстрированной почтовой карточки как «самостоятельного информативного источника»¹ Советские филокартисты, чьи публикации составляют основной массив исследований по истории открытого письма, делают акцент на «большое познавательное значение» и разнообразие комплектов видовых открыток². Современные исследователи обращают внимание на роль современной видовой открытки в формировании имиджа города и повышении его туристической привлекательности³. Также отмечается место видовой открытки в сохранении

¹ Лапина А.Н. Документальная открытка конца XIX-начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы: автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2004.

² Файнштейн Э.Б.. В мире открытки. М.: Планета, 1976. С.102.

³ Юренкова В.А. Репрезентация визуальных образов города Иваново в видовых открытках // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 5 (2). С.151-156. URL: <http://docplayer.ru/31241207-Representaciya-vizualnyh-obrazov-goroda-ivanovo-v-vidovyh-otkrytkah.htm> (дата обращения: 10.03.2018).

и развитии региональной культуры¹. В изданиях, посвященных издательскому делу, приводится такая характеристика комплектных изданий, как «общность замысла, тематики» совокупности листовых изданий, входящих в комплект. Упоминается также дидактическая функция комплекта открыток: это «готовый материал для целой экспозиции», используемый в качестве носителя «визуальной историко-культурной информации» для создания выставок в библиотеках². Таким образом, вполне закономерно предположить, что комплекты видовых открыток служат средствами репрезентации визуального образа города. Предметом и материалом для проверки гипотезы служат комплекты открыток «Челябинск», изданные в период с 1963 по 1988 год. Хронологические рамки соответствуют датам издания первого (1963) и последнего (1988) комплекта открыток советского времени, посвященных Челябинску.

Видовая почтовая карточка, как в виде одиночных открыток, так и серий, приобретает популярность в первом десятилетии XX века. Частыми «персонажами» открытых писем становятся города, расположенные по ходу Транссибирской магистрали. Закономерно, что визуальный образ Челябинска начала XX века формируется, в значительной мере, благодаря открыткам. Наиболее ранними являются карточки, изданные писчебумажным магазином И.А. Гуревича (1902). Серии открыток издают Д.П. Ефимов (1903,1904,1905), П.И. Иванов, М. Кампель (1914), В.Г. Половников (1914), фирма «А.С.С. и К» (1912), Контрагентство А.С. Суворина (1914), издательства В.А. Метенкова и Общины Святой Евгении (1910-е), магазин П.А. Калмыкова³.

Серийный принцип издания видовых открыток сохраняется и в первые советские десятилетия. В 1930-е годы выходят серии видов Челябинска фотографа И.Н. Панова, челябинские сюжеты встречаются в серии «На стройках 2-й угольно-металлургической базы Урало-Кузбасса» (1930-1934), на открытках объединения «Союзфото» (1934-1938). Серийность используется и впоследствии: в 1958-м году артель «Фотообъединение» издает серию фотооткрыток, в которой появляются сюжеты, повторяющиеся позднее в комплектах открыток. Серия челябинских видов выходит также в 1967 году в ленинградском Комбинате изопродукции № 1 «Лик». В разные годы издаются и отдельные открытки, посвященные Челябинску, либо карточки, включенные в тематические комплекты («По Уралу», 1963).

Активный выпуск комплектов открыток, охватывающих практически все сферы жизни страны и деятельности человека, начинается в 1960-е годы. В период с 1963 по 1988 год издаются 13 комплектов и 1 серия открыток, посвященных Челябинску (Таблица 1). Большинство из них – одиннадцать наборов – подготовлены в московских издательствах, три комплекта – в ленинградских издательствах. Количество карточек в комплекте – от 10-ти до 18-ти. Тираж варьирует от 15000 до 390000 экземпляров в последнем образце советского времени. Первый набор, выпущенный в 1963-м году издательством «Филателия» тиражом 25000 экземпляров, повторен с удвоенным тиражом в 1964-м году, что, очевидно, свидетельствует о спросе на открытки. Авторами фотографий являются преимущественно московские фотографы: А. Бушкин, А. Мусин, К. Байшев, К. Рошковский, А. Топуз, Ю. Уланов, А. Козловский. Для трех комплектов фотоизображения предоставляют челябинские авторы – Е. Мондросов, К. Евтеев, Б. Клипиницер, С. Васильев.

Сюжетный ряд, представленный в комплектах открыток 1963-1988 годов, систематизирован в Таблице 2. Все сюжеты можно объединить в тематические группы: 1. Памятники (монументальная скульптура). 2. Государственные учреждения. 3. Городская инфраструктура. 4. Промышленность. 5. Транспорт: вокзал, аэропорт. 6. Гостиницы. 7.

¹ Морозова М.М. Роль видовой открытки в сохранении культуры региона // Россия и Запад: диалог культур. 2015. № 9. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/423-2016-04-24-15-01-57.html> (дата обращения: 10.03.2018)

² Синкевич Т. Открой «окно в историю». Экспозиция видовых открыток. // Библиотека. 2016. №9. С.28-32.

³ Каплан А.Л. Из истории почтовой открытки // Старый Челябинск в открытках и фотографиях: фотоальбом / Авт. очерков: В.С. Боже, А.Л. Каплан, Г.Х. Самигулов; сост. Д.Г. Графов, ред. И.Н.Козырева. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С.15-19.

Учреждения культуры и досуга. 8. Образовательные и научные учреждения. 9. Спортивные объекты. 10. Учреждения торговли.

При диахронном анализе комплектов открыток, выявлен ряд особенностей, характерных для различных тематических групп. Так при анализе раздела «Памятники» выявлено, что каждый идеологически или исторически значимый монумент, вскоре после открытия «попадает» в очередной комплект открыток. Это относится к памятнику - танку на Комсомольской площади, открытому в 1965 году, скульптурной композиции на Лесном кладбище (1975), памятнику выпускникам школы №1 (1970), памятнику И.В. Курчатову (1986), памятнику первостроителю (1986). Частота воспроизведения памятников различна. Все наборы содержат фотографии памятников В.И. Ленину на площади Революции и «Орленка». Реже других встречаются два «старых», и, вероятно, недостаточно «громких» по идеологическому звучанию челябинских монумента – паровоз «Коммунар» и памятник В.И. Ленину на Алом поле.

В каждом комплекте, не менее трети открыток демонстрируют виды городской инфраструктуры - центральных проспектов, улиц и площадей. Большинство наборов представляют проспект им. В.И. Ленина и площадь Революции: «есть среди сотен и сотен челябинских улиц одна, которая особенно дорога нашему сердцу... Это как бы сгусток того, что олицетворяет город»¹. Отметим также, что именно варианты вида на площадь Революции особенно часто (в половине комплектов) размещаются на обложках. Редкостью, являются общие виды города, появляющиеся только с середины 1980-х годов. Частый «гость» карточек - железнодорожный вокзал, новое здание которого, вскоре после открытия, появляется в комплекте открыток 1967 года. А вот вид аэропорта можно найти только в комплекте 1988 года.

В комплекты открыток 1960-х годов неизменно входят карточки с видами гостиницы «Южный Урал», в 1970-е годы, появляются другие гостиницы: «Малахит», «Турист» и «Челябинск».

Неоднородная картина наблюдается в визуализации учреждений культуры и досуга. Наиболее стабильно присутствуют в открыточной летописи Челябинска второй половины XX века виды Государственной Публичной библиотеки (ныне – Челябинская областная универсальная научная библиотека) и Театра оперы и балета (ныне – Челябинский государственный академический театр оперы и балета им. М.И. Глинки). При этом, виды последнего исчезают из комплектов после 1971 года, появляясь вновь в 1981 году. В нескольких наборах встречается карточка с театром драмы (ныне – Челябинский государственный академический театр драмы имени Наума Орлова), другие же театры остаются «за кадром». Редкими являются открытки с челябинскими кинотеатрами, филармонией. Совершенно отсутствуют в комплектах открыток фотоизображения челябинских музеев и памятников архитектуры.

Особенности визуализации Челябинска проявляется и в отношении образовательной сферы. На открытках не размещены виды школ и ВУЗы Челябинска. Исключение составляют ЧПИ и ДПШ: большинство наборов предоставляют возможность увидеть здания Челябинского политехнического института (ныне-Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) и Дворца пионеров и школьников им. Н.К. Крупской.

Составители комплектов избегают медицинской тематики, при том, что к концу 1960-х в Челябинске функционируют крупные лечебные учреждения во вновь построенных зданиях.

Весьма значимым, является, вероятно, продиктованный соображениями секретности, факт «выпадения» из открыточной «мозаики» фотографий с промышленными и научными объектами. Между тем, в изданиях того времени, посвященных Челябинску, публикуются сюжетные и портретные фотографии и тексты, подобные этому: «Челябинские ученые ищут

¹ Вохминцев В.Я., Константиновский Л.Д., Шнейвайс Р.Ф., Глазырин В.Л. Челябинск. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1976. С.4-5.

новое, пробивают новые пути в науке и технике, стремятся «быть светлым лучом для других...»¹

За 25 лет выпуска комплектов открыток, издаются только пять индустриальных открыток. Четыре карточки посвящены Челябинскому тракторному заводу. Это – композиция с тракторами на погрузочной площадке (комплекты 1963-го, 1964-го и 1984-го годов) и вид на центральную проходную ЧТЗ (комплект 1971-го года). Изображение тракторов также появляется в композиции на обложке комплектов 1963-го и 1964-го годов, В этих же наборах присутствует карточка со сценой плавки металла в мартеновском цехе Челябинского металлургического завода.

Еще одно важное для Челябинска тематическое направление – спорт - визуализируется только фотографиями открытого в 1967-м году Дворца спорта «Юность», что обусловлено, вероятно, отсутствием выразительных по внешнему облику спортивных объектов. В этом плане, логично появление в двух комплектах видов на Торговый центр, который являлся предметом гордости архитекторов и строителей.

Интересна практика визуального расширения рекреационных зон Челябинска за счет удаленных от города территорий. В комплектах 1963-го, 1964-го годов представлены виды озер Кисегач, Чебаркуль, санатория «Кисегач», а в наборе 1965-го года на открытке с видом на озеро (вероятно, озеро Тургояк), указано обобщенно - «Зона отдыха трудящихся».

Анализ комплектов открыток с видами Челябинска показывает избирательность при формировании перечня видов. Можно сказать, что из комплекта в комплект составители используют одну матрицу: площадь Революции с памятником В.И. Ленину – проспект им. В.И. Ленина – театр – библиотека – зона отдыха. Каковы были причины использования такой модели для создания комплектов открыток? Какова была система отбора городских видов, размещаемых на открытках? Зависел ли выбор сюжетов от количества населения, туристической активности, наличия оборонного производства, других факторов? Насколько влияла на ситуацию, «оторванность» редакций столичных издательств от провинциальных реалий? Ответы, полагаю, будут получены при дополнительных исследованиях комплектов открыток и нормативно-документальной базы советского времени.

Подводя итоги краткого исследования комплектов открыток с видами Челябинска, можно сделать следующий вывод: визуальные образы города, запечатлённые на открытках, являются формами репрезентации культурной памяти. Вместе с тем, изученные нами комплекты открыток 1960-1980-х годов не в полной мере отражают многообразие и вариативность образов города, поскольку следуют избирательным моделям политической и идеологической конъюнктуры конкретного исторического времени. При этом, комплекты открыток, несомненно, относятся к источникам информации для исторических и культурологических исследований по многим важным объектам Челябинска советского времени.

Таблица 1. Выходные данные комплектов открыток «Челябинск» 1963-1988 гг.

№ п/п	Год издания	Количество открыток	Тираж	Текст на обложке	Фотографии	Издательство
1	1963	12	25000	-	А.Бушкин	Филателия, Ленинград
2	1964	12	50000	-	А.Бушкин	Филателия, Ленинград.
3	1965	14	не указан	-	автор не указан*	Советский художник, Москва
4	1967	16	50000	-	А.Мусин	Советская Россия, Москва
5	1967	18	60000	-	Е.Мондросов, К.Евтеев	Комбинат изопродукции № 1 «Лик», Ленинград
6	1968	10	15000	-	К.Байшев	Творческое фотообъединение Союза

¹ Вохминцев В.Я., Константиновский Л.Д., Шнейвайс Р.Ф., Лахтин В.Н. Челябинск. Десять путешествий по городу. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1967. С.3.

						журналистов СССР "Орбита", Москва
7	1971	16	75000	-	Б.Клипиницер	Советская Россия, Москва
8	1973	10	не указан	-	К.Волков	Министерство связи СССР
9	1974	14	330000	-	Б.Погорелый	Планета, Москва
10	1981	18	50000	Ю.Подкорытов	С.Васильев	Центральное рекламно-информационное бюро «Турист», Москва, по заказу Челябинского областного совета по туризму и экскурсиям
11	1984	12	200000	-	В.Иванов	Планета, Москва
12	1984	17	50000	Ю.Подкорытов	А.Топуз	Центральное рекламно-информационное бюро «Турист», Москва
13	1986	10	100000	-	К.Рошковский, А.Топуз, Ю.Уланов	Министерство связи СССР
14	1988	18	390000	автор не указан	А.Козловский	Плакат, Москва

* по данным А.Л.Каплана, авторами фотографий являются П.Балыкин, Е. Мондросов, И. Суслов, И. Петков [4. С.31]

Таблица 2. Сюжеты комплектов открыток «Челябинск» 1963-1988гг.

№ п/п	Вид / Год издания	1963	1964	1965	1967*	1967**	1968	1971	1973	1974	1981	1984*	1984**	1986	1988
Памятники															
1	Памятник В.И.Ленину на площади Революции	+	+		+	+	+	+		+		+		+	+
2	Памятник В.И.Ленину на Алом поле							+					+	+	
3	Памятник «Орленок»	+	+	+	+	+	++ (o)	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Памятник воинам-челябинцам «Никто не забыт, ничто не забыто» в сквере Добровольцев							+	+	+					
5	Памятник добровольцам-танкистам										+	+	+	+	+
6	Памятник С.М.Цвиллингу					+			+	+	+		+	+	+
7	Паровоз «Коммунар»										+		+		
8	Танк-памятник				+	+		+		+	+		+	+	
9	Мемориал на Лесном кладбище «Память о вас сильнее смерти»										+		+	+	+
10	Памятник выпускникам школы №1, погибшим в годы Великой Отечественной войны													+	
11	Памятник И.В.Курчатову														+

12	Памятник «Сказ об Урале»						+			+		+		+	+
13	Памятник «Первостроитель»														+(o)
Государственные учреждения															
14	Административное здание (Обком КПСС)						+								
15	Вид из сквера на здание Обкома КПСС						+								
Городская инфраструктура															
16	Общий вид города														+
17	Центр города											+			
18	Заречье										+		+(o)	+(o)	
19	Проспект им.В.И.Ленина	+	+	+	++	+			+	++	+				+
20	Улица Свободы	+	+												
21	Улица им.С.М.Цвиллинга	+	+	+			+								
22	Улица им. В.В.Воровского						+								
23	Улица им.Ю.А.Гагарина						+								
24	Угол улицы им.С.М.Кирова и проспекта Победы								+						
25	Проспект им. Богдана Хмельницкого				+						+				
26	Комсомольский проспект											+			
27	Площадь Революции	+(o)	+(o)	+		+	++		+	+(o)	+(o)	+(o)	+	+++	+(o)
28	Набережная реки Миасс								+(o)	+	+		+(o)		+(o)
29	Жилой дом на площади Революции				+										
30	Вид на жилой дом на площади Революции улицы им.В.В.Воровского						+(o)							+(o)	
Промышленность															
31	ЧТЗ: на погрузочной площадке тракторного завода.	+	+									+			
32	ЧТЗ: у проходной тракторного завода								+						
33	ЧТЗ: трактора	+(o)	+(o)												
34	ЧМЗ: в мартеновском цехе	+	+										+		
35	НИИ «Уралшвейпром» (Дом моделей)														+(o)
Транспорт															
36	Железнодорожный вокзал					+			+	+(o)	+	+	+	+	+
37	Привокзальная площадь: памятник «Сказ об Урале», гостиница «Челябинск»									+(o)					
38	Аэропорт														+

Гостиницы														
39	Гостиница «Малахит»												+	+
40	Гостиница «Южный Урал»	+	+	+	+	+	+							
41	Гостиница «Турист»												+	
42	Гостиница «Челябинск»									+				+
										+(o)				
Культура и досуг														
43	Театр оперы и балета им.М.И. Глинки	+	+	+	+	+	+	+				+		
44	Театр драмы им.С.М. Цвиллинга												+	+
45	Филармония				+(o)									
46	Государственная публичная библиотека				+	+	+	+	+	+	+			+
47	Зал камерной и органной музыки													+
48	Здание цирка												+	+
49	Дворец культуры Metallургов				+	+	+				+	+		+
50	Дворец культуры железнодорожников													+
51	Театр ЧТЗ													+
52	Кинотеатр им.А.С. Пушкина					+								
53	Кинотеатр «Урал»											+		
54	Кинотеатр «Россия»				+	+				+				
55	Центральный парк культуры и отдыха имени Ю.А. Гагарина							++				+		+
56	Детский парк Metallургического района													+++
57	Сквер на площади Революции												+	+
58	Озеро Смолино									+				+
59	Озеро Кисегач	+	+											
60	Санаторий «Кисегач»	+	+											
61	Озеро Чебаркуль	+	+											
62	Шершневское водохранилище							+						
63	Зона отдыха для трудящихся					+								
Образование и наука														
64	Челябинский политехнический институт				+	+			+	+		+	+	+
65	Дворец пионеров и школьников имени Н. К. Крупской									+	+	+	+	+
66	Проспект Ленина. Вид на здания проектных институтов				+			+						
Спорт														
67	Дворец спорта «Юность»									+			+	+
Торговля														
68	Торговый центр												+	+
69	Магазин «Культтовары»							+						

1967*- комплект открыток, издательство «Советская Россия»

1967**- серия открыток, «Лик»

1984*- комплект открыток, издательство «Планета»

1984**- комплект открыток, «Турист»

(o) – изображение на обложке комплекта

«ПУШКИНСКИЕ МЕСТА» В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ КАК МАРШРУТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭКСКУРСИИ

Т.В. Шарманова
МАОУ «СОШ № 43 г. Челябинска»
tatiana_sharm1701@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования культурно-исторических ресурсов Челябинска, связанных с именем А.С. Пушкина, в образовательном туризме. Автор предлагает один из возможных вариантов образовательной экскурсии по Пушкинским местам Челябинска.

Ключевые слова: культура, Челябинская «пушкиниана», образовательный туризм.

"PUSHKIN PLACES" IN THE CITY OF CHELYABINSK AS A ROUTE OF EDUCATIONAL TOUR

Tatiana V. Sharmanova
School № 43 of Chelyabinsk
tatiana_sharm1701@mail.ru

Abstract. The article discusses the possibility of using cultural and historical resources of Chelyabinsk associated with the name of A. S. Pushkin in educational tourism. The author suggests one of possible variants of educational excursions around the Pushkin's places of Chelyabinsk.

Key words: cultural, Chelyabinsk "Pushkiniana", educational tourism

Культура как система материальных и духовных ценностей вбирает все богатство человеческой истории, где судьба каждого человека столь же значима, как и судьба всего человечества. Культура есть мера оценки исторического прошлого и современности¹.

Город Челябинск и Челябинская область имеют давние культурные традиции. Культурная общественность города бережно хранит память о выдающихся деятелях истории и культуры². Среди славных имён, знаковых для культурной памяти города особое место занимает великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин (1799-1837). Примечательно, что А.С. Пушкин никогда не был в городе Челябинске, но «Пушкинские места» в городе есть, и они могут быть использованы как повод для развития «образовательного туризма», в том числе «внутреннего» туризма для школьников города и области.

Актуален ли сегодня Пушкин для нас? Интересно мнение Валентина Семеновича Непомнящего, доктора филологических наук, специалиста по творчеству Александра Сергеевича Пушкина, автора книг и статей о поэте, в проекте «Имя России»: «Пушкин чрезвычайно актуален сегодня, просто необходим нам для спасения нашего народа, нашей культуры. А культура – это Душа народа, это самое главное, что есть у каждого народа... Мы должны думать о Душе, иначе Россия не будет Россией...»³.

¹ Загребин, С.С. Культурная политика в современной России // Вопросы культурологии. 2008. № 3. С. 33.

² Челябинск. История моего города: эксперимент. учеб. пособие для учащихся основной шк. / Ред.: В.М. Тарасов, А.Ф. Аменд и др. - Челябинск: ЧГПУ, 1999. 320 с.: ил.; Культура и искусство Челябинской области // Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск: Каменный пояс, 2004. Т. 3. С. 550-554.; Челябинская область. Энциклопедия. Том. 7. Х-Я. Приложения. / Ред.: Афонин А.В. и др. Челябинск: Каменный пояс, 2008. 816 с.

³ Реплика В.С. Непомнящего об актуальности Пушкина в XXI веке [аудиотекст] URL: <http://pushkinskij-dom.livejournal.com/> (дата обращения 20.02.2018)

На сайте Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина мы можем найти словосочетание челябинская «пушкиниана». Культурно-исторические ресурсы, связанные с именем А.С. Пушкина в краеведческой литературе представлены в нескольких изданиях. Среди них следует отметить путеводитель «С любовью к Пушкину», изданный Центральной библиотекой им. А.С. Пушкина, путеводитель Е.С. Меньшениной и В.Б. Феркель «Памятники Челябинска», энциклопедию «Челябинск» и «Челябинская область»¹. Но на справочной литературе и некоторых интернет ресурсах, в которых предлагаются любительские снимки и текст, список заканчивается. Между тем для огромного растущего мегаполиса, каким является Челябинск, тема пушкинского наследия в культурном развитии города становится все более актуальной.

Достопримечательности, связанные с именем А.С. Пушкина есть в каждом российском городе. Первый памятник Пушкину был установлен в Царском Селе лицеистами – друзьями поэта 12 августа 1817 года. Памятник представлял собой обтёсанную мраморную глыбу с высеченными словами «genio loci» (лат. Гению места). В 1844 году камень был перенесён в Санкт-Петербург, а вскоре бесследно исчез. А самый известный сохранившийся первый в России памятник великому поэту был установлен в Москве 6 июня 1880 года. Автором скульптуры стал крепостной крестьянин А.М. Опекушин, ставший впоследствии одним из лучших скульпторов в России. В осуществлении проекта также принимал участие архитектор Иван Семенович Богомолов. Отливали фигуру Пушкина на петербургском бронзолитейном заводе, а постамент был изготовлен из темно-красного сердобольского гранита. Общая высота монумента составляет приблизительно 11 метров. Специалисты отмечают удачное соотношение монумента и скульптурной фигуры, благодаря которому из любой точки памятник выглядит гармонично. Пушкин изображен стоя, на нем надет длинный сюртук, поверх которого наброшен плащ. Поза отличается непринужденностью и естественностью: левая нога выдвинута немного вперед, правая рука заложена за жилет, в левой руке, заведенной за спину, поэт держит шляпу, голова слегка наклонена, взгляд выражает задумчивость и погружение в себя. Вокруг памятника расположены 18 гранитных тумб с бронзовыми венками, а между ними протянуты цепи-гирлянды лавровых листьев из литья. Постамент представляет собой цоколь со ступенями. Рядом с памятником установлены четыре чугунных фонаря, в каждом из которых – четыре светильника.

Следует заметить, что стилизованная копия первого памятника великому русскому поэту располагается в детском городке «Лукоморье» в парке им. Пушкина города Челябинска.

«Пушкинские места» появились в городе Челябинске сравнительно недавно. Путеводитель «С любовью к Пушкину» сообщает о Пушкинском городском садике – самом первом памятным местом Челябинска, связанным с именем поэта. Петровская площадь находилась в самом центре Челябинска. Ныне Центральный район (ул. Коммуны, Бульвар Славы, между часовым заводом и зданием Правительства области). На плане города 1875 года отражена эта площадь. К этому времени рядом с площадью было возведено здание духовного училища и здание Покровской училищной церкви, выстроенной челябинским купцом первой гильдии П.И. Перцевым, а потому прозванной горожанами «перцевской» площадью. На Петровской площади регулярно проходили различные мероприятия для духовных училищ, построенных рядом с площадью и для горожан города. В центре города, на Петровской (Покровской) площади располагался уютный, красивый детский сад-сквер.

В 1899 году Челябинск торжественно отмечал 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Тепло и трогательно прошли торжества в саду, в далеком провинциальном Челябинске. К этой дате городская Дума приняла решение детскому саду-скверу на Петровской площади присвоить имя А.С. Пушкина. Название Пушкинский садик понравилось челябинцам, и на плане города начала XX века появился Пушкинский садик. Постепенно название Петровская площадь забылось, и теперь мало уже кто помнит и

¹ Памятники города Челябинска: путеводитель / Сост. Е.С. Меньшенина, В.Б. Феркель. Челябинск, 2016. С. 183-189.

Пушкинский садик. Хотя, возможно, в память о Пушкинском садике близлежащая к нему улица Мастерская получила в 1937 году имя Пушкина.¹

Сегодня почти все места, связанные с именем великого русского поэта сосредоточены в центре города – Советском и Центральном районах. Так, в 1937 году появилось имя А.С. Пушкина у Городского сада, у кинотеатра, здание которого было построено по проекту архитектора Я. Корифельда. В том же 1937 году старинная челябинская улица Мастерская, где жили рабочие мелких предприятий, кустари и ремесленники, были переименована в улицу Пушкина. В предреволюционные годы улица по своей застройке, составу жителей представляла как бы лицо Челябинска в миниатюре. Мастерская, как и большинство улиц дореволюционного Челябинска, была не асфальтирована и была тихой улицей. Сейчас улица поражает нас тем, что здесь каким-то чудом сохранились старинные постройки, которые соседствуют с новыми, современными домами.

Согласно путеводителю Е.С. Меньшениной и В.Б. Феркеля «Памятники Челябинска», сегодня в городе существует всего пять памятников Пушкину: памятник в городском саду (скульпторы Л.Н. Головницкий, Э.Э. Головницкая, архитектор Н.Н. Семейкин), бюст в Пушкинском зале исторического факультета ЮУрГУ (скульптор В.А. Авакян); бюст в фойе кинотеатра Пушкина (скульптор П.Я. Фоминых (Головницкая?), памятник у здания драматического театра (скульптор Ю. Александров) и бюст в библиотеке им. Пушкина. Особо следует отметить памятные доски, посвященные Пушкину, в самом молодом районе города – Курчатовском. Это барельефы, посвященные поэту по улице Пионерской, дом 4 (скульптор С.З. Мограчева). К сожалению, данных об открытии памятников не сохранилось. Известна лишь дата торжественного открытия памятника скульпторов Головницких в городском саду – это в 13 сентября 1983 года.

В путеводителе также упоминается утраченный ныне памятник, располагавшийся в парке Тищенко, авторами которого являлись скульптор М. Манизер и доктор архитектуры профессор И. Лангбард. Основанием парка принято считать дату по самому раннему из сохранившихся документов – приказу директора Металлургического завода от 31.07.1947 г. Второе рождение парка – 1981 год, когда по приказу О.И. Тищенко, который во время руководства комбинатом способствовал развитию социальной сферы жизни, был разработан и воплощен в реальности план реконструкции парка. Вероятно, памятник Пушкину был утрачен в годы запустения парка.

В 2000-х годах улица Кирова стала пешеходной. Один из ключевых образов молодого скульптора А. Тишина появился на скамейке перед фонтаном «Поющая грация» того же автора. В интернет источниках можно существует несколько названий памятника – «Щеголь на скамейке», «Щеголь», «Пушкин», «Онегин», «Хлестаков», «Молодой щеголь». В любом случае, образ, созданный А. Тишиным, является неотъемлемой частью челябинской «пушкинианы». Итак, и в провинциальном Челябинске можно найти частички общерусской культуры золотого века, центром, которых, безусловно, является центральная городская библиотека. В 1949 году в связи с 150-летием со дня рождения А.С. Пушкина и за заслуги в работе городской районной в те годы библиотеке было присвоено его имя.

Библиотека никогда не забывала, чье имя она носит. Пушкинские вечера, книжные выставки, тематическая библиографическая картотека – вот небольшой перечень мероприятий, состоявшихся за долгие годы работы. Переезд в новые помещения позволил создать в 1987 году Пушкинский зал, где широко представлено богатейшее пушкинское наследие, многочисленные материалы о жизни и творчестве поэта. Зал был открыт в декаду пушкинской книги и стал традиционным местом проведения литературных вечеров.

Какие бы темы и направления в своей работе ЦБ им. А.С. Пушкина не выбирала, ведущей остается Пушкиниана. В библиотеке в Пушкинском зале проходят выставки-вернисажи декоративно-творческих работ. Прочно вошли в традицию библиотеки проведение

¹ С любовью к Пушкину URL: <http://kraj.chelib.ru/index.php/kraevedcheskie-resursy/kraevedcheskie-izdaniya-tsbs/128-s-lyubovyu-k-pushkinu> (дата обращения 25.02.2018); История ЦБ имени А.С. Пушкина [текст] URL: <http://chelib.ru/about/history/central> (дата обращения 25.02.2018)

пушкинских вечеров, получивших название «Пушкинские сезоны». С 2007 года «Пушкинские сезоны» действуют с 10 февраля (День памяти поэта) по 19 октября (День лицеев). Кульминацией сезонов много лет является праздник «Души волшебное светило», проводимый 6 июня в день рождения А.С. Пушкина.

Продолжилась работа по продвижению пушкинианы в современном формате. К юбилею города (280 лет) впервые в Центральной библиотеке им. А.С. Пушкина в день памяти А.С. Пушкина и в день его рождения для школьников были проведены Пушкинские квесты. На увлекательном маршруте квеста, полном сюрпризов и загадок, герои пушкинских произведений и исторические персонажи предлагали всем желающим узнать больше об А.С. Пушкине, его жизни и творчестве. В 2015 году Центральная библиотека им. А.С. Пушкина была признана «Лучшей библиотекой года» в номинации «Лучшая Центральная библиотека Челябинской области»¹.

Неразумно не пользоваться сегодня тем культурно-историческим достоянием, которое нам оставлено в наследство от предшествующих поколений, собиравшим по крупицам пушкинское наследие. Актуальным в наши дни является образовательный туризм. Туризм является неформальным способом получения знаний и полезного опыта, а, значит, несет образовательный характер в освоении культурно-исторического пространства жителям города и области, особенно тем, у кого мало возможности приобщиться к культурному наследию Москвы и Санкт-Петербурга.

Образовательная экскурсия по Пушкинским местам Челябинска может быть интересна и взрослым, и детям. Она поможет решить образовательные задачи культурологического, литературного и краеведческого направления. Экскурсия «Прогулки с Пушкиным по Челябинску» включает 8 объектов.

Объект 1. Памятник Онегину на Кировке (постановка проблем: 1) актуальность Пушкина в наши дни; 2) Почему памятник находится около оперного театра? Как связаны А. С. Пушкин и М. И. Глинка? Беседа по содержанию романа «Евгений Онегин» для взрослых и старшеклассников, чтение отрывков из произведения наизусть. Для младших школьников – чтение стихотворений).

Объект 2. Памятник у входа в драматический театр (рассказ о произведениях А. С. Пушкина на сцене драматического театра).

Объект 3. Памятник в парке Пушкина (история создания памятника и присвоения парку имени Пушкина. Чтение стихотворений).

Объект 4. Детский городок «У Лукоморья». Памятник, скульптуры (беседа и викторина по сказкам).

Объект 5. Скульптура Наталья Гончарова (история женитьбы поэта).

Объект 6. Образ Пушкина у входа в парк (чтение стихотворений).

Объект 7. Ул. Пушкина (прогулка до кинотеатра им. Пушкина).

Объект 8. Образ Пушкина на здании кинотеатра им. Пушкина (история создания кинотеатра и присвоения имени).

Экскурсия заканчивается в библиотеке им. А. С. Пушкина тематической встречей в Пушкинском зале, беседой с библиотекарями с посещением выставки, посвященной поэту или просмотром спектакля по произведениям поэта (Драматический, Камерный или Молодежный театр).

Необходимость работы в данном направлении обусловлена особенностями Челябинской области. Специфика региона (преобладающее значение промышленности в ущерб культурно-историческому развитию, отдаленность от культурных ценностей Москвы и Санкт-Петербурга) имеет большое значение в определении перспектив развития существующих на сегодняшний день ресурсов в развитии образовательного туризма для жителей Челябинска и области.

¹ История ЦБ имени А.С. Пушкина URL: <http://chelib.ru/about/history/central> (дата обращения 26.02.2018)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ АНТРОПОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЧЕЛОВЕКА

В.В. Баркова
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
barkova.vv@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются историко-культурологические основания изучения города как антропологического феномена. Автор апеллирует в историко-философским исследованиям, выявляет параметры изучения города как полифункционального комплекса со своим специфическим географическим и пространственно-временным континуумом.

Ключевые слова: город-полис, городская среда обитания, городской образ жизни. урбанизация, антропология среды обитания

HISTORICAL AND CULTURAL APPROACH TO THE FORMATION OF ANTHROPOLOGY THE SPACE-TEMPORARY CONTINUUM OF THE URBAN ENVIRONMENT

Valentina V. Barkova
South Ural State
Humanities and Pedagogical University
barkova.vv@yandex.ru

Abstract. The article analyzes historical and cultural grounds for studying the city as an anthropological phenomenon. The author appeals in historical and philosophical studies, reveals the parameters of studying the city as a multifunctional complex with its specific geographic and space-time continuum.

Key words: city-policy, urban habitat, urban lifestyle. urbanization, anthropology of habitat

Цицерон считал, что город создала мудрость. Именно мудрость соединила рассеянных по земле людей, сначала домами, потом супружеством, наконец, общностью языков и письмен, открыла законы, стала наставницей порядка и нравственности. Не случайно образ того или иного города, особенности организации его городского пространства, всегда овеяны некой легендой, событием, ставшими началом основания города и через пласты прошедших веков, сумевшие донести следы жизни ушедших поколений, их мечты, ожидания, надежды.

Город, являясь административной единицей расселения, представляет собой социокультурное образование, заполненное различными формами современной жизнедеятельности людей. Возрастающая роль каждого города в решении задач, озвученных Президентом РФ в послании Федеральному Собранию¹, делает город объектом актуального междисциплинарного исследования, который может быть осуществлён в фокусе пересечения ряда наук: философии, социальной антропологии, истории, социологии, географии, культурологии, эстетики, экономики, социологии города, этнологии, урбанистики, изобразительного искусства, кино и телевидения.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 12.03.2018)

Это делает возможным создание панорамы города, его пространственно-временного континуума как корпуса текстов, позволяющих в складках антропологии городского бытия увидеть перспективы и тенденции его дальнейшего развития. Город как текст способен погрузить исследовательскую мысль в поток событий городской жизни с целью выявить способы социальной организации городской среды в различных культурных и исторических контекстах. Для осуществления задачи был собран обширный материал по истории формирования городского образа жизни в Древнем мире, Средневековье, Новом времени, описание городов в текстах художественной литературы и искусства, что послужило опорой для выстраивания коммуникативных стезей от исторических текстов о городе к современному тексту самого города¹.

Город как объект исследования представляет собой сложный полифункциональный комплекс со своим специфическим географическим и пространственно-временным континуумом дислокации, обладающей административными границами, в лоне которых разворачивается повседневная жизнь человека, разнообразные формы организации им общественной жизни.

Предметом исследования в статье является взаимодействие антропологии города и человека в их взаимовлиянии и взаиморазвитии.

Человек - творец города, его создатель и в то же время его продукт. В городском пространственно-временном континууме он творит историю своего бытия, общественные отношения, лично создаёт самого себя. Благодаря его усилиям в городах получают оформление: право, религия, культура, наука, здравоохранение и т.д. В городских условиях формируются новые типы взаимоотношений между людьми: соседские, правовые, экономические, религиозные, административно-управленческие, что меняет ментальные композиции поведения человека в городской среде обитания.

Таким образом, необходимость исследования влияния антропологии пространства городской среды на человека диктуется несколькими факторами: Историко-культурологическим изменением пространственной структуры расселения людей; Становлением человека субъектом и объектом антропологии городского пространственно-временного континуума; Изменением телесности человека как городского жителя, его идеологии, мировоззрения, ментальности.

В своё время были проведены исследования образа жизни горожан (Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В., Гордон Л.А., Клопов А.В., Оников Л.А., Файзуллин Ф.С и др.). Так как человек преобразует антропологию городской среды, сообразуясь с требованиями не только пользы, но и красоты, город анализировали с позиций эстетики (Иконников А.В., Прозерский В.В., Каган М.С.). В рассмотрение проблем выстраивания антропологии городской среды обитания человека широко привлекаются современные философские исследования по семиотике города (Эко У., Лотман Ю.М., Каган М.С., Барт Р., Розин В.М., Степанов Ю.С., Тыдман Л.В., Успенский Б.А.), герменевтике (Бахтин М.М., Гадамер Х.-Г., Рикёр П.). Исследованию этническим проблемам антропологии города посвящены работы Шкаратана О.И., Лурье С.В., Старовойтовой Г.В., Галлямова Р.Р. и др.

Человек не только создаёт город, но и живёт в созданной им городской среде, подвергая её постоянной интерпретации. Герменевтика как «раскрытие ранее скрытого», рассматривается Ф. Шлейермахером как идентификация исследователя текста с индивидуальным, уникальным содержанием духа, скрывающегося за текстом, чтобы понимать автора даже лучше, чем он сам себя понимает. Смысл всегда имеет личностный

¹ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.; Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М., 1979.; Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1981. Ахатов М.Ш., Загребин С.С. Градостроительная ситуация: условия и особенности застройки города Челябинска // Наш край: прошлое, настоящее, будущее. Челябинск. 2009. С. 25-31.; Уральские Бирюковские чтения. Сборник научных и научно-популярных статей XVII Уральских Бирюковских чтений: в 2-х частях. Выпуск 4, Часть 1. Город как феномен культуры. Челябинск. 2006.; Антропология города, Выпуск 1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар. 2013. и др.

характер. Приоритетной задачей, отражающей общественную потребность в разработке теории развития антропологии пространства городской среды обитания, становится создание стратегий, способных в ландшафтах её бытия выявить тенденции прорастания новых измерений и аспектов развития. Такой подход способен обеспечить прозрачность антропологии городской жизни, конструируемой смыслами социальных практик, разворачиваемых человеком в пространственно-временном континууме городской среды.

Всего того, из чего складывается характеристика её целостности, включающей в свою живую плоть разнородные и множественные коммуникативные отношения между людьми, в которых запечатлевается, зашифровывается и распредечивается ценностный опыт городской жизни. В этом случае историко-культурологический ракурс исследования заключается не в проецировании априорных схем и набрасывании традиционных категориальных сетей на исследуемый феномен, а в анализе ландшафтных изменений и изломов городской реальности бытия человека в связи с урбанистскими тенденциями её преобразования и появляющимися в связи с этим новыми тенденциями её развития. И.Т. Касавин писал, что исследовательская задача состоит в актуализации аспектов комфортности антропологии городской среды бытия человека через введение новых концептуальных ресурсов, призванных расширить проблему до панорамы, сделать её зримой и решаемой.

Историко-культурологическая мысль, осознавая исторический релятивизм, принимая множественность опыта сознания и культуры, субъектность знания, зависимость интерпретаций антропологии городского пространства от ракурсов восприятия последней, пришла к необходимости посредством рефлексии обозначить базисные конструкторы скульптурирования онтологии городского пространственно-временного континуума.

Методология исследования антропологии городской среды обитания человека, как природно-социального феномена, определяется в зависимости от научных принципов, которых придерживается автор, предпринимающий изучение указанной проблемы и которые он воплощают в интерпретации исследуемых процессов и явлений. Эти аспекты рассматриваются в работах Ф. Боаса, А. Крёбера, Р. Билза, А. Радклифф-Брауна, У. Уайта, Б. Эванс-Причарда, Р. Бенедикта и др.

Способ организации городского образа жизни человека в конкретно-исторических пространственно-временных параметрах его жизнедеятельности задаётся технологическими возможностями человеческих практик той или иной эпохи и презентуется сферно-деятельной активностью человека на фоне ландшафтно-географических и климатических особенностей региона его городской локации. Генерализирующее начало реконструкций городской среды обитания человека выражается через императивы эпох как образ города в диалектическом единстве его противоположных начал.

Социальные события и явления в любую эпоху ценностно значимы для человека как опыт, назидание, путь для подражания, как то, что составляет ориентиры его городского бытия. Каждый участник жизненных маршрутов в пространственно-временном континууме городской среды способен создавать собственную интерпретацию жизни, основанную как на метафорических аспектах схватывания городской действительности, так и на герменевтических толкованиях её содержания. Обдумывая природные и социальные факты, человек создаёт картину своего городского миробытия, что помогает ему отрабатывать социальные взаимосвязи с другими людьми в ойкумене своего расселения, повышает роль его индивидуальной и коллективной ответственности за то, что происходит в городском пространстве как проявлению заботы о себе и других.

Основу изучения антропологии городского образа жизни человека составляют символически опосредованные взаимодействия людей, которые являются узелками в сети структурных социальных переплетений, традиционно обозначаемых психологическими терминами – мышление, ощущения, эмоции, представления. Выстраивая пространственно-временный континуум городской жизни, человек определяет своё отношение к её событиям, тенденциям их развития, к своему другому. В поисках своего места в городском пространстве ролей и масок он идентифицирует себя с той или иной общностью (родом, этносом,

государством, цивилизацией), т.е. осваивает среду своего расселения специфически человеческим способом.

Отсюда и шкала ценностных выборов смыслов жизнедеятельности, выступающих своего рода оберегами его безопасности. В сфере религиозно-мифологической - это идеалы Бога, любовь к Богу. В сфере государственной – идеалы власти и единства мира. В сфере гражданского выбора – это идеалы разума, свободы, культурных традиций, нравственности, семьи, условий для самореализации каждого и их публичное поощрение. Выборы человека обретают реальность и становятся существенными характеристиками его деятельности, когда они определяют условия и способы организации им антропологии городского пространства в конкретно-исторической канве существования. Платон писал, что умение ухватить, понять новое, проявившееся здесь и сейчас, «вписывание» этого нового в свою деятельность, отказываясь, от сложившихся стереотипов осмысления, становится свидетельством того, что в человеке «просыпается» способность замечать и понимать в окружающем особенное и индивидуальное; соотносить это со своим интересом и складывающимися смысло-жизненным ожиданиями.

По свидетельству историков, первые города возникли 4000-3000 лет до н.э. в Месопотамии как центры проживания этнических общин и племен. Имеются свидетельства о возникновении городов 3000-2000 лет до н.э. в древней Индии, Греции, Египте, Китае, чуть позже в Финикии. Древние города занимали большие территории, многие из них были окружены стенами. Центральное место в городах древнейших поселений отводилось культовым объектам. Народ селился у их подножья, обеспечивая тем самым себе защиту небесных покровителей. Развитие городов, увеличение населения вызвали к жизни потребность в организации системы городского хозяйства, градостроительной планировки для комфортного проживания населения, деловых встреч, торговли.

Первыми элементами городского хозяйства стали водоснабжение и канализационные сооружения, бани, скриптории, музеи, замощение площадей, улиц, уход за общественными зданиями, санитарная уборка территорий. Первые пробы системного ведения городского хозяйства имели место в городах древнего Египта и Месопотамии, Индии, затем в расселении античных народов.

Возникновение уникальной городской конфигурации социокультурного расселения греко-римских народов, было обусловлено наличием удобных для проживания, развития земледелия и животноводства территорий. Умением создавать морские и сухопутные транспортные средства, организовывать разнообразные виды коммуникаций, обеспечивавших культурный, экономический и межэтнический обмены. Почти синхронно с транспортными технологиями развивались средства связи для передачи информации и различных сообщений: пешие гонцы, конные курьеры, сигнальные огни, почтовые службы, маяки и т.д.

Именно в городском типе поселения, особенностях организации в нём пространственно-временных каркасов городского образа жизни, античный человек осознал себя личностью, способной раздвигать горизонты своей психофизиологии, ментальности, культуры. Город – это естественный продукт кооперации людей и разделённого труда, одно из тех начал, которые заложены в основу любых процессов эволюционного исследования социального.

Бытие людей в замкнутом городскими стенами пространственно-временном континууме античных веков, разворачивалось как результат осознанных действий всезрящих и всезнающих друг о друге его участников. Это приводило к пониманию изначальной необходимости отслеживать внутренней логикой сознания «складывание событий» в зоне проживания в нечто логически необходимое и вместе с тем парадоксально неожиданное: нужно было учиться жизни рядом и перед другими.

Под взорами других человек не просто должен был проживать свою жизнь, делать что-то дурное или хорошее, но впервые предстать перед другими как герой в эстетической завершенности тела, судьбы, действий. Словом, «как ты для себя». Именно в городском публичном пространстве столкновение в коммуникационном взаимодействии правды, вины,

лжи, совестливости, успехов и поражений, сплетало сети взаимосвязи и взаимозависимости человеческих действий и судеб, через которые он начинает ощущать свою сопричастность к событиям городской жизни. Ответственность за благополучие и процветание городской общины - социума.

Город становится тем фокусным пространством, в которое стягивались пути-дороги, идущие от других миров к этому перекрестку социальной жизни. Каждый путь нёс свою экзотическую информацию о разных формах и способах миробытия «своего иного». В городской динамике античной повседневности общественная значимость человеческих действий определялась не «их не вмести́мостью» в сложившийся мир отношений. а тем, насколько искусно он мог идти путями, одобренными в городской среде, выбирать действия, связанные с пониманием необходимости данного типа труда в поддержании воспроизводственных процессов, на которых зиждилось материальное и экономическое благополучие города.

Человек начинал понимать, что в лоне антропологии окружающего его городского повседневного бытия развёртывается реальная онтология его существования. Именно здесь внутри городских стен плетётся нить благополучия жизни каждого человека и городской гражданской общины в целом. Её начинают воспринимать как матрицу социально-экономической, политической и социокультурной идентичности. При этом разнообразие областей деятельности, открывшихся перед греками, а затем и римлянами вело к превращению города в деловой центр общения, развития культуры и духовности, коммунальных услуг и антропологической комфортности проживания.

Античный человек духовно и интеллектуально постоянно «перерастал» пределы городского мира. При этом его мышление было ориентировано на необходимость «уловить», по меньшей мере, живую целостность и перспективность формирующихся вокруг него новых реальностей бытия и входить в осмысление новых изменений в городской жизни. Трансформация социальных отношений заставляла человека идентифицироваться с группами людей, в которых он мог решить проблему смысловой определенности. Через поиски ответа на свои вопросы реализовать потребность в понимании происходящего.

Эксплуатация частных рабов, отсутствие централизованной власти, самоуправление - эти три базисных компонента легли в основу конструирования уникального каркаса антропологии городского образа жизни античного мира. Господство частной собственности вызвало к жизни политические, правовые и иные институты, систему демократического самоуправления с правом и обязанностью каждого гражданина полиса принимать участие в общественных делах, в управлении городом. Родилась система гарантий защиты интересов каждого гражданина, признанием его личного достоинства, прав и свобод, а также системы социокультурных принципов, способствовавших расцвету личности, её творческих потенций, энергии, инициативы, предприимчивости. Именно в городском пространстве-времени античного мира появляется возможность, накопив деньги, обеспечить себе существование без поддержки рода. Территориальное сожителство берёт перевес над родственными связями.

Городской тип расселения государства-полиса отличался стратификационными особенностями. Важнейшая из них – появление понятия «граждане». Это свободные, независимые члены общества, пользующиеся всей полнотой социальных и политических прав, которые рассматривались в неразрывном единстве с их обязанностями. Полис-город в лице гражданского коллектива гарантировал соблюдение всех политических прав и свобод, социально-экономических и духовных условий достойной жизни каждому своему члену.

Демократические формы правления, отсутствие замкнутой страты правящей верхушки и бюрократии, наёмной армии, делали граждан-горожан активными участниками в общественных делах. Демократия формировала потребность в культурной, широко мыслящей личности. Нужна была опора на авторитет знания, логически непротиворечивого доказательства. Состязательная природа социальных отношений внутри города-полиса, желание доказать каждым свою первоклассность над другими в любых отраслях человеческой деятельности, формировали особенности древнегреческого мышления, направленного на

поиск своего собственного, оригинального взгляда на проблемы антропологии городского бытия и их решение.

Античный город-полис породил развитую форму зависимости и принуждения – классическое рабство. Раба считали говорящим «орудием труда». Античное право освящало бесконтрольную власть над рабами. Использование труда рабов, для оказания различных услуг своим хозяевам, сделало возможным сделать яркие успехи античной городской культуре: формирование досуговой деятельности, создание школ, науки, инженерной и технической деятельности – сооружение храмов, театров, системы водоснабжения и очистки, получение образования за пределами города-полиса и т.д. Всё это обеспечивалось за счёт использования труда рабов и структурировало шаги для становления качественно иного типа городской интеграции – зарождение урбанистской культуры, что в генезисе коррелировало с технологическим способом освоения человеком городской и природной среды обитания. Город становился формой преодоления ведущей роли природы в развитии человека, «элементом», созданным обществом, как следствие крупных общественных разделений труда: между умственным и физическим; между промышленностью и сельским хозяйством; выделением управления в специальную область деятельности.

В первые века средневековой эры произошло не просто крушение античных государств и империй, вместе с ними ушли в небытие города, составлявшие некогда славу и культурное величие античных народов. Нашествие варваров не пощадило даже Рим, который был основательно разрушен и утратил свою ведущую роль в истории. Одновременно с гибелью городов уничтожались системы городского хозяйства, выработанный веками стиль городского образа жизни.

Основой нового способа организации жизнедеятельности народов европейского пространства стали деревенские поселения, крестьянские хозяйства и общины. Но постепенно феодальное сообщество осознаёт потребность в интенсивном развитии ремёсел, торговли, обучения, что лучше всего получалось в условиях города, в местах публичного доступа. В связи с этим начинается процесс восстановления и создания городов феодального типа.

Города возникали на земле феодала вокруг его замков, монастырей, на пересечении торговых путей, около святых намоленных мест. Таковы легенды возникновения Венеции, Пизы, Тулузы, Гамбурга и т.д. Города были малолюдны, невелики по занимаемой территории. Из германских городов, лишь несколько имели более 10 тыс. жителей.

По своим архитектурным конфигурациям западноевропейский средневековый город корнями восходил к традициям застройки времён Римской империи. В центре располагалась рыночная площадь, ратуша, собор. От центра радиально расходились узкие улицы города. Территория города формировалась с учётом двух составляющих: природного комплекса, топологии местности и созданной человеком застройки. Из сочетания этих факторов формировалась городская среда обитания человека.

Городская среда – это совокупность природных, архитектурно-планировочных, социально-культурных и других условий, в которых проживает городской житель на данной территории и которые определяют комфортность его бытийности. Условия формирования средневекового города делали невозможным воспроизведение в нём структуры городской самоорганизации жителей, как это было в государстве-полисе. В зависимости от возникающих проблем и их решения здесь уже появляются массы, общественность, толпа и организация местного городского самоуправления.

Конкретно-исторические пути возникновения средневековых городов весьма разнообразны. Уходившие из деревень крестьяне и ремесленники селились в различных местах в зависимости от наличия благоприятных условий для занятия городскими делами – ремеслом и торговлей. Город как базар можно отнести к положительным характеристикам городского поселения в средневековом миропонимании. Это место, где разнообразие черт позволяло каждому найти в городе свое, увидеть в нём богатство возможностей для самореализации самого себя, т.е. те качества, которые демонстрирует городская среда, оппонировав деревне.

Символом города как отдельного, самостоятельного мирка, имеющего границу, стала стена, которая во множестве текстов обозначает город - «стены Кордовы» в «Песне о Роланде» или «Фив крепостные стены» в пьесе Еврипида «Ипполит» и проникновение за которую любым способом понималось как преодоление препятствия, как некое испытание, опасное и притягивающее своей неизвестностью, способной переопределить дальнейшую судьбу героя.

Художественные образы городов способны преодолевать пространственно-временные пласты исторической памяти, что делает правомерным их рассмотрение вне исторической ретроспекции, как актуальных явлений культуры. Художественный образ антропологии городской среды по сути представляет собой диалог наблюдающего субъекта с творцом произведения, занимая положение на стыке объективного и субъективного, материального и духовного. Даёт объяснение почему целостное представление о реальности может содержаться и в отдельном художественном произведении.

Феодальный город представлял собой качественно новую многоуровневую, плотную систему социальных связей, противопоставляющую гражданственное состояние – негражданственному, обеспечивая городской среде большую, по сравнению со средой деревни, автономию. Это служило одним из оснований для появления мотива гордости, связанного с правом принадлежать к городу: «Мы граждане из граждан. Кто нас выгонит?» Ж.-Ж. Руссо. «Новая Элоиза». В свою очередь переселенцы из деревень приносили в города привычки общинной жизни. Поэтому очень скоро горожане стали собираться вместе для обсуждения вопросов городского управления, выбирали главу города мэра, собирали ополчение для защиты от врагов. Люди одной профессии стали селиться вместе, ходить в одну церковь, тесно общаться друг с другом. Они создавали союзы – ремесленные цехи и торговые гильдии для успешного продвижения своих изделий на рынке и достойно конкурировать с другими производителями.

Рост городов имел свою темпоральность. Типическое своеобразие этого процесса впервые обнаруживает себя в момент складывания иерархии городов. Когда возникает их деление на малые и большие, столичные и провинциальные города. Во многом дифференциация городов была обусловлена дальнейшим углублением разделения труда и специализацией между городами. Однако независимо от своих размеров, город, как непосредственная среда жизнедеятельности человека в широком смысле реализовал важнейшую интегрирующую функцию – функцию социального развития человека и населения в целом. Притягательность города определяла его доминирующее положение в культурном пространстве деревни. В VIII-IX вв. феодальные города, как центры ремесла и торговли, выделились в Венеции, Генуи Пизе, Бари, Неаполе, Амальфи. В X в. они уже возникли на юге Франции – Марселе, Арль, Нарбонне, Монпелье, Тулузе и др. В этих местах богатых античными традициями быстрее, чем в других городах возрождались и специализировались ремёсла, торговля, медицинские услуги.

Условия антропологии городской среды, в которых человек работает, удовлетворяет естественные потребности, занимается воспитанием детей, культурным досугом и т.д. определяют возможности и перспективы развития человеческого капитала в конкретном типе городского поселения. Качество городской среды зависело от географического фактора, профиля специализации поселения, его численности, административного статуса. Неоднородность этих показателей в развитии городской среды порождала социально-территориальные различия в городском образе жизни и уровнях его комфортности.

Развитие городов в средневековый период почти не сопровождалось созданием системы коммунального городского хозяйства. В результате планировка городов практически не осуществлялась и носила стихийный характер. Санитарное состояние и благоустройство находились на зачаточном уровне, водопровода и канализации не было. Обходились колодцами, проведением каналов для завода воды на территории богатых людей. Улицы освещали факелами, выставляли фонари со свечами, централизованное освещение отсутствовало, как и замощение городских дорог и тротуаров. Отдельные элементы

городского хозяйства в некоторых городах не имели широкого распространения и не решали проблему в целом. Лишь в XV веке в Любеке и Нюрнберге впервые появились мостовые и службы по уборке улиц. Именно тогда в ряде европейских городов возникают цехи ассенизаторов и появляются элементы городского хозяйства. К XVII в. повсеместно стали складываться системы городского хозяйства, и заговорили об охране окружающей среды города, создании парков, бульваров и т.д.

Расширение торговли, переход к мануфактурному и промышленному производству в начале века Просвещения вызвало оживление общественной жизни в Европейских городах, дав новый мощный импульс формированию инфраструктуры городов и в городских поселениях. Понадобились хорошие дороги как внутри городов, так и между ними. Резкое ускорение темпов роста городов в Англии, Франции, Германии и других странах, поставило вопрос о нормативной базе численности населения в городе. При этом критерии нормативности были весьма разнообразны: 200 жителей в Исландии, Швеции, Норвегии; 250 жителей – в Дании; 400 – в Албании; 1000 – Шотландии, 1500 – в Ирландии; 2000 – в Германии, Нидерландах, Франции, Португалии; 5000 – в Австрии, Чехии, 10000 – в Италии, Испании, Греции; 12000 – в России. Как уже отмечалось неоднородность этих показателей порождала социально-территориальные различия в поддержании городского образа жизни и уровнях комфортности его антропологии.

Быстрый рост городского населения высветил потребность в землях под строительство и расширение границ города, что привело к росту земельной ренты, арендной платы за жилые и нежилые помещения. В центре крупных городов селились очень обеспеченные слои населения. Элиту составляли купцы, богатые торговцы, занимавшиеся дальним транзитом и оптовыми сделками по разным городам и странам, имевшие в центре и за океаном конторы и агентов. Нередко они становились банкирами и крупными ростовщиками. Наиболее богатыми и влиятельными были купцы из столичных и портовых городов: Константинополя. Лондона, Марселя, Венеции, Генуи, Любека.

В городах широко распространились объединения купцов одного города – гильдии. Подобно ремесленным цехам, они объединяли купцов по профессиональным интересам: путешествующих в одно место или с одинаковыми товарами, так что в больших городах было по нескольку гильдий. Торговые гильдии обеспечивали монопольные или привилегированные условия в торговле и правовую защиту, оказывали взаимопомощь своим членам. Купеческая среда каждого города, как и ремесленная, была объединена родственными и корпоративными связями, к ней подключались и купцы из других городов. Обычными стали так называемые торговые дома - семейные купеческие компании.

Жилые дома строились частными застройщиками, которые возводили их, как правило, для сдачи в наём. Собственники мастерских строили бараки для проживания мастеров, подмастерий и учеников. Муниципальное строительство было незначительным. Ещё в средние века в городах расцвела такая форма торгового сотрудничества, как различные паевые товарищества и возник институт торговых консулов: для защиты интересов и личности купцов города. К XVI в. появилась биржа, где заключались коммерческие контракты. Города могли даже выкупали право иметь привилегированную корпорацию горожан, в которую входили не только купцы, но и ремесленники.

Таким образом, в эпохи средних веков и столетнего Возрождения сформировалась антропология городского образа жизни человека, которую можно представить в трех ипостасях: в пространственных характеристиках; в функционально-производственном аспекте, который включал профессионально-производственные, управленческие, социально-статусные и этнические стороны жизнедеятельности горожан; в социально-стратификационном, как характеристика социальных лифтов для каждой групп населения: одни из которых признаются полноправными горожанами, другим предписано проживание на особых городских территориях, а третьим - особой группе людей, которых в городе вытесняют на социальную и пространственную обочину.

Человек города во многом обособленная личность, самостоятельно делающая выбор рода и вида своего занятия, способа добычи хлеба насущного, этических норм поведения, убранства жилища и типа одежды по статусу. Городской человек живёт бок о бок с людьми, с которыми у него нет кровнородственных связей, но есть отношения соседства. Сосед – человек, с которым при всей близости и тесноте общения необходимо соблюдать определённую дистанцию, не вмешиваясь в его личную жизнь и не допуская его слишком близко к своей собственности. Эти отношения регулирует этикет, и более жёстко – закон.

Вместе с тем через своеобразные «вызовы» эпох город предъявляет повышенные требования к человеку и создаёт социальные институты, через которые тот должен ответить на эти «социальные вызовы, рассматривая их и как вызовы развивающегося общества. Таким ответом на «вызов» явилось создание письменности, Грамотность стала маркером городского человека, затем создание Гуттенбергом печатного станка сделало школу, образование одним из действенных факторов просвещения и ступенями продвижения по службе. Человек – горожанин формирует с годами собственные телесные, ментальные и социальные характеристики своего поведения, стиля речи и особый образ жизни, непохожий на деревенский уклад.

Город предъявляет человеку свои требования и правила, которым тот должен неукоснительно следовать, чтобы вписаться в городской стиль повседневной жизни, в его пространственно-временный континуум. У городского человека другой уровень сознания, его направленность, структура и характер отношений к миру вещей. Одежда для горожанина становится символическим знаком внутреннего изменения человека и его принадлежности к определённой страте города. Для демонстрации места человека в социально-стратификационной структуре городского сообщества существует целая гамма показателей – экономических, политических, психологических, явных знаков, символов и понятий, отражающихся в системе расселения человека в городском пространстве.

В своей повседневной бытийности городской житель находится в экономических, политических и правовых отношениях с другими людьми и с городом. У него вырабатывается «социальный отклик» на их предложения, которые он или принимает, или отвергает, или остаётся индифферентным к их воздействию. Меняется отношение к труду. Труд для горожанина становится необходимой составной частью его жизнедеятельности.

Ментальность городского человека формируется и сохраняется, транслируется из поколения в поколение, передаётся и поддерживается через механизмы массового сознания и различные правовые, образовательные, религиозные процедуры и институты. Горожане гордились своими городскими местами расселения, ландшафтами, мастерским вписыванием в них жилых кварталов и индивидуальных строений.

Ж. Ле Гоффа и А. Я. Гуревич предположили, что эпохи средневековья и столетнее Возрождение явили себя временем становления городов, что подтверждается возросшей иконографией городов. С момента, когда город обретает качественную определенность, знаковую он, наряду с воспроизведением своего внешнего лика, со всем заключенным в ней разноликим, непрерывно меняющимся содержанием, начинает являть второй лик собственной феноменологии – образ в искусстве. Художественный образ конкретного города, таким образом, есть результат становления города явлением культуры.

Антропологический характер пространства города проявляется в его внутренней организации, направленной на удовлетворение потребностей человека: в жилище, безопасности, общении, управлении, обеспечении продовольствием и водой, санитарно-гигиеническими удобствами. Над этими параметрами чётко надстраиваются, порой довлеют физико-географические координаты особенности пространства городского расселения, что заставляет внутреннюю организацию городской среды приспособляться к постоянным природным вызовам: климату, рельефу местности, флоре и фауне, часовому поясу, сходам лавин, вулканической деятельности и т.д. Иногда кажется, что люди, выбирая место жительства и район проживания, тип жилища, следуют за переменной модой, но в этом

случае сама мода выступает здесь социальным индикатором качества пространственной организации антропологии общества.

Итак, мечты Ф. Бэкона о создании человекомерных условий в городской среде проживания за время его жизни не смогли им быть реализованы, что и не удивляет в связи с грандиозностью выдвинутых им задач. Но его научные разработки были взяты за основу исследования антропологии городской среды. Город должен выступать не просто как место, где живет много людей, работает много заводов: он должен служить двигателем развития общества. Это – один из очень перспективных вариантов развития антропологии городского пространства и общества в целом. И власть к этому готова.

Во времена Ф. Бэкона власть к этим проблемам и их решению даже и не поворачивалась. Хотя город с самого начала разрушает ландшафт, внося изменения в его природную структуру. Он формирует собственное физическое пространство, выступает самостоятельным географическим объектом, влияет на окружающее географическое пространство, вовлекая его в разнообразные взаимосвязи. Внутреннее пространство города складывается из переплетения как физико-географических факторов, так и антропологических характеристик населения. Его производственных специализаций, истории города, демографических характеристик, научного потенциала развития, индивидуального своеобразия как результата одновременного воздействия всех возможных факторов, из которых важнейшими являются географический, природный, социальный статус и основная направленность деятельности его обитателей, архитектурный облик. При этом возникает бэконовский вопрос: как повысить качество антропологической составляющей в организации внутреннего пространства городской среды обитания человека.

В современной социологии родилось понятие «социополис» как новая модель понимания антропологии городской жизни, приходящая на смену технополису. В западном понимании город должен обеспечивать максимальные возможности для общественной самореализации индивидуума. В нём должны быть продуманы механизмы снятия напряжения между личностью и социумом, человеком и технологической средой, между различными общинами и странами.

Восстанавливая баланс «город – окружающая среда», развивая «чистые» информационные технологии, социальной интеграции, основанной на возрождении традиционных нравственных ценностей, архитектурного дизайна, формирующего не враждебное человеку урбанистическое пространство - такими представляются основные «градостроительные площадки» социополиса. Особенно сложно осуществить такой проект в России, с её территориями, многонациональным составом, климатическими различиями, другими немалыми особенностями. Для малых городов необходимо обеспечить минимальный уровень доступности к благам на месте, благодаря фельдшерским пунктам, библиотекам, начальной школе и информационным технологиям. Чтобы полностью удовлетворить свои потребности, жители могут воспользоваться благами в других крупных городах. Однако расстояние между поселениями стало измеряться не километрами, а рублями. И эти расстояния становятся недоступными для некоторых групп населения. Климатические различия, влекут постоянные затраты на отопление, содержание городского транспорта, уборку и ремонт дорог, озеленение и др. Так что, несмотря на высокий уровень городского населения страны, сопоставимый с уровнем США и Канады, отмечается отсутствие глубины урбанизации, связанной с городским образом жизни в городах России.

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ КОМИКСА, ПОМОГАЮЩЕГО АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Т.Ю. Быстрова
Уральский федеральный университет
taby27@yandex.ru

Аннотация. Арт-проект, выполненный в духе «культуры участия», может не только помочь человеку другой культуры быстрее сориентироваться в новом пространстве, но и способствовать формированию этно-культурного городского сообщества. Пример такого проекта, созданный в рамках одного из курсов Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ), приводится и обосновывается в статье.

Ключевые слова: проект, городской проект, этно-культурный проект, культура участия, культура 2.0., партисипация.

PROJECT OF CREATION OF A COMMISSION ASSISTANT ADAPTATION OF MIGRANTS TO THE NEW URBAN ENVIRONMENT

Tatiana Yu. Bystrova
Ural Federal University
taby27@yandex.ru

Abstract. The art project, carried out in the spirit of a "culture of participation", can not only help a person of a different culture to quickly navigate in a new space, but also contribute to the formation of an ethno-cultural urban community. An example of such a project, created within the framework of one of the courses of the Yekaterinburg Academy of Modern Art (EASI), is given and justified in the article.

Key words: project, urban project, ethno-cultural project, culture of participation, culture 2.0., Participation.

По мере развития урбанизации, средств коммуникации и транспорта, усиления открытости и «текучести» мира люди начинают все больше перемещаться, оседать в новых местах, но не всегда это происходит гладко и бесконфликтно. Одно из следствий процесса – проблема мигрантов – обычно рассматривается с внешней стороны контактов диаспоры и местного населения. Мы хотели бы представить состояние человека, попадающего в относительно незнакомую и непонятную среду, и помочь ему в преодолении этого состояния. В то же время речь идет не о формировании некоего абстрактного комфортного пространства, а о помощи, так сказать, «своими руками». Методология этого подхода к городским проектам развивается с начала 2000-х¹ и может быть скорректирована с учетом российских условий.

Согласно достаточно обтекаемой формулировке Совета глав государств СНГ, «миграция населения – перемещение физических лиц по разным причинам из одного государства в другое в целях постоянного или временного изменения места жительства»². Но, к примеру, Ю.П. Платонов заостряет понимание этого процесса, характеризуя его как «движение людей через границы тех или иных территорий с целью постоянного устройства, относительно длительного или краткого пребывания на новом месте жительства либо

¹ Grant J. Brand Innovation Manifesto: How to Build Brands, Redefine Markets and Defy Conventions. Ed. John Wiley&Sons, Ltd. 2006. 310 p.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 10 ноября 1997 г. «О Федеральной миграционной программе на 1998-2000 гг.» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 47. Ст. 5406.

приложения труда»¹. Если разделять такую трактовку, вопросы бесконфликтной и достаточно быстрой адаптации мигранта к новой территории и людям на ней встают сами собой. Практика подтверждает их наличие.

Как один из крупных городов России, Екатеринбург может принимать большое число мигрантов, однако, начиная с 2015 года, статистика показывает их сокращение. В 2016 году миграционный прирост по Свердловской и Курганской областям составил 326 человек, тогда как в 2014 году это были 1534 человека². При очень малом числе межэтнических конфликтов и общей толерантной установке большинства местных жителей в отношении мигрантов, одна из сложностей может заключаться именно в адаптации к городской среде. Большинство мигрантов, прибывающих в Екатеринбург, – выходцы либо из относительно небольших городов среднеазиатских государств, либо из сельской местности. Быстрый темп жизни, сложности навигации и межкультурного общения, наличие специфической уральской ментальности, новые социальные ситуации – все это требует от мигранта абсолютно новых знаний и умений, которым проще всего научиться у тех, кто уже прошел нелегкий процесс адаптации и имеет необходимый опыт.

Организация его накопления и передачи может быть делом специалистов. Точками приложения их усилий становятся районы и локации, в которых есть большое число мигрантов, в том числе рынки, торговые ряды, места приложения низкоквалифицированного труда.

Такого рода организация опыта адаптации мигрантов в городской среде Екатеринбурга стала темой студенческого проекта, разработанного весной 2017 года в ЕАСИ. Методологическую основу проектов составили идеи «города для пешеходов» (Дж. Джекобс), «креативного города» (Ч. Лэндри), брендинга территории в ходе культурных инициатив (К. Динни), культурных ценностей бренда (Дж. Грант), а также идеи «культуры участия»³, неоднократно апробированные автором данного текста в ходе музейных и городских проектов⁴.

В качестве площадки проекта студентка специальности «Технологии управления в сфере культуры» В. Кушнарченко выбрала торговый комплекс «Омега» в районе Уралмаш города Екатеринбурга, на котором работают ее родители. Это закрытое четырехэтажное здание общей площадью 8 тыс кв метров с посещаемостью 8000–12000 человек в день. Непреднамеренно совпадая с одним из проектов музея Queens в Нью-Йорке⁵, а также книгой Йошитака Кияма «Манга четырех иммигрантов»⁶, студентка предложила собрать работников-мигрантов и общими усилиями создать книжку-комикс, рассказывающую о наиболее типичных ситуациях в городе.

Книга Генри Йошитака Кияма публиковалась в одной из японских газет в виде 52 «эпизодов», каждый из которых занимает две страницы (Иллюстрация 1). Авторы ставили задачу показать проблемы иммиграции начала XX века через частные случаи. Формат сериализации позволил поддерживать интерес и в наглядной форме представить проблему. Однако случаи из своей жизни авторам подсказывали только четыре человека, что хорошо в качестве первого опыта, но недостаточно сегодня, особенно с учетом возможностей новых технологий передачи и фиксации информации.

¹ Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 8.

² Официальный сайт Свердловстата URL: <http://sverdl.gks.ru/> (дата обращения 14.04.2017).

³ Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия / Отв. ред. А. Щербакова. Сост. Н. Копелянская. М.: Творческая группа «Музейные решения», 2012. 176 с.

⁴ См.: Быстрова Т. Ю., Сусарова К. С. Опыт создания музейного проекта: уход от плоскостных материалов в музей 2.0. // Известия УрФУ. Серия 1. Образование. Наука. Культура. 2016. № 4. С. 156–162.

⁵ The Queens Museum Studio Programm. Официальный сайт музея Queens. URL: <http://www.queensmuseum.org/artist-opportunities-2>. (дата обращения 11.02.2018)

⁶ Kiyama H., Schodt F. L. The Four Immigrants Manga: A Japanese Experience in San Francisco, 1904–1924. Berkeley, Calif.: Stone Bridge Press, 1999. 152 p.

Фрагмент книги Kiyama H., Schodt F. L. *The Four Immigrants Manga: A Japanese Experience in San Francisco, 1904–1924*. Berkeley, Calif.: Stone Bridge Press, 1999. – 152 p.

Другим аналогом стал проект «I Juana Live In America»: Juana Medina («Я, Хуана, живу в Америке»: Хуана Медина), 2016 года, выполненный как авторский рассказ героини в виде рисунков и коротких текстовых фрагментов¹. Хуана Медина приехала в США около 10 лет назад, работала адвокатом, но даже после этого ей отказали в визе. Она обращается к гражданам Америки в поисках справедливости. Формат этого комикса доступен, демократичен, нагляден и позволяет показать включенность вопросов иммиграции в контекст политических и социальных проблем, но оставляет за пределами вопросы общения, культуры, человеческих состояний. История очень индивидуальна, в нее не вплетена возможность других людей быть задействованными; в ней мало места для интерактивности.

Анализ этих и ряда других материалов помогает уточнить детали проекта, стартовой площадкой которого выступает рынок. Студентка предложила название-девиз «Сәлем!», которое могут хорошо считать выходцы из разных государств центрально-азиатского региона.

Для определения «болевых» тематических точек будущего графического продукта и с целью вовлечения в сообщество было проведено полуструктурированное интервью с семью представителями различных национальностей и возрастов, живущими в Екатеринбурге менее одного года. Интервью содержало: Общий справочный блок: как Вы оказались в России? когда начали работать в «Омеге»? каковы ваши первые впечатления?; Блок, посвященный конкретным ситуативным трудностям в областях продовольствия, здравоохранения и т. п.: вы или ваш ребенок заболели. Куда вы обратитесь?; Итоговый блок: ваш знакомый из родной страны приехал на заработки в Екатеринбург. Какие наставления Вы ему дадите? О чём скажите или предупредите?

Все опрошенные указывают на то, что причина их миграции – это необходимость в более высоком заработке, чем в своей родной стране. Основные трудности связаны со здравоохранением, получением медицинской помощи. В плане бытовых процессов опрошенные отмечают, что они быстро учатся опытным путём. Опрошенные дали понять, что у них возникают сложности в социальной адаптации, в частности, их смущают стереотипные суждения об общем образе центрально-азиатского мигранта. Они готовы к взаимодействию с другими мигрантами, на вопрос о наставлениях или рекомендациях от себя своим соотечественникам отвечают бодро и активно. При этом им очень импонирует возникновение ситуации, подтверждающей их значимость и опыт. Когда беседа зашла об участии в проекте с

¹ Medina H. A decade in immigration purgatory: My struggle to become an American citizen // Splinter. 2016. 24.03. URL: <http://fusion.net/a-decade-in-immigration-purgatory-my-struggle-to-becom-1793855801> (дата обращения 14.02.2018).

рисунками и рекомендациями, прозвучали положительные отклики – участвовать в проекте готовы, также как и помочь в дальнейшем.

Так, представитель Республики Узбекистан, 37 лет, отвечает: «Я никогда раньше особо не задумывался над тем, как я себя чувствую в Екатеринбурге. Как я попал сюда? Просто однажды пришло осознание – пора менять свою жизнь. Дома у меня там семья. И для их будущего я отправился сюда. Говорили, что здесь можно быстро и легально заработать таким, как я. Позвали друзья, что здесь также устроились. И по опыту могу сказать, что всегда приятно получать личные советы. Они наполнены теплотой и заботой. Ты не один. Есть люди, которые проходили через тоже самое. Поэтому идея с путеводителем мне очень нравится».

Женщина, 40 лет, из Республики Казахстан: «Я не смогла найти себе места на родной земле. Потеряла семью пять лет назад. Тогда и решила на миграцию. Дома осталась лишь моя мама. Она не хотела уезжать. А здесь у меня племянница живёт. Но она самостоятельная: когда ей возиться со мной. Поэтому я сама по себе. Пытаюсь освоиться. И маме отсылаю все заработанное. Мне не хватает такого: чтобы кто-то помог, поделился опытом. Это было бы очень важно».

Молодой человек, 28 лет, Республика Кыргызстан: «Если бы у меня был такой путеводитель, может быть, я бы избежал многих ошибок. А так из пяти лет, что я здесь, четыре года были потрачены на бесконечное скитание и сомнения. Я никогда не чувствовал себя настолько лишним. Был бы рад помочь кому-то избежать этого чувства».

Женщина, 37 лет, Республика Таджикистан: «Мой муж серьёзно болен. А дети ещё маленькие. Моя мама осталась с ними, а мне пришлось взять старшего с собой и приехать сюда на заработок. Для начала мы хотим собрать сумму на операцию моему мужу. Я привыкла брать на себя многое. Но мой сын сейчас потерян. Он не знает простых вещей: куда ему можно сходить, где найти друзей. И я думаю, что такие рекомендации могли бы облегчить ему жизнь».

Девушка, 28 лет, Республика Узбекистан: «Если честно, у меня был такой опыт. Правда это чисто наша инициатива среди друзей была. Мы создали общую беседу в социальной сети и просто обменивались своим опытом по тому или иному вопросу. Здорово, если будет такая практика в виде книги».

Возможность и необходимость рисовать самим людей не пугает, хотя ее пришлось разъяснять дополнительно. Далее предполагалось: 1. Путем интервьюирования собрать текстовой материал для книги; 2. Согласовать с участниками основные моменты: что можно использовать, а что лучше убрать; 3. Устроить полевой эксперимент: попросить дать почитать текстовый вариант своим знакомым-мигрантам; 4. Организовать встречу с горожанами Екатеринбурга-гражданами РФ. Включить их в общий процесс; 5. Разработать черновой вариант путеводителя и апробировать его.

Однако интервьюируемые высказались за рисование комикса своими силами. Это означает, что в ходе проекта появилась необходимость привлечения профессионального дизайнера или художника, способного организовать и скоординировать творческую деятельность участников. В текущем году подготовительные материалы проекта переданы магистрантам-дизайнерам одного из вузов Екатеринбурга с целью вовлечения в команду нескольких студентов в период летней практики.

Заключение. В статье показана возможность организации и проведения партисипационных проектов, направленных на помощь мигрантам в крупном городе, с привлечением различных категорий горожан. Приведены данные по оценке мигрантами своего состояния и возможностей включения в проект. Наибольшие сложности вызывает необходимость присутствия в проекте профессиональных специалистов, поскольку институт волонтерства в России еще не развит в полной мере.

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ В ГОРОДСКОЙ ТОПОНИМИКЕ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА)¹

К.В. Демьянов
Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского
acdemyanovc@gmail.com

Аннотация. В работе представлен срез советской топонимической мемориализации имен героев Октябрьской революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны на картографических материалах Новосибирска. В основе исследования лежит предложенная А.В. Дахиным модель «loci-совокупность», неизменной составляющей которой является топонимический язык города. Делается вывод о значении практики мемориализации в топонимике, о способности топонимики к выражению сущностных характеристик города.

Ключевые слова: топонимика, мемориализация, loci-совокупность, культурное пространство, картографические источники, Новосибирск

MEMORIALIZATION IN THE CITY TOPONYMY (ON THE EXAMPLE OF NOBOSIBIRSK)²

Kiril V. Demyanov
Omsk State University. F.M. Dostoevsky
acdemyanovc@gmail.com

Abstract. The article is devoted the practice of commemoration of Russian Revolution, Civil War, The Great Patriotic War heroes names in toponymy of Novosibirsk. The study is based on model "loci-complex" by A.V. Dakhin, that included the toponymic language of the city. The author is concluded about meanings of commemoration practices in toponymy, about ability of toponymy to demonstration of city's characteristics.

Key words: toponymy, commemoration, loci-complex, culture space, cartographic source, Novosibirsk.

Предлагаемая статья является частью начального этапа работы над коллективного проектом под названием «Трансформация локальных культурных пространств: от символики советской эпохи к современным образам и символам памяти о прошлом». Термин «локальное культурное пространство» интерпретируется как совокупность культурных символов и образов, образующих своеобразное «пространство» на основе их взаимосвязи между собой. При этом «культурное пространство» имеет и реальное географическое воплощение, которое наиболее ярко проявляется в таком сложно организованном и многослойном пространстве как город.

Предложенная нижегородским исследователем А.В. Дахиным категория «loci-совокупность» (иной вариант прочтения термина «культурное пространство») будет использована в данной работе в качестве основного исследовательского инструмента³. Под «loci-совокупностью», вслед за Дахиным, мы понимаем условное обозначение особых, известных горожанам «мест» (loci), которые складываются в результате повседневных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00329

² The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 18-09-00329

³ Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. № 19. 2011. С. 164-172.

практик. В каждом городе есть свои особые «места», обозначения, которые совершенно могут ничего не говорить человеку стороннему. Это может быть связано с именованим отдельных частей города, каких-либо зданий, прочих объектов.

В свою очередь «loci-совокупность» состоит из материального тела города (архитектура, памятники, ландшафт), его топонимического языка и образов его истории в виде локальных мифов и легенд. Остановимся на анализе лишь одной из этих составляющих – городской топонимики. Названия улиц – это воплощение культурных символов в городском пространстве, отражение ценностей общества в географическом и лингвистическом срезе. Именования сами по себе являются «образами», которые наполняют культурное пространство города и образуют то самое особое «место» (loci).

Такие качественные характеристики как площадь освоенной территории, количество населения, состояние путей сообщения составляют «мощность» города¹. Новосибирск, один из крупнейших городов России, является доминирующим в этом отношении в Сибирском регионе. Основанный лишь в 1893 г., своим бурным ростом он всецело обязан Великому Сибирскому железнодорожному пути. Достаточно крупный по дореволюционным сибирским меркам торговый и промышленный центр, новый толчок в развитии город получил в 1920-е гг. В 1921 г. Новониколаевск становится центром вновь образованной Новониколаевской губернии и административным центром Сибири – здесь сосредоточиваются главные учреждения советской власти в Сибири (Сибревком, Сиббюро РКП (б)). В дальнейшем Новониколаевск (Новосибирск с 1926 г.) стал центром Сибирского края. Эти обстоятельства придали сибирскому городу своеобразную «столичность» – Новосибирск по-прежнему является как административным, так и экономическим центром Сибирского региона. Вполне естественным представляется то, что в таком крупном городе сосуществует множество локальных самостоятельных пространств, которые во взаимосвязи между собой и образуют символическое воплощение качеств Новосибирска. Детальный анализ городской топонимии даст возможность приблизиться к выявлению этих пространств (или же «мест»), а также позволит выделить различные смысловые составляющие языка города.

Советская внутригородская топонимика имеет свою специфику. Будучи объектом тщательного конструирования «правильных» образов со стороны власти, она всецело являлась воплощением государственной идеологии на практике. Наиболее характерная её черта – ярко выраженная тенденция к мемориализации. Сохранение памяти о героях Революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны, наряду с фиксацией абстрактных символов, ассоциированных с этими событиями, нашло заметное отражение во внутригородской топонимике советского периода. Новосибирск, как и любой другой крупный советский город-центр, также наполнен подобным топонимическим содержанием.

Любой тип поселения обладает топонимической системой, размах и многосложность которой зависит, прежде всего, от его собственных размеров. Эта топонимическая система выстраивается на основе господствующих представлений и ценностей, выполняет как утилитарные, так и идеологические функции. По сути, она и является тем самым набором культурных символов, воплощенным на практике. Система с различной периодичностью претерпевает трансформации разной степени значимости и масштабности, что вызвано всегда комплексом внутренних и внешних причин. К внутренним причинам относятся потребности самого города – расширение границ, изменение застройки, планировки и прочее. Основная внешняя причина – изменение политической конъюнктуры. Каждая такая система наполнена символами, характерными для того общества, которая её и создает. При этом можно выделить определенные рамки существования таких систем, дать им обозначение как «сложившихся».

Для рассмотрения топонимической системы, сложившейся в советскую эпоху, как целого, наиболее продуктивным будет обращение к источникам, которые относятся к первому

¹ Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. С. 151.

времени после 1991 г. Этому критерию отвечает атлас «Новосибирск. 100»¹, изданный к столетию Новосибирска. Атлас состоит из подробных карт исторической динамики развития города (наличествуют карты 1906, 1915, 1925, 1935, 1955, 1975 гг.), городских районов и общей карты города. Все данные о наименовании улиц, сведения о предприятиях приведены на январь 1992 г., т.е. на самое первое время после конца советской эпохи. Для нас это является значимым фактором – топонимическая система одновременно остается советской, поскольку не успела претерпеть изменений, но уже окончательно «законсервирована» и может быть подвергнута детальному анализу. Атлас 1993 г. предоставляет возможность рассмотреть зафиксированный вариант советской топонимики.

В советское время практика мемориализации становится весьма распространенной, а также превращается в один из основных механизмов изменений во внутригородской топонимике. Политика памяти превращается в инструмент государственной политики. Окончательное официальное оформление она получит с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г. «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям»². Этот документ установил норму, согласно которой населенным пунктам и иным географическим объектам, а также учреждениям не должны присваиваться имена деятелей при их жизни. Хотя вопрос об улицах не был оговорен, эта практика, как правило, соблюдалась и в отношении внутригородской топонимии. Таким образом, была узаконена практика мемориализации, которая пришла на смену беспорядочному и хаотичному присвоению имен и выстраиванию культов партийных деятелей 1920-х – 1930-х гг.

Основным сюжетом мемориализации становится присвоение внутригородским объектам имен героев Октябрьской революции, Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Эти события являются краеугольным камнем советской исторической памяти. Также они дают весьма большое количество символических образов, которые и будут воплощаться в советской культуре, и в практике мемориализации в частности.

На уровне внутригородской топонимии, это символическое наполнение имеет два уровня воплощения. Первый уровень отражает те имена героев и образы, которые связаны с общегосударственной (всесоюзной) памятью. Второй уровень содержит в себе воплощение локальных ценностей конкретного общественного пространства – имена выходцев из данного населенного пункта или местности. Коллективная идентичность, к слову, является базовой структурой «loci-совокупности»³. Именно на её основе и возникают особые «места» памяти, с присущим им символическим наполнением.

Другим важным критерием выделения направления мемориализации является дихотомия «имена героев – абстрактные символы». Условно выделяемые «абстрактные символы» включают в себя мемориализацию понятий, несвязанных напрямую с конкретными личностями, а апеллирующие к историческим событиям, организациям и т.п. Примером таких «абстрактных символов» могут послужить улицы Коммунистическая, Октябрьская, Интернациональная и другие.

Топонимическая система Новосибирска, крупного города-центра, содержит в себе все указанные характеристики символического наполнения. Тематика Революции и Гражданской войны является для города очень значимой, ведь именно благодаря этим событиям Новосибирск возвысился и приобрел свое качество «столичности». Набор всесоюзных ценностей в новосибирской топонимике довольно стандартен: улицы Щорса, Урицкого,

¹ Новосибирск: Историко-географический атлас / Разраб. ред. коллективом Новосибирской картогр. Ф-ки; Автор текста Х.Х. Мелеск. М.: Роскартография, 1993. 119 с.

² Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям (Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 сентября 1957 г.) // Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М., 2011. С. 175.

³ Дахин А.В. Город как место памятования // Аналитика культурологии. №19. 2011. С. 167.

Чапаева, Пархоменко, Котовского, Блюхера, Фрунзе, Олеко Дундича и другие. При этом стоит отметить, что в Новосибирской топонимике весьма большой удельный вес именно абстрактных символов, в отличие от того же Омска, который переполнен антропонимами¹. Главные примеры – это такие улицы как Революции, Октябрьская, Коммунистическая, Советская, Спартак (универсальный революционный символ), проспект Героев Революции. Очень характерны и показательны для Новосибирска топонимы, связанные с Гражданской войной – улицы Сибревкома и Волочаевская. И конечно, главный символ Новосибирска – Красный проспект, прямое воплощение советского культурного кода.

При этом стоит отметить и локальную составляющую этой части исторической памяти Новосибирска. Та же улица Сибревкома – яркий пример формирования локальной идентичности, с намеком на «столичность». Ведь именно переезд Сибревкома и других губернских структур в Новониколаевск сделал его центром Советской Сибири².

Своеобразной доминантой Заельцовского района Новосибирска стала улица Дуси Ковальчук, знаменитой участницы большевистского подполья в Новониколаевске, организатора борьбы в дни декабрьского (1918) и февральского (1919) восстаний в Омске. Имя Дуси Ковальчук было возведено в качестве главного символа большевистского сопротивления, героизма и советской власти в Новосибирске. Гораздо позднее в городе появились улицы, названные в честь других членов большевистского подполья: Серебренниковская, Горбаня и Петухова.

Главные топонимические символы, связанные с установлением советской власти, находятся в Центральном и Железнодорожном районах – историческом ядре Новосибирска. Помимо уже упомянутых улиц Фрунзе, Спартак, Октябрьской, Советской, Коммунистической, Революции, Сибревкома, этот тематический топонимический комплекс включает в себя такие топонимы как улица 1905 года, Комсомольский проспект, такие примеры культовой топонимики как проспект Димитрова, улицы Ленина и Свердлова.

Мемориализация событий Великой Отечественной войны в топонимике Новосибирска имеет куда меньший размах по сравнению с событиями, связанных с установлением советской власти. Эти топонимы также представлены на двух символических уровнях – условно всесоюзном и локальном. К первому относятся улицы Черняховского, Доватора, Толбухина Григоздобовой, Костычева, Ватутина. Локальный уровень исторической памяти представлен героями-участниками Великой Отечественной войны, являющихся новосибирцами, или чья судьба была связана с городом – улицы Ивачева, Ольги Жилиной, Бориса Богаткова, Гаранина, Долидовича, Плахотного. Также имеют место быть и абстрактные символы памяти – улица Сибиряков-Гвардейцев (одновременно пример локальной памяти) и улица Панфиловцев.

Топонимическая система Новосибирска является символическим воплощением качественных характеристик города – его «столичности» и «мощности». Это отражается, в том числе, и в практике мемориализации значимых исторических событий советской эпохи – определяющего времени в истории Новосибирска. Безусловно, коммеморативная практика не является единственной составляющей топонимического языка. Однако её удельный вес, как в отношении количественном, так и по своей идеологической нагрузке, велик в тех топонимических системах, которые сформировались в советское время. Мемориализация сформировала новые символы, символы советской эпохи, которые заполнили культурное пространство города. В свою очередь, культурное пространство – это результат синтеза множества культурных кодов, среди которых, как мы заметили, ярко выделяются собственные, уникальные, связанные с локальной идентичностью. Топонимический язык

¹ Алисов Д.А. Топонимия Омска: проблемы формирования и развития // Проблемы культуры городов России: Материалы Второго всероссийского научно-практического семинара. – Омск: Сибирский филиал Российского института культурологии, 1996. Часть 1. С. 151-152.

² История городов. Новосибирск // Новосибирский Краеведческий портал. По URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/1888>. – Дата обращения: 08.03.18.

Новосибирска несет в себе эту информацию, является хранителем его исторической памяти и воспроизводит его на повседневном уровне.

Следующий этап наших исследований будет посвящён изучению топонимики Новосибирска в постсоветский период с использованием современного картографического материала.

«ГОРОДА-ПРИЗРАКИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ ПРИЗНАК МИРОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

А.В. Черноножкин
Омский государственный
университет имени Ф.М. Достоевского
chernozkinaleksandr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие «городов-призраков», выясняются причины их появления в мировой повседневности в аспекте глобальных проблем современности. Параллельно с этим выдвигается предположение о возможности сохранения «городов-призраков» для примера устранения недостатков глобализации и развития новой мировой системы.

Ключевые слова: глобализация, «города-призраки», причины появления «городов-призраков», место «городов-призраков» в мировой повседневности.

«GHOST TOWNS» IN THE MODERN WORLD: A GLOBAL PROBLEM OR A SIGN OF GLOBAL STABILITY

Alexander V. Chernonozhkin
Omsk State University name F.M. Dostoevsky
chernozkinaleksandr@mail.ru

Abstract. The article deals with the concept of "ghost towns", the reasons for their appearance in the world's everyday life in the aspect of global problems of the present are clarified. Parallel to this, the assumption is made of the possibility of preserving "ghost cities" as an example of eliminating the shortcomings of globalization and the development of a new world system.

Key words: globalization, "ghost towns", the reasons for the emergence of "ghost cities", the place of "ghost cities" in the world safe.

Целью данной статьи является выделение групп причин появления «городов-призраков». Задачей данной статьи определение их значения для мировой повседневности.

Глядя на современный мир, мы наблюдаем день ото дня множество изменений в его развитии и с огромной надеждой смотрим на его будущее. Изменения в мире, порой, происходят настолько стремительно, что мы не успеваем их замечать, а зачастую изменения оборачиваются в худшую сторону для мирового развития. Примером таких изменений в последние двадцать лет стали глобальные проблемы современности.

Общеизвестно, какие именно за этим словосочетанием стоят проблемы: угроза термоядерной войны, голод, радиационное загрязнение окружающей среды, проблема севера-юга и т.д. Основная часть этих проблем внесена в Устав ООН и охраняется международным правом. Однако, из этих проблем вытекает другая, проблема спада населения.

Безусловно, глобальные проблемы влияют на существование городов и наличие в них жителей. Под влиянием роста городов люди покидают сёла, деревни и уезжают с постоянного места проживания. Но на этом очень часто их путь не заканчивается. Города, в которые переселяются люди, оказываются «маловместимыми». Население городов перемещается в центры государств, а города остаются и продолжают существовать на задворках цивилизации. Так продолжается некоторое время, а после города исчезают с поля жизни мира, становясь мёртвыми городами или, как их называют, «городами-призраками».

Городами-призраками принято считать категорию географических объектов, покинутых людьми. В отличие от исчезнувших городов, ставших археологическими памятниками, такие «населённые» пункты сохраняют свой архитектурный облик, близкий ко времени, когда город был оставлен людьми.

Хронологический диапазон описания городов-призраков охватывает весь XX век. Основная хронология, при этом, сосредоточена на второй половине столетия. Именно в послевоенный период начался массовый отток населения из городов, вызванный разными причинами. В этом аспекте проблемы переселения людей из городов и образование городов-призраков распадаются на несколько групп.

Первая группа – экономические причины. В этой группе определены города, люди из которых выехали, в основном, из-за падения рабочих мест и нехватки качества жизни населения. В орбиту рассмотрения можно вывести несколько городов: Хальмер-Ю, Детройт, Юбилейный и несколько других, более мелких городов. Основные материалы архивов, посвящённые истории этих городов, оказываются настоящим «окном» в историю и практику их освоения как примера отрицания необходимости их сохранения.

Здесь, разумеется, можно выделить два наиболее значимых бывших города, являвшихся некоторое время назад крупными экономическими центрами. Первый – это Хальмер-Ю, бывший центр добычи угля в республике Коми. Упразднён в 1996 году по причине финансового кризиса и невыгодности содержания. Вторым не менее известным городом-призраком с недавнего времени стали определять Детройт, автомобильный и промышленный центр штата Мичиган США. В результате ряда изменений в экономической ситуации он был признан банкротом, а население с 2008 года постепенно вышло за рамки 10% жизни. Безусловно, эти оба случая схожи по своей составляющей, которая состоит в неумелом использовании экономических ресурсов.

Вторая группа – социальные причины. В этом случае мы можем рассмотреть отдельные составляющие особенности нескольких городов, которые были оставлены в разное время по причинам, связанным, в основном, с добровольным нежеланием людей жить в том или ином месте. К таким объектам можно отнести: Сан Жи (Чи), Коулун, Амдерма и другие города.

Безусловно, особое значение нужно уделить Сан Жи (Чи) и городу Коулун. Сан Жи (Чи) – город, расположенный на острове Тайвань и являвшийся в 1980-е годы крупным курортом острова. Однако, ещё при строительстве домов произошёл ряд несчастных случаев. Это вызвало панику среди жителей. Некоторые из них посчитали, что город проклят. Такие мнения послужили отправной точкой для отъезда всего населения города, а также отдыхающих. И стоит город, разрушаясь. По последним данным, в котором времени власти решат вопрос о его демонтаже. Другим городом с подобной историей стал Коулун. Город был расположен в КНР в 1994 году. Из-за нехватки места на проживание был демонтирован, а люди разъехались по другим городам. Из этих случаев можно убедиться в том, что, порой, люди сами могут создать проблему мёртвых городов.

Третья группа – политические причины. Наверное, самая распространённая группа причин, которые очень часто можно спутать с другими группами. Однако особенностью этой группы является то, что она реализуется мирным путём. Чаще всего это происходит по инициативе властей, готовых изменить политический курс в другом направлении. На этом пути встают отдельные города, которые становятся невыгодно политически содержать. Примеров таким городам достаточно. Особого внимания заслуживают два из них: Мёртвая дорога и Чаган (Семипалатинск-4).

Первый город-дорога расположен в направлении Салехард-Игарка и был одним из транспортных центров в 1948-1954 году. Кроме того, город являлся частью ГУЛАГа и имел огромное промышленное значение для СССР, несмотря на использование труда политических заключённых. После смерти Сталина проект постепенно свернули, хотя его можно было оставить в качестве независимой транспортной железнодорожной магистрали.

Вторым бывшим населённым пунктом можно рассмотреть Чаган (Семипалатинск-4). Город был более известен в Казахской ССР под последним названием. В 1960-1990-е годы город имел важное стратегическое значение, население достигало 10-11 тыс. человек. В 1980-е годы с аэродрома, расположенного вблизи города взлетали стратегические бомбардировщики, имевшие за собой важные цели по военной операции в Афганистане. В 1995 году воинские части ушли из города. Вместе с этим город покинуло население, после чего он исчез как населённый пункт. Оба случая доказывают частую необдуманность решений по несвоевременному политическому вмешательству в жизнь городов и их скорую гибель.

Четвёртая группа – военные причины. Пожалуй, не менее важная причина исчезновения городов, чем экологическая. Однако, её можно обозначить как вторую по значимости, поскольку война играет немаловажную роль в решении людей покинуть город, находящийся в зоне боевых действий. Безусловно, таких городов очень много: Агдам, Вароша и другие населённые пункты, ставшие частью войны.

Город Агдам расположен в зоне деэскалации конфликта в НКР. На момент начала войны между Азербайджаном и Арменией за контроль над территорией Нагорного Карабаха Агдам был процветающим центром виноделия и обеспечения достойного уровня жизни населения Армении. В результате конфликта город подвергся массированному обстрелу со стороны армии Азербайджана. В 1988-1989 году за город велись бои. Население, к тому времени, уже покинуло город. В 1992 году было принято решение об определении линии разграничения между воюющими сторонами, которая прошла именно по Агдаму. С тех пор он стоит как память о прошлом и о возможном светлом будущем.

Другим примером военного вмешательства власти и разрушения населённого пункта стал небольшой посёлок Широкино, расположенный недалеко от Азовского моря на юге территории, подконтрольной правительству ДНР. До войны 2014 года это был процветающий посёлок Донбасса, в котором проживало 1411 человек. В результате начала войны и последующей деэскалации конфликта с нарушением договорённостей ВСУ людей эвакуировали из зоны боевых действий. С 2015 года посёлок был объявлен демилитаризованной зоной без возможности проживания. Все города, попадающие в зону боевых действий, остаются примером ужасов войны и памятью в будущую надежду на их восстановление.

Пятая группа – экологические причины. В эту группу входят города, оставленные людьми в результате экологической катастрофы или природного бедствия. Эта самая многочисленная группа, в которую входят известные многим города-призраки: Припять, Чернобыль-2, Острогляды и другие. Из перечисленных городов можно рассмотреть Чернобыль-2 и Острогляды. Чернобыль-2 расположен недалеко от непосредственного Чернобыля. Долгое время нахождение этого объекта было тайной, поскольку он представлял собой ЗГРС, предназначенный для запуска межконтинентальных баллистических ракет. Объект просуществовал год, а в 1986 году был выведен из эксплуатации. Все военные и население покинули город. Острогляды – районный посёлок Гомельской области Белоруссии, расположен недалеко от ЧАЭС. До аварии в нём проживало больше тысячи человек. В результате аварии на ЧАЭС население было эвакуировано. Так случилось со многими другими городами, которые стали жертвами экологии.

Шестая небольшая группа – культурные причины. Эти причины являются особыми в определении становления городов-призраков как культурной составляющей человеческого самосознания и бытия. К таким городам можно отнести некоторые объекты: Колманскоп и Заброшенные терема.

Колманскоп расположен недалеко от побережья Гибралтарского пролива в глубине африканского континента. В начале XX века на месте его расположения были открыты залежи алмазов. Началась «алмазная лихорадка». На этом основании и был основан город, который, по мнению правительства Великобритании, должен был стать центром алмазной промышленности. Однако, через два десятилетия запас алмазов постепенно исчерпался,

население стало уезжать из города, постепенно город пришёл в запустение. Все культурные предпочтения людей так и не были удовлетворены.

Немаловажным примером этой группы отмечаются и Зброшенные терема. Город, небольшой по размеру, расположен в Костромской области, в 55 километрах от Костромы. В определённое время, до распада СССР, это был крупный культурный центр России. После распада СССР город лишился государственной культурной защиты и перешёл в частное пользование. С тех пор он пришёл в запустение и представляет собой страшную картину отрицательной стороны культуры России. Безусловно, эти и многие другие аспекты культурной причины показывают одно – культура не должна смешиваться с человеческими потребностями в богатстве в ущерб таким городам.

Седьмая группа – мифологические причины. Наиболее загадочная группа городов-призраков. О городах-призраках мифологического происхождения созданы многие легенды, эпические придания. Но доказать или опровергнуть их существование невозможно. До нас дошли сведения о двух из них: Венетте и Китеж Граде. Винетта расположена на побережье Норвежского моря. По приданиям, раз в век она поднимается со дна моря и стоит один час на берегу до тех пор, пока идёт торг товаром, если кто возьмёт вещь из города, то стоять ему ещё век на этом месте. Это лишь придание, а реальных фактов существования города так и не найдено. Китеж Град, по легенде, находится под озером Светлояр Нижегородской области. Когда-то город был процветающим центром и активно торговал с соседними княжествами. В 1237 году к воротам города подошли орды Батыя. Не обнаружив укреплений, хан приказал взять город в осаду. На глазах захватчиков город стало заливать водой, а после он погрузился на дно озера. По легенде, откроется этот город тому, кто чист помыслами и душой, не имеет за собой какого-либо греха. Оба примера подтверждают целесообразность дальнейших исследований в области реальности существования этих городов.

Описание этих групп городов-призраков позволяет составить нам примерную целостную картину их расположения по всей Земле. На основе изученного материала можно сделать вывод о том, что проблема городов-призраков существует. Вместе с этим остаются возможности для её предотвращения в том аспекте, в котором она сохраняется на сегодняшний день. Выход здесь простой – определение правильного курса демографической политики. Именно правильно выбранный курс поможет решить проблему расселения людей и сохранению городов живыми городами. Этому, также, должны способствовать и международные конвенции о неприменении силы или угрозы силой. Если все эти меры реализовать, то количество городов-призраков если не исчезнет, то сократится в разы.

СУБЪЕКТЫ ГОРОДСКОГО КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И.Я. Мурзина
Институт образовательных стратегий;
Миссионерский институт
ekb-ural@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли отдельных субъектов в развитии городского культурно-образовательного пространства. На примере Екатеринбурга автор рассматривает культурно-образовательное пространство как сложно организованную целостность, в которой ключевыми компонентами выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе, определяющие идентичность жителей и их образ жизни. На основе проведенных автором экспертных интервью и фокус-групп делается вывод о целях, которые ставят перед собой субъекты городского культурно-образовательного пространства, и перспективах их взаимодействия.

Ключевые слова: городское культурно-образовательное пространство, субъект, Уральский регион, Екатеринбург, профессиональные, этнокультурные, конфессиональные сообщества, региональная идентичность.

THE SUBJECTS OF CITIES CULTURAL-EDUCATIONAL SPACE: CURRENT REALITIES AND PROSPECTS FOR COOPERATION

Irina Y. Murzina
Educational Strategies Institute;
Missionary Institute
ekb-ural@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of individual subjects in the development of urban cultural and educational space. On the example of Yekaterinburg, the author considers the cultural and educational space as a complex organized integrity, in which the key components are the spheres of culture and education, actualizing and transmitting the meanings created in the process of human activity in the region, determining the identity of residents and their way of life. On the basis of expert interviews conducted by the author and focus groups, the conclusion is drawn about the goals set by the subjects of the urban cultural and educational space, and the prospects of their interaction.

Key words: urban cultural and educational space, subject, Ural region, Yekaterinburg, professional, ethno-cultural, confessional communities, regional identity.

Анализ постоянно расширяющегося поля исследований, посвященных особенностям развития российских регионов, позволяет выявить несколько направлений: рассмотрение региона как географически закреплённой зоны, как системы хозяйственно-экономических связей, как места исторических событий, как особого пространства, в котором разворачивается социально-культурная деятельность. Регион можно рассматривать как территориальное образование, внутреннее пространство которого организует региональная культура. Центром региона выступает мегаполис, аккумулирующий и транслирующий ценности и образцы социального поведения.

Важнейшим условием, определяющим облик региональной культуры, является формирующаяся здесь специфика социальных отношений и связей, включающая особенности социальной структуры, социального статуса личности, системы и формы коммуникации, иными словами – многомерное социальное пространство, представляющее собой особый тип ментального, интеллектуально промысленного пространства, в котором проявляется характер социальных процессов и явлений.

Социальное пространство региона в целом и его центра, в частности, можно представить как единство различных сфер: экономики, политики, образования, здравоохранения, социальной защиты и пр., для которых существенно значимым становится субъект действия («агент», по П. Бурдые)¹. Он вступает во множественные социальные взаимодействия, его творчески-преобразующая деятельность определяет характер функционирования социального пространства, которое, по сути, является социокультурным (если следовать традиции рассмотрения «образа общества» как продукта культуры, обусловленного ее системой ценностей).

Таким образом, городское пространство мы можем рассматривать как взаимообусловленное единство социального действия и его ценностной основы. Артефакты или социальные связи, микросообщества или способы ведения хозяйства – все может быть интерпретировано как компоненты социокультурного пространства. В социокультурном пространстве происходит институализация специализированных форм культуры через формирование системы регулятивов (норм, правил, ценностей), функционирование учреждений, создающих, сохраняющих и транслирующих ценности, возникновение и становление специфических взаимоотношений между людьми по поводу этих ценностей.

Уникальный облик региона, существующие хозяйственно-экономические связи, тип личности, ценностные ориентации, обуславливающие региональную идентичность россиянина, – все это можно рассматривать как факторы социально-экономического развития территории. Если представить пространство региона в виде системы координат, в которой разворачивается человеческая деятельность, то ее «вертикаль» будут смыслы культуры (мировоззренческие, нравственные, религиозные, эстетические), «горизонталь» – географическое пространство, в котором они пребывают, «результатирующей» – социальные общности.

Частным случаем социокультурного пространства региона можно назвать культурно-образовательное пространство мегаполиса. Под *культурно-образовательным пространством* мы понимаем сложно организованную целостность, в которой ключевыми компонентами выступают сферы культуры и образования, актуализирующие и транслирующие смыслы, созданные в процессе человеческой деятельности в регионе, определяющие идентичность жителей и их образ жизни.

Несмотря на широкий спектр исследований, посвященных связям и взаимообусловленности сфер культуры и образования (рассмотрение проблем образования в контексте культуры², осмысление путей модернизации в сфере образования и культуры³, анализ феномена культурно-образовательного пространства и описание его характерных

¹ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. Сборник статей / Сост., общ. редакция перевода и послесловие Н. А. Шматко. – М., 2005. URL: Центр гуманитарных технологий. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3707/3708> (дата обращения 30.03.2018)

² Архипова О.Е. Идея образования в контексте постнеклассической культуры. Дисс... д-ра филос. наук. СПб., 2011; Виндт И.Е. Образование как феномен культуры: эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003; Жуков В.И. Российское образование: проблемы и перспективы развития. М.: Союз, 1998; Краевский В.В. Образование в условиях формирования нового типа культуры: Материалы круглого стола. СПб.: СПбГУП, 2003; Cole M. Культура в контексте междисциплинарных научных исследований в области образования // Вопросы образования. 2011. №3. С.138-164.

³ Бенин В.Л. Место образования в модернизационных процессах // Социология образования. 2013. № 7. С. 58-66; Запесоцкий А.С. Возможна ли модернизация России в условиях кризиса социально-культурной сферы // Экономические стратегии. 2012. № 1. С. 18-23.

свойств¹), недостаточно изучены факторы, обуславливающие единство культурно-образовательного пространства, в то время, как такой анализ позволил бы выработать стратегические направления модернизации обеих социальных сред.

Среди факторов, обуславливающих единство культурно-образовательного пространства, можно выделить следующие: географические (общность территории), исторические (логика исторического развития), этнокультурные (единство этнической истории и этническая идентичность), религиозные (конфессиональная принадлежность жителей), социально-экономические (обусловленные характером хозяйственной деятельности), политические (направления образовательной, культурной и социальной политики государственных органов). Ключевыми, или интегрирующими факторами выступают социокультурные – установки, жизненные ценности и традиции общества, определяющие характер социальной активности и способы самоактуализации человека. Обеспечение единства зависит от непротиворечивости (или – взаимоучета) направлений действий субъектов культурно-образовательного пространства.

Можно говорить о двух типах субъектов в городском пространстве – индивидуальных и коллективных, отличительными особенностями деятельности которых являются характер социального действия и направленность на достижение определенного результата. В культурно-образовательном пространстве города субъекты ведут свою деятельность в специализированных сферах образования и культуры, принадлежат профессиональным сообществам, конфессиональным и этнокультурным группам.

Субъектами культурно-образовательного пространства выступают различные *профессиональные сообщества*, ставящие своей целью самоактуализацию личности в творческой деятельности. Профессиональная деятельность в сфере образования и культуры направлена не столько на передачу информации, сколько на преобразование социально-культурной среды, включая активное воздействие на обучающихся в образовательных учреждениях всех уровней, на читателей, слушателей, зрителей через создание и распространение ценностей и образцов культуры.

Мы провели ряд экспертных интервью и фокус-групп с представителями профессиональных сообществ (всего в опросе приняли участие 100 человек, исследование проводилось в период с ноября 2012 по апрель 2013 года в г. Екатеринбурге; представителями системы образования выступили педагоги-гуманитарии; преподаватели гуманитарных кафедр вузов, представители органов управления образованием; представители сферы культуры: сотрудники музеев, педагоги школ искусств, сотрудники библиотек, представители органов управления культурой). Вопросы, заданные респондентам, можно условно разделить на две группы: вопросы, касающиеся собственной деятельности в культурно-образовательном поле; вопросы, касающиеся представлений о единстве культурно-образовательного пространства.

Отвечая на вопросы о собственной деятельности в культурно-образовательном поле, респонденты подчеркивали свой профессиональный статус и заинтересованность в функционировании данной сферы, особо отмечали разнообразие учреждений образования и культуры, которые функционируют на территории Екатеринбурга, подчеркивали количественные и качественные различия между мегаполисом (Екатеринбургом) и провинцией (областными городами и поселками), которые состоят не только в наличии учреждений образования и культуры, но и в «репертуаре» предлагаемых услуг.

И если в ответе на вопрос о значимости творческой деятельности для развития человека респонденты были единодушны, на вопрос о готовности предлагать новые

¹ Гатальский В.Д. Культурно-образовательное пространство как социально-педагогическая система // Педагогика. 2012. № 6. С. 25-29; Герасимов Г.И. Культурно-образовательное пространство как пространство развития личности // Социология в системе научного управления: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М.: ИС РАН, 2012. URL. Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank_congress4/613.pdf (дата обращения 30.03.2018); Культурно-образовательное пространство современного человека: Коллективная монография / Под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2010; Мурзина И.Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал: монография. М.: Перо, 2014.

направления работы в своей профессиональной среде положительно высказались 2/3 (при этом подчеркивалось, что это обусловлено «производственной необходимостью»), примерно столько же высказали готовность к обмену опытом, поиску эффективных форм работы, однако включаться в общественное обсуждение проблем образования и культуры, занимая активную субъектную позицию, готовы не более 7% респондентов (варианты ответов: «не вижу смысла», «решения принимаются не нами», «от нашего мнения ничего не зависит»).

Важным нам видится тот факт, что представители педагогической общественности подчеркивали, что для них значимо определение общих векторов в решении профессиональных вопросов, и в качестве примера приводили деятельность городских методических профессиональных сообществ (в Екатеринбурге – ассоциаций педагогов отдельных образовательных областей), а также подчеркивали, что активное включение учреждений культуры в пространство образования – это необходимость, которую диктует время, – и отмечали значимость для своей профессиональной деятельности такого взаимодействия.

В вопросах профессионального развития представители общеобразовательных школ и ряда учреждений культуры (сотрудники музеев и библиотек) более активны, чем представители вузов, а руководители органов управления отмечали инертность социальной среды. При уточняющем вопросе о готовности к диалогу с профессиональным сообществом большинство представителей органов управления соглашалось с необходимостью такой деятельности, приводя в качестве примеров участие в различных дискуссиях, инициированных общественностью (в частности, представители министерства культуры упомянули участие в дискуссиях о развитии городской культуры и обсуждения образа Екатеринбурга – см., например, материалы дискуссии «Культурный ландшафт Екатеринбурга: проблема конструирования и расширения»¹, создание Общественных советов при соответствующих министерствах (правда, обозначить, чем именно занимаются такие общественные советы, респонденты не смогли, уточнив, что процесс создания таких структур еще в самом начале).

В ходе интервью неоднократно высказывалось мнение, что единство культурно-образовательного пространства региона обеспечивается возможностями взаимодействия между учреждениями образования и культуры, которые должны носить системный характер. Конкретизируя такую точку зрения, педагоги школ и преподаватели вузов были едины в понимании необходимости целостной системы, в которой учреждения культуры могли бы выступить в качестве «дополнительной образовательной площадки», посещая которую учащиеся и студенты расширяли бы свои знания о регионе, приобретали опыт исследовательской и проектной деятельности. Респонденты подчеркивали, что такая работа велась и ведется, приводили конкретные примеры (исследовательские проекты школьников «Путешествие в старинный Екатеринбург», конкурс работ учащихся и студентов «Мир родного Урала», «Земли Уральской самородки», культурно-образовательный проект, объединивший студентов вузов, «Молодежь в пространстве музея» и пр.), однако отмечали, что это однократные мероприятия, которые не вписаны в единую систему, организуются и проводятся от случая к случаю.

При этом представители учреждений культуры (сотрудники музеев и библиотек), отмечая важность проведенных мероприятий, подчеркивали, что нужны конкретные предложения по организации совместной деятельности. На вопрос, от кого должна исходить инициатива, мнения разделились: педагоги отмечали, что в основе должны лежать образовательные потребности, представители учреждений культуры подчеркивали, что необходимо координировать их собственную работу и потребности системы образования. На вопрос, кто именно должен взять на себя координацию усилий, представители учреждений культуры затруднились с ответом, однако в нескольких интервью эксперты отметили, что

¹ Дискуссия «Культурный ландшафт Екатеринбурга: проблема конструирования и расширения // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. Электронный научный журнал. 2013, №3/4. URL: <http://region-culture.ru/Discussion.pdf> (дата обращения 30.03.2018)

если вести речь о включении учреждений культуры в образовательную ситуацию, то инициатива должна исходить от педагогов. Правда, под «образовательной ситуацией» понималось обучение отдельным школьным предметам, а организация культурно-досуговой или творческой деятельности в это понятие сотрудниками музеев, например, не включалась.

Представители профессиональных сообществ и в области образования и в области культуры осознают необходимость взаимодействия, однако их личная активность касается, по преимуществу, узкопрофессиональных вопросов (повышение эффективности их собственной деятельности), они готовы сотрудничать, но ожидают дополнительного толчка в виде интегрированных культурно-образовательных программ, кем-то, а не ими самими разработанных.

Несмотря на то, что культурно-образовательное пространство понимается как единое, в зависимости от профессиональной принадлежности респондентов его «очертания» изменяются. Так, представители сферы образования подчеркивают значимость развития образовательного потенциала культурно-образовательного пространства через включение в него не только учреждений образования различного уровня, но и более активного расширения за счет учреждений культуры. Представители сферы культуры акцентируют его творческий и досуговый потенциал, который ценен сам по себе, но дополнительно актуализируется за счет внимания к нему представителей сферы образования.

Интересен тот факт, что вопрос «какие еще, кроме традиционных учреждений образования и культуры, организации могут быть включены в культурно-образовательное пространство» вызвал затруднения. Назывались учреждения спортивной направленности (детские спортивные школы и секции) – 1/3 от числа опрошенных, реже – языковые курсы (их упомянули 2% от числа опрошенных), воскресные школы (их упомянули 2% от числа опрошенных). По сути, представители сфер образования и культуры видят культурно-образовательное пространство города как традиционное, не осознают, что сегодня в нем появляются и с разной степенью активности заявляют о себе новые субъекты. И если спортивные школы или языковые курсы рассматриваются скорее как сфера дополнительных образовательных услуг (экстенсивное развитие), то воскресные школы входят в более широкое поле действия религиозных конфессий и могут рассматриваться как новые субъекты культурно-образовательного пространства.

Реалиями сегодняшнего дня в Уральском регионе становится расширение количества субъектов культурно-образовательного пространства за счет представителей этнокультурных образований и религиозных конфессий. Беседы с представителями сфер образования и культуры показали, что деятельность этнокультурных групп они воспринимают как активизирующуюся, но при этом связывают ее почти исключительно с изменяющимся этническим составом населения. Как субъекты культурно-образовательного пространства они не воспринимаются (только 3% от числа опрошенных вспомнили о деятельности национально-культурных автономий).

В частности, представители министерства культуры Свердловской области отмечали активность представителей национально-культурных автономий, деятельность которых регулируется Федеральным законом № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» и предполагает смягчение национальной поляризации в российском обществе через перенесение акцента с требований прав и предпочтений для отдельных этносов в плоскость приобщения к этнической культуре. Деятельность национально-культурных автономий ориентирована на изучение и представление достижений того или иного этноса, проживающего в регионе, а также на правовую защиту граждан-представителей этнических меньшинств.

Наши респонденты о деятельности национально-культурных автономий в Екатеринбурге знают скорее как о правозащитной. Об образовательной составляющей вспомнили только 2% от числа опрошенных (были упомянуты курсы татарского языка). Активность в сфере культуры оказалась более заметной (упоминались национальный праздник сабантуй, о котором знает большинство опрошенных; отмечалось, что

представители различных этносов принимают участие в празднике День народов Среднего Урала). Однако как деятельных субъектов культурно-образовательного пространства города их не рассматривают. В то же время несколько педагогов общеобразовательных школ (4 %) отмечали, что они обращаются к представителям этнокультурных обществ, когда проводят уроки толерантности, с целью знакомства с национальными традициями, но не смогли ответить, как это связано с непосредственной деятельностью национально-культурных автономий.

В целом, можно сказать, что в ответах проявилась характерная для ментальности жителей Среднего Урала готовность к коммуникации с представителями различных этносов, желание знакомить с различными культурными традициями прежде всего детей и молодежь. В деятельности этнокультурных организаций значительное место занимает проведение праздников и фестивалей национальных культур, которые, по мысли их организаторов, в большей степени способствуют объединению и выступают в качестве фактора межкультурного взаимодействия.

В то же время представителей различных этнокультурных групп большинство наших респондентов рассматривает не как организованные сообщества, а как носителей иной культуры. При этом подчеркивалось, что деятельность национально-культурных автономий скорее важна для самих представителей этносов, и в гораздо меньшей степени – для внешнего по отношению к ним социума. Было высказано предложение: если есть потребность представлять этнокультурное разнообразие народов, населяющих Российскую Федерацию в целом и столицу Среднего Урала, в частности, то это может стать одним из перспективных направлений деятельности для национально-культурных автономий. Однако должно быть и встречное движение: национально-культурные автономии должны с большим вниманием относиться к существующей на территории региона культуре, стремясь не обособиться, но стать ее органичной составной частью.

Несколько иная ситуация наблюдается, когда речь идет о религиозных организациях и их роли в культурно-образовательном пространстве региона. В ситуации восстановления религии как системы вероисповедания и социального института представители различных конфессий включаются в социально-культурную жизнь региона. По данным Главного управления Министерства юстиции по Свердловской области по состоянию на 1 января 2018 года на территории области действуют 789 религиозных организации 19 религий, их направлений, течений деноминаций¹. Конечно, далеко не все они активны в культурно-образовательном пространстве.

Самой значительной по численности и наиболее активной в Свердловской области является Русская православная церковь. Задачи по религиозному образованию реализуются не только в сети религиозно-образовательных учреждений (церковно-приходские воскресные школы, православные образовательные учреждения), но и в светских учебных заведениях (школы, вузы) через организацию занятий с учителями, методическую помощь в ведении учебных курсов, посвященных православной культуре, проведение конкурсов и олимпиад для школьников.

Как отмечали педагоги общеобразовательных школ, изучение основ православной культуры входит составным компонентом в содержание образования (практически все отмечали этот факт как положительный). Об образовательной деятельности Русской православной церкви респонденты знают, но рассматривают ее скорее как параллельную своей собственной. В то же время более 15 % учителей общеобразовательных школ отметили, что они знают о проведении олимпиад для школьников под патронатом Православной церкви, положительно оценивают факт их проведения, но их ученики в этих олимпиадах участия не принимают.

В ходе обсуждения вопросов, связанных с функционированием культурно-образовательного пространства региона, выяснилось, что учителя школ понимают культуру

¹ Религиозные организации Свердловской области. URL: <http://www.midural.ru/community/100326> (дата обращения 30.03.2018)

не только как сферу творческой и культурно-досуговой деятельности, но шире – как пространство жизни, в котором живет и социализируется молодой человек. Поэтому ряд респондентов подчеркивали значимость социальных и социально-культурных проектов, в которых могут и принимают участие школьники и молодежь. В частности, отмечалось, что значимым для развития культурно-образовательного пространства региона выступает волонтерская деятельность в сфере социального служения, осуществление непосредственной помощи малоимущим и малообеспеченным (5% от числа опрошенных). И здесь они готовы взаимодействовать с представителями церкви. Это близко к тем задачам, которые ставит перед собой, например, молодежный отдел Епархии, выступая в качестве активного воспитателя.

Для представителей сферы культуры вопрос о взаимоотношениях с Церковью находится несколько в иной плоскости. Если об организации различных мероприятий, приуроченных к религиозным праздникам, сотрудники музеев отзывались положительно, то оценку представителями Церкви отдельных выставок, художественных акций воспринимали негативно, как ограничение свободы творчества. Тем самым подчеркивая, что у представителей религиозных организаций должна быть своя «лакуна», активное включение в широкое поле социальных взаимодействий не приветствуется.

О деятельности представителей Духовного управления мусульман Урала (Уральского муфтията) респонденты практически не знают. Исключение составили несколько человек, живущих в непосредственной близости от мечети. Они, в частности, знали о том, в праздник Рамадана открывается Шатер Дружбы, в стенах которого можно познакомиться с Кораном и традициями народов, исповедующих ислам. Известность деятельности той или иной конфессии зависит от стремления ее представителей к публичности и «выходу» в широкое социальное пространство и связана с количеством людей, относящих себя к представителям той или иной религиозной организации. На наш взгляд, важен тот факт (и это прозвучало в ответах), что ситуация в Свердловской области отличается от екатеринбургской. Прежде всего упоминались локальные поселения с этническим однородным составом населения (татарские или башкирские села), в жизни которых деятельность национально-культурных автономий и религиозных организаций более активна, выступая в качестве начала, объединяющего локальный социум.

Обобщая результаты проведенного эмпирического исследования, можно сказать, что культурно-образовательное пространство города респондентами воспринимается как данность, во многом определяющая их профессиональную деятельность, связанная с их личными предпочтениями и ценностными ориентирами. Субъект культурно-образовательного пространства стремится к тому, чтобы принадлежность к профессиональному сообществу, конфессиональному или этническому целому стала личностной характеристикой и позволяла отдельному индивиду определять свое место в системе социально-культурных коммуникаций.

В настоящий момент культурно-образовательное пространство мегаполиса как целостность находится в состоянии становления. И если сформулировать стратегическую цель его существования – формирование образа региона как многогранного, разнообразного поля, которое удовлетворяет потребности самых разных социальных групп, то можно сказать, что она достижима в случае ее осознанности субъектами культурно-образовательного пространства.

В настоящее время в культурно-образовательном пространстве региона и его столицы появляются новые субъекты действия, которые скорее позволяют говорить об экстенсивном развитии и отсутствии общих целей и задач по формированию образа региона. Нескоординированность и фрагментарность деятельности субъектов регионального культурно-образовательного пространства приводит к тому, что сферы образования и культуры, несмотря на активно ведущуюся деятельность, воспринимаются как обособленные, в то время как их кооперация могла бы одним из условий для повышения привлекательности и конкурентоспособности Уральского региона, который наряду с традиционно-стереотипным представлением об «опорном крае державы» мог бы приобретать новые черты.

Единство регионального культурно-образовательного пространства позволяет решить организационные проблемы, обеспечивающие взаимодействие сфер образования и культуры, включая этнокультурные и религиозные организации, и содержательные вопросы создания общего информационного поля; выявить возможности для инновационного экономического развития через активизацию творческих индустрий и волонтерскую деятельность.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

БЕЗОТХОДНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ПУТЬ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ СВАЛОК В ГОРОДЕ ЧЕЛЯБИНСКЕ

Рыболовлев А.А., Тарынин Д.С.¹
Челябинский энергетический колледж
Челябинскраук9922@mail.ru

Аннотация. В статье ставится проблема развития путей утилизации твёрдых бытовых отходов в мегаполисе. Автор утверждает, что одним из эффективных механизмов решения экологических проблем является развитие системы безотходного производства. В статье делается вывод, что развитие общей культуры на всех уровнях социума позволит осознать сложность экологических проблем и найти пути их решения.

Ключевые слова: экология, культура, твёрдые бытовые отходы, безотходное производство.

WASTE MANUFACTURING AS A WAY OF SOLVING THE PROBLEM OF UNAUTHORIZED DUMPS IN THE CITY OF CHELYABINSK

Andrey A. Rybolovlev, Daniil S. Tarynin²
Chelyabinsk Power College
Челябинскраук9922@mail.ru

Abstract. The article poses the problem of the development of ways to utilize solid household waste in the megalopolis. The author claims that one of the effective mechanisms for solving environmental problems is the development of a system of non-waste production. The article concludes that the development of a common culture at all levels of the society will make it possible to realize the complexity of environmental problems and find ways to solve them.

Key words: ecology, culture, solid household waste, non-waste production.

Экологические проблемы загрязнения окружающей среды, выброс отходов является проблемой номер один не только для Министерства по охране окружающей среды, но и для государства в целом. Отходы и наше обращение с ними привели к ряду экологических проблем, например, к выбросу газов, вызывающих парниковый эффект, тяжелых металлов и других экологически вредных химических веществ. Пока существует жизнь на земле, человечество производит отходы. Столько же времени стоит задача: решения проблемы отходов эффективнее и наиболее экологичным способом. От решения данной проблемы зависит благополучие и существование человечества.

В настоящее время актуализировалась проблема утилизации твёрдых бытовых отходов. Власть пытается решить проблему закрытием переполненных полигонов, что вызывает распространение стихийных свалок. Несанкционированная свалка мусора - самовольный сброс (размещение) или складирование твердых бытовых отходов (ТБО), отходов производства и строительства, другого мусора, образованного в процессе деятельности

¹ Научный руководитель: Ткачук Оксана Альбертовна, преподаватель Челябинского энергетического колледжа

² Scientific adviser: Oksana A. Tkachuk, teacher of the Chelyabinsk Power College

юридических или физических лиц, на площади свыше 50 кв. метров и объемом свыше 30 куб. Чем опасна несанкционированная свалка мусора для окружающей среды и здоровья человека?

Окончательная обработка отходов, на сегодняшний день, означает либо их захоронение на свалке, либо сжигание, и два этих вида окончательной обработки оказывают разное, но в обоих случаях негативное, влияние на окружающую среду. Размещение отходов на свалках ведет к выделению метана - одного из парниковых газов и опасных химических веществ, которые оказывают вредное воздействие на окружающую среду.

Сжигание отходов ведет к выбросу газов. Эти газы содержат опасные химические вещества, такие как кадмий, ртуть и свинец. Токсичность тяжелых металлов при их изолированном действии на теплокровный организм достаточно изучена. Известно, что при поступлении в организм они могут оказывать влияние на функцию кроветворения, вызывать изменения морфологического состава периферической крови, блокировать сульфгидрильные группы, представлять опасность, способствуя развитию канцерогенного, генетических и других отдаленных биологических эффектов. Помимо этого, на природную среду оказывает влияние выделение биогаза - метана, кислорода, углекислого газа, содержание которых может составлять десятки процентов. Эти величины превышают санитарные нормы и могут вызвать удушье человека. Биохимическое разложение и химическое окисление материала свалки может сопровождаться образованием очагов выделения тепла с повышением температур до 75°C, т.е. возможно самовозгорание отходов¹.

Проблема несанкционированных свалок Челябинска стоит достаточно остро. В больших городах стоит вопрос несанкционированных свалок и утилизации мусора и Челябинск, город – миллионник, не является исключением. Ежегодное образование твердых коммунальных отходов на территории Челябинской области составляет около 900 тысяч тонн, ежеквартально на территории области выявляется около 300-400 стихийных, несанкционированных свалок. За первый квартал 2017 года было обнаружено 297 несанкционированных свалок мусора в Челябинской области. Несанкционированные свалки расположены не только в самих городах и других населенных пунктах, но и вдоль трасс, что усложняет их ликвидацию.

Основными причинами захламления территорий является отсутствие учета образования отходов и контроля за их движением, а также отсутствие полигонов, соответствующих требованиям законодательства. Всего на территории Челябинской области действует 5 полигонов, на которые поступает только 15% от образуемых отходов. Остальная часть образуемых твердых коммунальных отходов размещается на свалках, в том числе несанкционированных, где отсутствует какой-либо учет.

Кроме того, проблемой являются сами жители города. В местах уже ликвидированных свалок люди продолжают оставлять мусор, не замечая новых официальных площадок для сбора мусора, находящихся не так уж и далеко - в пределах 30 метров. В числе таких возобновляемых несанкционированных свалок пустырь на улице братьев Кашириных, точки возле домов по адресам улица Энтузиастов, 13а, Нахимова, 7, на улицах Чичерина и Павлова и других. Многие жители города Челябинска принимают решение покинуть город, переезжают в другие регионы. Наверное, можно сегодня говорить о феномене «экологической миграции»². Не хотелось бы, чтобы в будущем в стране началась и «экологическая эмиграция»³.

Утилизация и переработка твердых бытовых отходов становится серьезной проблемой не только для мегаполисов, но и для сравнительно небольших населенных пунктов. С каждым годом их объем (не считая даже отходов предприятий) увеличивается, соответственно растут расходы казны. Один лишь Челябинск ежегодно производит около 850 тысяч тонн отходов,

¹ Промышленная экология: Учебник / Ф.Ф. Брюхань, М.В. Графкина, Е.Е. Сдобнякова. М.: Форум, 2011. 208 с.

² Куда бегут челябинцы от НМУ и почему возвращаются назад. URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26759.5/3789839/> (дата обращения – 29.03.2018)

³ Пронин А.А. Российская эмиграция в современной историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Екатеринбург, 2001. 26 с.

поэтому в столице Южного Урала предлагается поставить модульный завод для переработки до миллиона тонн мусора в год. Проект решит проблему разрастания городской свалки, заявляют его авторы. Таких заводов в России еще нет. Современное предприятие этого типа может превращать мусор в электроэнергию, горюче-смазочные материалы, например, моторное топливо и мазут, а также строительные материалы — плиты или кирпичи. На проектирование комплекса может уйти около шести месяцев, а на строительство еще 2 года. Также в мэрии считают, что благодаря заводу в городе появятся новые рабочие места, а в бюджете — дополнительные средства от налоговых отчислений.

Решить проблему можно путём развития безотходного производства. Безотходным называется производство, при котором все сырьё и даже отходы все равно превращаются в готовую продукцию. В том числе концепция такого процесса предусматривает переработку любой продукции, даже после ее морального или физического износа. Налаженное безотходное и малоотходное производство упростит логистику и снизит затраты на сырьевые запасы. Это, в частности, будет отражаться на себестоимости и снижении затрат, в итоге вырастет прибыль. Важным считается то, что при таких процессах не залеживается сырьё, и оно не приходит в негодность. В том случае, если материалы станут невостребованными для одной продукции, их пустят на изготовление другой.

Безотходное производство в России славится переработкой древесины, на сегодняшний день ее уровень составляет более чем 80%. Практически все отходы перерабатываются в полезные продукты, а именно – топливные брикеты и гранулы. Щепки и опилки прекрасно подойдут для отопления, так как такое сырьё считается достаточно дешевым и имеет хорошую теплоотдачу. Безотходное производство древесины называют самым качественным и замкнутым процессом, так как отходы от него минимизированы, и можно сказать, практически отсутствуют. Помимо традиционных пиломатериалов также можно производить высококачественные мебельные щиты и мебель¹.

Так же есть и другие варианты использования мусора. Например, в Японии из твёрдых бытовых отходов создавали острова. В 1973-1987 г. часть Токийского залива была засыпана 12 млн. тонн мусора. В Японии мусор начинают сортировать в каждой семье, а затем — в центрах переработки мусора. Искусственная земля должна быть, как и природная. Для этого из мусора изымают негорючие остатки, расплавляют их и получают твердые блоки, из которых и строят контур будущего острова. Полигон не должен контактировать с морскими и грунтовыми водами. В дальнейшем такой полигон превращается в месторождение природного газа, который может быть использован как топливо для сжигания в котлах, электростанциях и котельных. На крупных свалках в Германии, США, Великобритании так же добывают газ из свалок².

Следовательно, проблема утилизации твёрдых бытовых отходов в мегаполисе есть проблема развития общественной и индивидуальной культуры³. Необходимо строить социально-ориентированную экономику⁴. Необходимо поднимать уровень культуры населения, способного на бытовом уровне сортировать мусор; нужно поднимать уровень культуры городских властей способных организовать в масштабах города раздельный сбор, вывоз и переработку мусора; следует поднимать культуру предпринимателей, способных инвестировать в бизнес-проекты, направленные на качественное улучшение экологии города. Необходимо общее осознание ценности человека в масштабах отдельного города и государства в целом.

¹Инновационное развитие экономики и образования на современном этапе развития России. Челябинск, 2013. 396 с.

²Экологический мониторинг. Технология безотходного производства. URL: <http://schooled.ru/textbook/technology/11klas/14.html> (дата обращения – 29.03.2018)

³Баркова В.В. Диалектика обертон професии и профессиональной идентичности // Фундаментальная и прикладная наука. 2016. № 1. С. 6-9.

⁴Социально-ориентированная экономика: современная модель развития, проблемы и тенденции. Челябинск, 2012. 276 с.